детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

7/2011

Искатель, 2011 №7

Сергей Саканский, Анатолий Галкин, Владимир Лебедев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 7
Содержание:
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Сергей САКАНСКИЙ. АМФОРА
Анатолий ГАЛКИН. ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ
Владимир ЛЕБЕДЕВ
ЗАГАДКА УЗНИКА. ЛЬВИНОЙ СКАЛЫ
В ПОИСКАХ. ЗОЛОТОГО ГОРОДА
ЧЕРЕП. БОГА СМЕРТИ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 7

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

7/2011

(390)

2011

*

© «Искательпресс», 2011

Содержание:

Сергей САКАНСКИЙ
АМФОРА
повесть

Анатолий ГАЛКИН
ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ
повесть

Владимир ЛЕБЕДЕВ
ЗАГАДКА УЗНИКА
ЛЬВИНОЙ СКАЛЫ
историческое расследование

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО ГОРОДА
историческое расследование

ЧЕРЕП БОГА СМЕРТИ
историческое расследование

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Приветствуем вас, наших постоянных читателей, а также тех, кто впервые подписался на журнал «Искатель».

В этом полугодии вас ждут встречи с произведениями В. Соколова, братьев Юдиных, С. Саканского, П. Амнуэля, Н. Новикова, В. Лебедева и других знакомых вам авторов. В ближайших выпусках читайте повести популярных авторов А Галкина «Спаситель демократии» (детектив из серии «Вилла Икара») и А. Юдина «В аду только свои». События развиваются на изолированном от мира тропическом острове. Главный герой, попавший туда по стечению обстоятельств, оказывается невольным участником преступлений убийцы-маньяка и встает перед нелегким нравственным выбором.

Сергей САКАНСКИЙ
АМФОРА

Сергей САКАНСКИЙ
АМФОРА

Для вас — века, для нас — единый час...
Александр Блок «Скифы»

1

Скифская баба внутри греческого склепа — явление уникальное, и нет ему никакого разумного объяснения. В шестом веке до нашей эры эта местность была колонизирована выходцами из Эллады, они построили здесь довольно крупный город, именуемый Гермонасса. Так его назвали в честь Термона, строителя колонии и первого архонта — лидера ее людей. У Глеба были все основания полагать, что найденный склеп принадлежит именно роду Термона и где-то на дне камеры покоятся кости человека-легенды. Желание найти эти останки было настолько сильным, что Глеб так и назвал этот незапланированный раскоп: «склеп Термона».

Но как объяснить такое смешение культур? Зачем колониальным грекам потребовалось спустить в свой семейный могильник святыню чуждого, дикого народа, населявшего враждебные степи?

Вот уже три дня, как жуткая серая голова появилась из толщи грунта в раскопе, и Глеб почти

смирился с самим фактом ее существования; ему даже казалось, что он на грани какого-то потрясающего открытия, которое перевернет современную историческую науку... И вот сегодня древний идол преподнес ему новый сюрприз — нечто совершенно невообразимое, никакого отношения не имеющее ни к науке, ни к реальности вообще.

2

Глеб Славин служил начальником археологической экспедиции, что стояла на краю Таманского полуострова, раскинув свои палатки у самого берега залива. Море здесь было не для развлечения: уставшие землекопы попросту мылись в его невысоких волнах, горстью водорослей счищая с загорелых ног вещество тысячелетий.

Две недели назад Глеб проводил плановую проверку стройплощадки под будущую школу: по закону, прежде чем что-то строить, полагалось запустить археологов.

Угол камня, явно обработанного, торчал из грунта. Глеб распорядился копнуть... В результате строительство школы было приостановлено, поскольку блок песчаника лежал в кладке свода богатого греческого захоронения. Такую основа-

тельную постройку мог позволить себе только сильный, процветающий род. А чей род в те времена мог быть таким? Да только Термона, основателя города, который и назван-то был в честь него. Значит, Глебу именно и предстояла «встреча» с самим Термоном, то есть — бережная расчистка его костяка.

Пока же раскопки дошли примерно до трех четвертей глубины, для чего начальнику экспедиции пришлось в срочном порядке организовать бригаду из пяти наиболее опытных копателей и самому возглавить ее.

Законы Российской Федерации были на стороне археологов: огороженный участок считался неприкосновенным до конца раскопок, которые можно было вести, по обыкновению, медленно и верно, но Глеб не хотел портить отношения ни со строителями, ни с администрацией станицы, поэтому и устроил три рабочих смены, на весь световой день, причем из-за нехватки людей в последней, вечерней, смене он сам становился простым землекопом.

В этой смене его напарником был Сед — вечный студент, профессиональный пьяница и наркоман-любитель: пьян он был всегда, а вот всяческие драги — таблетки или траву — употреб-

лял при случае. Его полный ник был Седуксен, а имя-фамилию уже давно никто не помнил.

— Что за... — послышалось кряхтенье из первой камеры, где работал Сед. — Глеб, это глюк какой-то. Подойди, пшласта, псмотри. Статуя просто летает в склепе!

Сед глотал слова от волнения: казалось, он чего-то сильно боится.

Глеб отвлекся от изящного флакончика, который расчищал в нише. Археологический нож Седа (обыкновенный, конечно, просто широкий нож, каким режут хлеб, но здесь и теперь любой инвентарь можно называть археологическим) ковырял под основанием скифской бабы, уже зайдя за его край. Сед прорыл довольно длинную нору. Глеб совершенно естественно полагал, что баба опирается на какой-то камень — ведь в первой камере, где работал студент, до пола склепа оставалось предположительно сантиметров пятьдесят, о чем можно было судить по уровню дна второй камеры, которая уже была освобождена от грунта. Но никакого камня под статуей не было.

— Сед, — терпеливо сказал Глеб, — не паникуй. Наверное, она просто стоит на двух блоках, справа и слева от твоей дыры. Возьми щуп и проколи

грунт.

Сед нашарил длинный стальной прут с буковой ручкой, позаимствованной у напильника, и осторожно ввел его в пространство под статуей. Щуп прошел сквозь песок легко, с тихим хрустом, будто врезаясь в мякоть плода. Никакой опоры под изваянием не было.

— Должно быть какое-то объяснение, — пробормотал Глеб, вслушиваясь в нарастающий гул самолета. — Ты не трогай ее пока, расчищай, например, западный угол, — он двинул ладонью в сторону запада, будто отмахиваясь от мухи, и несколько секунд стоял, запрокинув голову, пока самолет — Ан-24, выполняющий рейс Ростов — Новороссийск, — не скрылся за краем раскопа.

Глеб уже смирился с тем, что греки использовали идола чуждой культуры, например — просто как глыбу камня, как колонну для поддержки свода, скорее всего, намереваясь ее обтесать, чтобы стереть все признаки изображения, но что-то помешало, и баба так и осталась бабой.

Правда, голова изваяния не касалась потолка. Ну и что? Можно допустить, что ее только собирались сделать колонной, однако позже, когда строительство камеры подошло к завершению, передумали, подняли потолок повыше, а

саму скульптуру уже было поздно вытаскивать, поскольку строители уже уложили камни, ограничивающие вход.

Это было единственное объяснение. Возможно даже, что какое-то время варварская святыня и вправду служила колонной: на ее голову водрузили дополнительный блок, но затем, от вековых подвижек земли, он свалился и лежит теперь где-то на полу, под нераскопанным слоем земли...

И вот теперь — новый сюрприз: статуя, как выразился Сед, просто летает в склепе!

Ну, не летает, конечно, в реальном смысле. Дело в том, что искусственные подземные пустоты постепенно заполняются грунтовыми наносами и пол сооружений с веками поднимается до тех пор, пока могила полностью не зарастет песком или лёссом — в зависимости от того, каковы в данной местности грунты. Это только в кино отважные археологи проваливаются в какие-то подземелья и бродят там среди умопомрачительных артефактов.

Получается, что скифскую бабу поставили в склеп уже спустя лет полтораста после того, как он был закрыт и пол занесло на полметра.

— Но это невозможно! — воскликнул Глеб, вперившись в плоское серое лицо бабы, в сущности,

к ней и обращаясь. — Ведь плиты на входе не смогли бы тебя пропустить, такую толстую. Получается, будто ты сама по себе появилась внутри готового склепа, будто родилась здесь.

— Родилась, выросла и умерла, — угрюмо отозвался Сед, не разгибаясь в своем углу.

Скифская статуя возникла в склепе не раньше первого века до нашей эры, иначе она стояла бы ниже.

Спустя минуту Глебу уже было не до раздумий на тему исторического детектива. Он присел на корточки и осторожно поддел сантиметровую корочку грунта под нишей для жертвоприношений. Он специально оставил этот кусок нетронутым, чтобы не топтать узорную ступеньку во время работы в нише, и теперь решил наконец дочистить его. Утоптанный его ногами пласт отслоился от каменной плиты, явив темно-бурый тюльпан, мозаикой выложенный на ступеньке. И не только... На каменном венчике цветка лежала золотая монета.

О большей удаче Глеб даже и не мечтал. Золото уже блеснуло в этом склепе: позавчера, едва начав расчищать нишу для жертвоприношений, он вытащил небольшой канфар, относящийся к шестому веку до нашей эры. Была в нише и медь

— маленький половник, с помощью которого греки размешивали в пеликах свое густое вино. Но монета — особый случай. Это была первая монета в его жизни. Глеб низко наклонился, почти распластавшись по полу, достал лупу и рассмотрел находку. Что-то с этой монеткой было не так, но он не сразу понял, какой невероятный сюрприз преподнес ему древний могильник...

3

Глеб служил археологом уже пятый год. Поначалу он думал поступить в аспирантуру, написать диссертацию, может быть, перебраться в Москву, на чем постоянно настаивал отец, мечтая, чтобы сын стал большим ученым. Именно на деньги отца Глеб и закончил Краснодарский университет.

Сразу поступить в аспирантуру не удалось. Неожиданно открылась вакансия руководителя экспедиции в кубанской станице. Глеб ехал сюда с искренней уверенностью, что будет целый год готовиться, понемногу каждый день, и следующей весной сдаст экзамены, явившись в альма-матер прямо с раскопок, загорелый и жилистый, словно Индиана Джонс.

У Индианы кнут, а у Глеба — солдатский ремень. Индиана носит лихую ковбойскую шляпу,

а Глеб — не менее значительную хулиганскую кепку, какие крутили с особым заломом короли астраханских дворов в пятидесятые, в эпоху юности отца, от чего осталось множество фотографий в старых альбомах: отец и его молодые друзья, теперь уже умершие — с папиросками в уголках рта, в белых футболках, которые действительно имели смысл, поскольку ребята и вправду постоянно играли в футбол... Отец скончался от сердечного приступа той осенью, когда Глеб сидел в казачьей хате над книгами и учебниками. Съездив домой на похороны и вернувшись в станицу, он вдруг понял, что не надо ему никакой аспирантуры и ученым он быть не собирается, ибо уже нет отца, некому доказывать...

Впрочем, и доказывать ничего не хочется. За осенью естественным образом последовала зима, коллектив археологической экспедиции сузился до одного человека — ее руководителя Глеба Славина, станицу на две недели занесло снегом, Азовское море замерзло, из окна было видно, как над серым льдом ветер гонит голодных, ничего не понимающих чаек, но даже в бесконечные вечера, когда отключали свет и так было бы весело посидеть над мудрой книгой с керосиновой лампой, Глеб и вовсе не открыл ни одной своей

книги...

Зачем ему, собственно, быть ученым в каком-то пусть даже и столичном кабинете, входить, блистая лбом, в лекционные аудитории, когда ему и так хорошо? Впрочем, в детстве он мечтал стать летчиком, и если уж это не сбылось, то какая разница, кем вообще быть...

Наступила весна, в экспедицию понаехали архаровцы со всей страны, Глеб опять ходил в своей кепке, подпоясывался ремнем. Стал действительно археологом, достаточно знал этот предмет, чувствовал маленькие археологические радости, вроде вот этой монеты с профилем Митридата-Евпатора.

Во оно! Митридат-шестой Евпатор правил на рубеже тысячелетий. Этот склеп запечатали задолго до его рождения. Как же сюда попала монета с его чеканным лицом?

Хорошо: ее обронил человек, который побывал в склепе спустя полтораста лет после того, как тут перестали хоронить людей. Значит — это обычный грабитель, расхититель гробниц. Но если это так, то почему же он ничего не взял — ведь тогда еще не была занесена песком ниша, из которой Глеб своими руками на той неделе извлек медный половник, несколько чудесных керами-

ческих тарелочек и главное — золотой канфар, то есть довольно крупный двуручный сосуд.

Как мог этот древний грабитель не взять меди и золота? Да и вообще — склеп-то был нетронут, а значит, человек, побывавший внутри, вообще ничего не взял.

Или, может быть, он все же что-то взял? Что-то такое, что было для него ценнее, чем золото? Но что может быть ценнее золота для жителя рубежа тысячелетий?

Нет, это неразрешимый вопрос: тот человек давным-давно умер, его плоть разложилась, вернулась в землю углеродом, азотом, кремнием, уже много раз послужила пищей для новых растений и животных, которые, в свою очередь, также перешли в гумус, и за две тысячи лет жизненный круг провернулся несколько раз...

Глеб осмотрел оба помещения склепа, провел мысленную линию от основания скифской бабы до ступеньки, которая была сооружена перед жертвенной нишей, чтобы было удобнее размещать в ней всяческие предметы. Так и есть: монета и статуя располагались на одном уровне. Получается, что ее обронил один из тех людей, которые зачем-то впихнули в склеп эту ужасную бабу. Разобрали перекрытия, поставили ее в яму,

затем вновь запечатали склеп. Будто спрятали в нем скифскую святыню. Нигде, ни в какой литературе Глеб не читал ничего подобного. Чувство открытия вновь отдалось в груди легким покалыванием.

4

Что-то негромко стукнуло наверху. Глеб поднял голову и вздрогнул от неожиданности. Прямо на него, с расстояния метра, смотрело лицо, плохо различимое на фоне вечернего неба.

Секунд пять Глеб молча расставлял по местам его черты, будто собирая пазл, некую цветную мозаику, поскольку ему казалось, что он уже где-то видел эту девушку.

Впрочем, ничего удивительного: многие лица в станице давно ему примелькались — почта и пристань, керченский катер или просто улица — где только он не мог встретить ее раньше... Девушка сидела на корточках у края раскопа, сцепив руки в замок под подбородком. Короткая толстая косичка свисала с ее плеча.

— И что же вы тут делаете, мужчины? — спросила она низким голосом, и по одной-единственной фразе, по ее интонации Глебу стало ясно, что перед ним вульгарное, низкоорганизованное

существо.

Чаще всего красота — и есть единственное достоинство красавицы. Глеб ответил поговоркой из детства:

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Я никогда не состарюсь, — угрюмо пошутила девушка.

— Лара! — воскликнул из своего угла Сед, оторвавшись от работы.

Глеб удивленно воззрился на него: и когда успел познакомиться с такой классной девчонкой этот шустрый драгмэн? Сед будто бы тотчас ответил на мысленный вопрос начальника:

— Это Лара. Она — черный археолог.

— Правда? — спросил Глеб у девушки.

— Просто любитель, — сказала она. — Вот, буду поступать в этот... Как его? В Краснодарский университет. Это ж надо: такие слова выговорить!

— Да уж, — сказал Глеб, — примут тебя с таким выговором. А самодеятельные раскопки запрещены. Да и я не позволю, лично.

— А я и не копаю ничего! Так, собираю всякую мелочь на берегу.

— Всякую собранную *мелочь*, — проговорил Глеб, ударяя на слове, — положено сдавать в экспедицию, то есть мне, лично в руки.

Глеб сразу пожалел, что выглядит таким занудой, повторяя одни и те же речи.

— Как это — положено? — спросила девушка. — Положено кем? Положено куда?

Лара смотрела на него синими, круглыми от удивления глазами, будто не понимая, что он хочет сказать, а Глеб, уже не в силах остановиться, продолжал свою педантичную нотацию:

— Российскими законами. А вас я попрошу покинуть территорию раскопок.

Вот так всегда: зациклился и не можешь сойти с тропы. Да с такой простушкой шутить надо, комплименты ей говорить, а не в бутылку тут лезть.

— А я и не желаю никаких территорий захватывать! — Лара дернула плечами, сверкнув на солнце гладкой золотой косичкой. — А что это там у вас блестит, любезнейший? — она выбросила руку вперед и вниз.

— Монета, — смягчился Глеб, думая, что давно уже пора перестать выглядеть ученым дураком, но последующие слова Лары повергли его в изумление:

— Какая-то она неправильная, правда?

Это было немыслимо! Мало того, что эта девчонка разглядела с такого расстояния профиль Евпатора, она еще и сделала выводы... Это зна-

чило, что она лишь притворяется дурочкой и понимает в древностях гораздо больше, нежели полагается ее возрасту и образованию. Реальный черный археолог. Вот они, оказывается, какие. Глеб никогда раньше не встречался с людьми этой запретной профессии.

— О чем это вы говорите, хотел бы я знать? — спросил Глеб.

Лара будто бы смутилась, что показалось трогательным.

— Ну, это... — сказала она. — Почему на полу валяется?

— Кто-то уронил, вот и валяется, — сердито ответил Глеб.

Интерес, возникший было у него к этой Ларе, быстро угас. Ничего она не понимает — просто монетка «неправильно» валяется.

— Уронил — кто? Уронил — когда? — не унималась девушка.

— Одному Зевсу известно, — сказал Глеб.

— Нет никакого Зевса. Выдумали его.

— Мудрое замечание. Однако нам работать надо, а вы мешаете разговорами.

— Таки не говорите со мной!

Бесполезно. Глеб отвернулся и осторожно ковырнул пласт рядом с монеткой. Трогать ее

нельзя, надо сначала нанести на план и сфотографировать. Глеб быстро дочистил кусок до стены, обнажив весь мозаичный тюльпан. Больше никаких предметов в этом слое не было.

Глеб работал, не подымая головы, но краем уха слышал, как девушка встала, прошлась по краю раскопа туда-сюда и наконец удалилась, что-то напевая себе под нос. Песенка эта, мелодичная и грустная, была какое-то время слышна, но вскоре слилась с шорохом степной травы.

«Вряд ли когда-нибудь еще увижу эту Лару», — с грустью подумал Глеб, и потом, когда последующие события, фантастические и страшные, закрутили его, словно щепку на воде, он не раз вспоминал эту мысль и дивился своей проницательности, которая сработала на сей раз с точностью до наоборот.

5

Глеб вылез из ямы по шаткой деревянной лесенке. Надо сфотографировать монету в том положении, в каком она была найдена. Он запустил руку в седельную сумку своего мотоцикла, пытаясь нашарить фотоаппарат, но в ладонь попадали бумаги, рукавицы, шариковые ручки, ещё какие-то мелочи... Так-с! Меньше надо пить

черного тмутараканского по ночам. В наказание — гнать сейчас в лагерь. Пусть, в принципе, фото монеты на ее родном месте и не обязательно: по инструкции достаточно чертежа, а фото — по возможности, но Глебу так хотелось запечатлеть ее, первую свою монету, к тому же — что самое важное — нужно будет продемонстрировать сотрудникам археологического музея точное место, где лежала эта странная монета.

— Сед! — позвал Глеб, подойдя к обрезу ямы. — Я сгоняю в лагерь за фотоаппаратом.

Студент замер с археологическим ножом в руке, будто повар на рабочем месте.

— Темнеет... — неопределенно протянул он, и в голосе его звучала тревога.

— Ну и что?

— Ничего... А если я с вами? Мне тоже в лагерь нужно... Это...

— Ты соображаешь, что говоришь? Тут всякие черные археологи бродят, а ты хочешь раскоп бросить?

— Ну, пленкой накроем...

— Ты что — *ее* боишься? — кивнул Глеб на скифскую бабу, сделав ударение на слове «ее», так что им обоим вдруг стало не по себе, будто между ними пронеслась летучая мышь.

— Да не очень, — честно признался Сед. — Тут другое. Лара говорила, что в этом склепе живет древний дух.

— И ты веришь?

— Мало ли чего на свете не бывает? Призраки могут объясняться вполне реально, просто еще не открытое физическое явление. Вот и в научных журналах пишут...

— В каких еще журналах?

— Ну в этом, как его? И в другом... Глеб Сергеич! А может быть, просто позвонить кому-нибудь? Пусть принесут фотик, а?

Глеб и сам уже думал об этом, но позволить кому-то из ребят запросто копаться в его вещах...

— Ты мне вот что лучше скажи, Седуксен! — Глеб также обратился к нему «полным именем», — Скажи-ка лучше: эта Лара, значит, тут уже давно ходит, вынюхивает что-то, так?

— Вчера была, — ответил Сед. — При мне — один раз.

— С чего ты взял, что она черный археолог? Сама она, что ли, об этом растрепала?

— Да нет. Просто шаталась тут, высматривала, просилась спуститься вниз, посмотреть, но мы не пустили. Я спросил: ты что — черный археолог? Она стала гнать пургу, что нет, не черный, да

и вообще не знает, что это такое, что приехала недавно, остановилась в станице Виноградной, просто интересуется древностями... Ну, я и понял все про нее.

— Интуиция, что ли?

— Вроде того, — ответил Сед с гордостью. — К тому же у нее сумка была, лопатка складная на ремне, а из сумки кисть торчала.

— С этого и надо было начинать, про лопатку и кисть, а не про интуицию. Ладно, я скоро обернусь. Если появится снова, гони ее в шею.

— Темнеет... — пролепетал Сед.

— Вруби генератор, — сурово заметил Глеб.

6

Темнело и вправду — по-южному быстро и глубоко. Старенький «Урал» стрекотал, часто чихая, под своим седоком. Глеб включил фару, шаря мутным световым пятном по степному бездорожью, затем выехал на станичную улицу, озаренную фонарями, хоть и редкими, и выключил свет.

На улицах не было ни души. Глеб подумал, что Сед лукавит, говоря о своих мистических страхах, о каком-то там призраке... Лучше выглядеть суеверным, чем обыкновенным трусом. Дело в том, что несколько дней назад по местному

радио прошла информация о том, что где-то в пределах Краснодарского края объявилась террористическая группировка Доцоева. Жителей призывали к особой бдительности, рекомендовали не выходить без особой нужды и так далее. Каждый день поступали сообщения, одно другого загадочней. Оказывается, никто толком не знал, кто такой этот Доцоев, зачем покинул Кавказ и привел свою банду в Россию. Да и с Кавказа ли он явился? В Ичкерии вообще никто не слышал о таком человеке. Скорее всего, Сед боялся, что его пристукнут террористы, позарившись на археологические ценности, а призрак склепа Гермона — лишь отговорка. Хотя ничто не мешает Седу, с его расшатанной всякими веществами психикой, бояться и того и другого.

Глеб перевернул всё в своем «кабинете», обыскал также и камералку — помещение для камеральных работ. Кабинетом он считал маленький чулан в казачьей хате, которую ему выделили как служебную площадь. Камералка была в пристройке к этой хате, где, вероятно, в прежние времена располагался хлев. Еще в этой хате были спаленка и кухонька — комнаты одна другой меньше. Дом стоял на самом краю высокого обрыва над морем, через узкое окошко

был виден туманный крымский берег днем и цепочки керченских огней ночью. Никакого фотоаппарата Глеб не нашел, обыскав свое жилище до последнего темного уголка.

Он сел на табуретку, задумался. Теперь ему казалось, что он хорошо помнит, как укладывал камеру в седельную сумку сегодня утром. Выпасть по пути она не могла. Вывод напрашивался только один: кто-то умудрился стащить камеру. Вряд ли это был какой-нибудь местный воришка, который незаметно и неслышно подкрался к мотоциклу. Фотоаппарат могла взять только Лара, черный археолог.

Аппарат был хороший, с немецким стеклянным объективом. Глеб делал этим цифровиком макросъемку даже самых мелких объектов. И что же? Девушка Лара позарилась на саму технику?

Или, может быть, дело не в фотоаппарате, а в том, что запечатлено на его карте памяти? Черные археологи хотят знать, что именно найдено в этом склепе. Зачем? Ответ один: готовится ограбление. Все найденные вещи хранятся на камералке, проникнуть в этот бывший хлев не стоит никакого труда. Выставить охрану? Назначить дежурства из числа самых крепких копателей?

Обо всем этом Глеб думал, уже стрекоча своим «Уралом» по пути к раскопу. Над головой проносились летучие мыши. С моря дул ночной ветер, пирамидальные тополя волновались в вышине, словно пляшущие великаны. Свернув с проселка в чистую степь, Глеб заметил долговязую фигуру, бегущую навстречу: она резво размахивала руками, как профессиональный бегун, как Терминатор-2. Свет фар выхватил бледное, искаженное страхом лицо Седа. Глеб затормозил, круто развернув мотоцикл.

— Привидение! — сказал Сед громким шепотом.

— Ты что, опять наширялся каким-то драгом?

— Нет, гражданин начальник, вот те крест! — Сед и вправду широко, размашисто перекрестился. — Ужасное. Белое. Косматое, словно из соломы.

Глеб стукнул ладонью по заднему сиденью.

— Садись!

— Я не хочу опять туда.

— Ладно. Быстро дуй в лагерь и вызови кого-нибудь, кто потрезвее. Двоих. Пусть сторожат раскоп. Не от привидений — от людей! — закончил Глеб, уже сдвигая передачу с нейтралки носком сапога.

7

Заглушив двигатель перед самым отвалом раскопа, Глеб услышал негромкий шипящий звук: это работал генератор. Прямоугольная яма светилась, проецируя свет, медленно сходящий на нет в тумане. Глеб хотел было спуститься в раскоп, но вдруг приметил в отдалении какое-то светлое пятно, вроде кучки песка. Он хорошо помнил, что ничего подобного здесь раньше не было. Быстро подошел к этому месту. У его ног лежала груда тряпья. Преодолев брезгливость, он переворошил ее. Все ясно: какие-то наволочки, пододеяльник, старый треснутый горшок и пучки соломы.

' Тоже мне, как сказал дрожащий Сед — *словно* из соломы. Оно и есть из соломы. Только вот зачем?

Ему было вполне ясно, что Лара (он ничуть не сомневался, что это была именно она) сбегала в станицу, сорвала у кого-то во дворе с веревки белье, прихватила горшок, по пути распотрошила скирду... Вот и явилась Седу в качестве привидения.

Зачем? Только одна цель возможна: чтобы удалить его из раскопа. Спускаясь туда, Глеб уже знал, что он там увидит, вернее — чего он там

не увидит.

Монетка пропала. Теперь ясно, зачем Лара стянула фотоаппарат — это был отвлекающий маневр, чтобы утащить монету. Глеб поедет за аппаратом, с Седом она справится сама. Только вот каким образом ей удалось просчитать все шаги Глеба — непонятно. Откуда эта девушка знала, что Глеб непременно помчится в лагерь, что Сед боится привидений и прочее? Разве что только протопала демонстративно по степи, а затем вернулась на цыпочках и слушала их разговор?

Нет, не годится. Во время разговора о привидениях Глеб был наверху, возле мотоцикла, а камера уже исчезла из седельной сумки. А что, если черные установили в районе раскопа какого-то жучка? Подслушивают или даже подсматривают...

Сказал бы еще: поднюхивают! — Глеб улыбнулся, но тут же нахмурился, потер лоб, как он всегда делал, когда мозг, живший под этой костью, наотрез отказывался соображать.

Монетку взяла, а узорный флакон для благовоний, или, как их почтительно именуют в каталогах, арибаллический лекиф, который прямо смотрел на нее из ниши, оставила. Что сие может значить?

Глеб, в нарушение всех правил, выковырял из ниши лекиф, завернул в платок и сунул в карман. Сед говорил, что Лара остановилась в станице Виноградной, что была в трех километрах отсюда. Седа он встретил с четверть часа назад. Еще столько же тот бежал ему навстречу. Наверняка он успеет перехватить девчонку на дороге. Глеб прыгнул в седло и рванул с места, выжимая из старого «Урала» все, на что тот был способен. Вылетев на хорошо утрамбованный проселок, Глеб включил четвертую передачу, и стрекот сменился на глубокое бульканье. Так и вышло: быстро шагающую Лару он нагнал у самой околицы Виноградной. Услышав мотоцикл, девушка обернулась, затем остановилась, уперев руки в бока. Бежать ей было некуда.

Никаких сомнений: фотокамера Глеба просто болталась у нее на шее. Он тормознул с разворотом и встал в полуметре от девушки. Та чихнула, помахала ладонью, разгоняя облако выхлопных газов. Ярко блестели, ловя свет непогашенной фары, ее синие глаза.

— Отдай! — коротко приказал Глеб.

Лара молча сняла камеру и сунула ему в руки. Глеб устроил камеру в седельную сумку и застегнул ремешок.

— А теперь еще кое-что, — протянул Глеб руку ладонью вверх.

Лара вдруг повернулась и быстро пошла по дороге. Глеб соскочил с мотоцикла и нагнал ее. Схватил за локоть.

— Не валяй дурочку. Отдай, что взяла.

Ответ был самым неожиданным: Лара ударила Глеба ладонью в лоб, да так крепко, что он едва удержался на ногах.

Глеб никогда в жизни не бил женщину и сейчас не собирался дебютировать. Он схватил Лару за локоть и заломил руку ей за спину. Шепнул прямо в ухо:

— А ну, быстро! Верни монету, и я отпущу тебя.

Не тут-то было. Глеб почувствовал острую боль в колене: мерзкая девчонка ударила его ногой. Глеб уже изрядно забыл приемы уличных драк, а инстинкт не сработал. Он выпустил руку девушки и схватился за колено, рвущееся нестерпимой болью.

Этого делать не следовало. Лара быстро повернулась на месте и лягнула его, угодив подошвой в висок. Этот мощный грамотный удар сшиб массивного мужчину с ног.

— Ах ты, с... Змея! — воскликнул Глеб, успев вскочить на ноги, пока девушка, и вправду гиб-

кая, стремительная, словно гадюка, не добила его до потери сознания.

Вторая молния ее удара пала на землю, в то место, где долю секунды назад была его голова. Да она не женщина! — мелькнула в этой уцелевшей голове спасительная мысль.

Глеб ударил ее в челюсть, как на боксерском ринге. Не женщина. Лара была в нокдауне. Ее глаза закатились, мышцы лица поехали, и красавица превратилась в настоящее чудовище. Глеб принял боксерскую стойку, чуть припрыгивая на месте. Со стороны это, наверное, выглядело довольно смешно.

Похоже, Лара поняла, что ей не одолеть этого крупного мужчину, несмотря на явную свою подготовку по части рукопашного боя. Она нащупала на груди кармашек, широко размахнулась и бросила что-то в степь.

— На, держи, шмок чеканутый! — крикнула черная археологиня, топнула ногой, повернулась и быстро пошла в сторону станицы.

Глеб не совсем понял, что означают эти жаргонные словечки, но ясно, что это не было комплиментом. Он больше не преследовал прыткую гадину. Успел заметить золотой промельк в свете мотоциклетной фары и быстро сообра-

зил, что вряд ли она бросила что-либо другое, фальшивое.

Найти маленький желтый кругляш в полной темноте — достаточно долгий процесс. Глеб таскал мотоцикл и устраивал его так и сяк, освещая рефлектором жухлую траву. Раз оглянулся и увидел на гребне холма, за которым скрывалась Виноградная, едва различимую в отблеске заката, микроскопическую фигурку Лары. Ему показалось, хотя и трудно было разобрать с такого расстояния, что девушка, прежде чем спуститься в станицу, остановилась на самом горбе проселка и посмотрела сверху, как он шарит световым пятном по земле. Он вспомнил ее глаза. Что-то в них было особенное, и никак не вязался этот синий взгляд со всем, что она делала и говорила.

Монета нашлась. Все потери были возвращены. Но что-то все равно не давало Глебу покоя...

8

Когда он доехал до раскопа, двое крепких парней были уже на месте — ребята, которые должны были выйти на склеп завтра утром. Они спокойно работали при свете софитов от генератора. Оказалось, что такое мудрое решение принял Сед: чем назначать каких-то сторожей, которые

сидели бы тут с банкой домашнего вина, лучше в пожарном порядке организовать ночную смену.

Глеб вернулся в лагерь, прошелся среди палаток, постоял у костра на майдане — вытоптанной площадке, по краям которой палаточная улица расширялась именно для того, чтобы и образовать майдан. Вокруг костра сидели археологи, попивая, как всегда, вино, бесконечно кадрясь и передавая из рук в руки гитару. Молдаванка с глубокими черными глазами — Глеб забыл ее мудреное имя — хитро смотрела на него исподлобья. Вчера он присел с нею рядом, она заигрывала, перекидывая пучок волос с плеча на плечо. Наверное, думает, что он и сегодня продолжит тоже самое. Нет. Проверив лагерь, он побрел домой. Перед глазами стоял облик этой несносной Лары. Красавица молдаванка казалась ему уже серенькой, неинтересной.

Нарочито звонкий ее смех и бренчанье двух гитар то затихали, то выплескивались из за углов палаточного городка, причудливо изгибающего звуковые волны меж брезентовых стен. Глеб отказался пить вино у костра, но ничто не мешало ему сделать это дома, в одиночестве. Есть у него заначка черной «Изабеллы», но не стоит этого делать, а надо спать, спать, потому что завтра

трудный день, впрочем, как и каждый летний день экспедиции.

Но сон не шел: перед глазами сгустился, наливаясь каменной массой, плоский круг неприятного, отталкивающего лица. Скифская баба.

Вот что на самом деле мучило его как ученого: сегодня выяснилось, что скульптура попала в склеп... Неизвестно как.

Глеб рывком сорвал одеяло с лица. Сел на кровати, нашарил ногами тапочки, включил фонарик. Вот она, банка... Он налил темной жидкости в стакан и залпом выпил. Подумал и выпил еще. Закурил. Есть еще фляжка со спиртом, можно бы махнуть граммов пятьдесят... Или не стоит?

Голова прояснилась, и тайна скифской бабы щелкнула, как орех. Допустим, кто-то вскрыл склеп на рубеже нашей эры. Например, рядом шло строительство, и те, кто проник в подземелье, загорелись идеей вытащить каменную скульптуру наверх, чтобы использовать ее для фундамента своей постройки. Тогда подземный могильник мог находиться прямо на территории какой-нибудь усадьбы — чего только не менялось на полуострове за тысячелетия!

В то время уровень пола как раз пролегал пятью дециметрами выше основания склепа. Строители

вытащили каменную бабу, поставили на этот уровень, но, убедившись, что наверх поднять ее все равно не смогут (входной проем слишком мал), бросили свою затею. А баба так и осталась стоять на новом уровне, засыпаемая отложениями грунтовых вод, пока камера не заполнилась доверху. Вот и получилось, что она как будто летает внутри склепа.

Кстати, и монету обронил кто-то из строителей, на современном ему уровне, вровень с бабой, и все встает на свои места, и никакого открытия тут нет, и можно спокойно уснуть...

Успокоившись, Глеб завернулся в одеяло. Он стал всего лишь свидетелем извечного круговорота строительного камня. Тысячелетиями люди использовали одни и те же материалы: из гранита великих пирамид был построен мусульманский Каир, блоки Россы до сих пор стоят в фундаментах казачьих хат современной Тамани, даже Тмутараканский камень с бесценными барельефами и картой полуострова, лежащий сейчас в Эрмитаже, был когда-то крыльцом саманной хижины деревенского жителя...

Спать, спать, все в порядке, все объяснимо, естественно... Но...

Глеб вновь откинул одеяло и уставился в по-

толок.

Пусть все так, но почему строители все же не уворовали из склепа более ценные и мелкие, чем скифская баба, предметы? Ну, ерунда... Там было темно. Часть предметов была уже занесена песком, это сейчас они как на ладони, например, лекиф...

Глеб вздрогнул: сон как рукой сняло. Арибалли-ческий лекиф! Хорошо, чисто дамский предмет, древние строители просто могли не обратить на него внимания: кому тогда был нужен старый сосуд для благовоний, бабская игрушка?

Но Лара! Почему она унесла из раскопа только монету и больше ничего. Ведь такой лекиф стоит на черном рынке немногим меньше золотой монеты.

Почему Лара не взяла в склепе ничего, кроме этой монетки? Ведь она — черный археолог, а в раскопе были гораздо более ценные для нее вещи.

Глеб стал думать об этой девушке, уже и впрямь засыпая. По выговору и словечкам — явная одесситка. Дерется, как профессионал. Неужто черные археологи столь серьезно подходят к своей профессии, что занимаются спортом и изучают боевые искусства?

Уже в полубреду-полусне он вдруг соединил образ того, кто потерял монету, с тем, вернее — с той, кто ее нашел. Оба были черными археологами, один — современный, другой — древний. Оба не взяли в склепе ценности, которые буквально смотрели на них. Лара взяла только монету. Тот, давно переваренный матушкой землей, не взял ничего. Возможно, они оба искали что-то одно — искали, но не нашли.

9

Утром Глеб пошел в станицу пешком. Одно дело проехать краем поселения на незарегистрированном мотоцикле, не имея водительских прав, на раскоп и обратно, другое — показаться на центральной площади, перед зданием администрации, где всегда торчит дорожная служба, тормозя за превышение скорости транзитные грузовики, чтобы получить с них своеобразную дань за проезд.

Всех этих татаро-монголов Глеб знал, и они знали его. Старенький «Урал», между прочим, был из списанных милицейских, он стоял в саманном сарае экспедиционной хаты. Прежняя экспедиция пользовалась им нелегально, а Глеб, приняв мотоцикл в наследство, починил его.

Обо всем этом прекрасно знали в милиции, и археологу ясно дали понять, что в любой момент могут схватить его за шкирку и вытащить из седла. Все это мелкие, ничтожные, никчемные игры провинции. Мотоцикл был якобы одним из рычагов, которым администрация воздействовала на пришлого молодого специалиста... Ну вас. Хожу пешком.

Он убеждал себя в том, что ищет Лару именно из деловых соображений: ему-де необходимо знать, быть точно уверенным, что в окрестностях не орудует какая-нибудь шайка нелегальных копателей, безбашенный шалман из Одессы-мамы, чтобы его орлы могли работать спокойно и так далее. На самом деле Глеб просто хотел еще раз увидеть эту девушку. Говорила она весьма примитивно и могла сойти за посредственность, которых на свете немало. Уж лучше молдаванка. Но Глеб хорошо помнил ее глаза. Это были глубокие, внимательные, полные ума и печали глаза. И что-то еще исходило от нее, Глеб не мог объяснить этого словами. Сияние, да и только.

Он зашел на станичный базар и быстро отыскал нужного ему человека. Это был Щерба, хорошо известный на Тамани казак, который, как Глеб неоднократно убеждался, знал все и даже более

того. Щерба покрутил черный ус, подумал, сплюнул и сказал:

— Деваха живет на улице Лебедева, у тети Дуси. Третий дом от угла по левой стороне. Деваха приехала с недельку назад. Одна.

— С меня причитается, — сказал на прощанье Глеб, подумав, что пить со Щербой, считающим себя потомственным казаком и хранящим под стрехой дедовскую саблю, будет весело и даже весьма познавательно.

— Калитка у тети Дуси скрипит сильно, — добавил казак. — Как войдешь, хозяйка сразу и выбежит. А вино у нее — самое лучшее на той улице.

Тетя Дуся оказалась женщиной под шестьдесят, тучной и круглой, в цветистом ситцевом платье, многажды штопанном. Сразу стало ясно: она уже приняла с утра толику своего прекрасного вина. Пройдя под навесом, увитым виноградной лозой, где зрели гроздья недалекого будущего, Глеб вошел в хату. По словам тети Дуси, девушка съехала где-то час назад. Глеб пожелал осмотреть комнату, где она жила. Хозяйка не стала спрашивать зачем, а просто распахнула перед ним дверь, ведущую в маленькую светелку с беленными стенами.

Крошечное окно, как всегда в этих хатах — в одно стекло, без форточки, старый письменный стол у окна, добытый, видимо, в местной школе, казачья печка под уголь, теперь, летом, используемая как комод, узкая кровать, на которой мог уместиться только один спящий, — все это было каким-то трогательно-девичьим, особенно узкая железная кровать. Конечно, обстановка принадлежит хозяйке, но она как-то все равно связывается с личностью Лары. Глеб впервые отдал себе отчет в том, что питает к ней нежность. Жаль, что они с девушкой занимают разные стороны баррикад и движутся в разных жизненных потоках.

Тетя Дуся присела на единственный стул, сложила руки на животе.

— Моя квартирантка была ведьмой, — вдруг сказала она.

— Реально? — удивился Глеб.

— Колдовала. По ночам не спала, жгла вонючую свечу, — хозяйка показала пальцем на печь, где возвышалась маленькая горка воска. — Я думаю, она появилась в станице неспроста.

— И чего же ей было надо?

— Она охотилась, — с таинственным видом заявила тетя Дуся.

— На кого? На домашнюю птицу и баранов?

— На привидений.

— Как в кино?

— Ага! Она и приехала сюда после того, как появилось привидение.

— Когда же оно появилось?

— Привидение появилось тогда, — проговорила тетя Дуся с терпением в голосе, — когда вы раскопали могилу на стройке.

Еще при ознакомительной беседе, по пути от калитки, она успела сообщить ему, что всю жизнь проработала учительницей начальных классов. Вот откуда происходила эта педагогическая интонация.

— Пьяные бабки видели грека, — добавила тетя Дуся.

— Какого грека? Почему пьяные бабки решили, что он грек?

— Он выглядел как грек. Вот что я тебе скажу: это и был грек.

На нем была эта, как ее... хламида-монада... Такая складчатая тряпка, — тетя Дуся пошевелила пальцами над своей бесформенной грудью.

— Это называется хитон.

— И еще у него была борода, курчавая борода... Я думаю, что и бандиты Доцоева не просто так

появились в наших местах именно сейчас. Все это как-то связано...

— А что пьяные бабки говорят о Доцоеве? — Глеб решил сменить тему.

Он слушал рассеянно, разглядывая комнату. Тетя Дуся поведала, что в народном представлении Доцоев мыслится героем вроде Дубровского или Робин Гуда...

— Главное, что Доцоев — никакой не чеченец, а русский. Первый в истории русский террорист!

— Первыми были Нечаев, Желябов, Кибальчич, — возразил Глеб. — Кроме того, Доцоев — это все же чеченская фамилия.

— Те, кто его видел, говорят, что он русский. Говорят, что он неуловим, что всегда уходит, как сквозь землю проваливается. Наконец-то и русские за ум взялись, — с мечтой в голосе закончила тетя Дуся.

Помолчали.

— Кто-то идет, — вдруг встрепенулась она. — Калитка мне напела. Пойду-ка я встречу.

Вот она, мысль народная. Придет герой со стороны и все сделает за нас...

10

Воспользовавшись тем, что хозяйка ушла, Глеб стал тщательно осматривать комнату. Он не знал, что именно ищет, да и не было ничего особенного: ни на печи, ни в ящике стола. Он заглянул под кровать. Какой-то предмет лежал в глубине, короткая трубочка, похожая на дудку. Глеб выкатил ее на свет.

Это и была дудка — керамика из обожженной глины. Глеб раньше никогда не видел подобного предмета, но почуял, едва прикоснувшись, что предмет древний. Это и есть пресловутое археологическое чутье, о котором он рассуждал вчера...

Вдоль корпуса дудки шла вереница отверстий. Глеб насчитал их десять. Скорее всего, ноты. Он вытер кончик дудки платком и дунул в нее, перебирая пальцами по отверстиям. Звук был чистый. Глеба в детстве сдали в музыкальную школу, по настоянию отца, конечно. Он недоумевал, зачем будущему пилоту теория музыкальных элементов, да и будущему историку — тоже. Знания, полученные им тогда, ни разу не пригодились ему в жизни, вплоть до сегодняшнего дня. Это были и вправду ноты, выбранные почему-то от «ре» первой октавы до «фа» второй. Глеб сыграл

«Чижика», благо что эта мелодия вписывается в странный диапазон дудки и не имеет полутонов.

Палец нащупал на глади изделия какую-то шероховатость. Глеб посмотрел: на цилиндрической поверхности отпечатан маленький знак. Где-то он уже видел его...

Шаги, которые приблизились к двери с другой стороны, явно не принадлежали тучной хозяйке — легкие, торопливые шаги. Глеб узнал их и поспешно спрятал дудку за пазуху, не успев толком разглядеть странный символ.

Лара вошла в комнату, притворила за собой дверь. Не сразу вскинула на Глеба глаза. Казалось, она вовсе не была удивлена тем, что видит его здесь. Не сказав ни слова, прошлась по комнате, выдвинула ящик стола, осмотрела печку-комод, повторив недавние действия Глеба. В этой крошечной комнате было не так уж много мест, где могла быть забытая ею вещь. Например, керамическая дудка. Лара присела на корточки, изогнулась, показав под топиком острые лопатки. Косичка чиркнула по коричневой доске пола.

Убедившись, что и под кроватью пусто, она, также как и Глеб вчера в степи, протянула руку ладонью вверх:

— Отдай, что взял.

Глеб пожал плечами и вытащил дудку. Воровство не входило в число его жизненных правил.

И вдруг, только теперь, когда проворные пальцы завладели инструментом, Глеб еще раз увидел на его боку символ и понял, почему он ему знаком. Точно такой же отпечаток — кувшин, перечеркнутый косым крестом — он видел на стене склепа Термона. Это значило, что Лара все же нашла в раскопе предмет, который интересовал ее больше других археологических ценностей, а монетку просто стащила для отвода глаз. И этим предметом была дудка!

— Один ноль в твою пользу, — устало вздохнул Глеб, присев на пол рядом с девушкой. — Скажи мне наконец, что это такое и зачем оно тебе?

Лара вскочила на ноги, двумя шлепками отряхнув бриджи.

— Будешь много знать и скоро станешь старым. Очень и очень старым, — весело ответила она, коверкая поговорку.

И тут со двора донесся протяжный вопль. В этом крике был такой отчаянный ужас, что Глеб непроизвольно вздрогнул. Кричала, конечно же, тетя Дуся. Она ворвалась в комнату, споткнулась на пороге и шлепнулась на пол. Казалось, что женщина вот-вот потеряет сознание. Одной ру-

кой она держалась за сердце, другой — указывала на дверь.

— Там... Оно... Стоит... Смотрит...

Лара мигом совалась с места, Глеб ринулся за ней.

Привидение из склепа, — подумал он. — Колониальный грек в хитоне. Возможно, не только Лара любит переодеваться, а это вообще — привычка черных археологов...

Но увидел он совсем другое. Глебу поначалу показалось, что в гости к тете Дусе зашла соседка, не менее упитанная, чем она сама. Нет. Посреди двора стояла статуя. Самая обыкновенная скифская баба.

11

Выходит, пока они препирались в хате, за эти считанные минуты кто-то потихоньку привез сюда на тележке музейный экспонат. Значит, исполнял заказ Лары — не для пенсионерки же ее доставили! Черная археологиня уговорилась с кем-то из местных, кто владел реликвией, дала ему адрес, вот он и приволок идола.

Эта догадка была подтверждена немедленно: Лара подскочила к изваянию и принялась шарить по нему глазами.

А вот и он — тот, кто доставил статую. Высокий худой человек лет сорока — длинноволосый, с клиновидной бородкой — стоял, похоже, прячась, за столбом виноградной веранды.

— Я тебя вижу, дружище! — миролюбиво обратился к нему Глеб.

Клинобородый отошел от столба и остановился, разведя руки.

— Я без оружия, — сказал он низким глубоким голосом.

— Еще бы! — прокомментировал Глеб. — Ты б только пояснил мне, поскольку я являюсь главным хранителем древностей на этой земле и отвечаю за каждую мелочь, откуда ты взял этот замысловатый камень?

Говоря, Глеб рассматривал статую. Плоские груди, руки, сжатые в замок под животом, остроконечный головной убор. Нет, не пахла эта баба древностью.

— Отставить! — по-армейски приказал себе Глеб. — Ниоткуда ты ее не взял. Сам и вырубил для девушки. Явный новодел.

— Ну да, ну да, — радостно закивал клинобородый, подходя, и вдруг ни с того ни с сего ударил Глеба ногой в живот.

За долю секунды Глеб успел увернуться, и носок

кроссовки этого странного драчуна скользнул по кости. Дворовая юность и армия научили Глеба не размышлять в таких случаях. Он двинул противника в ухо с левой, тот пошатнулся, тряхнул головой и ответил увесистым тычком в лоб. Бил он почему-то ладонью, сделав из кисти культяпку. От этого неожиданного трюка у Глеба потемнело в глазах. Едва удержавшись на ногах, он применил свой коронный хук левой, но противник ускользнул, вернее, подпрыгнул на месте, и хук угодил ему в грудь. Не успел Глеб удивиться таким приемам боя, как этот странный мастер скрестил руки наподобие ножниц. Глеб успел подумать, что это блок защиты, но оказалось другое: клинобородый резанул «ножницами» ему по шее, и Глеб понял, что вырубается.

Сознание вернулось, похоже, через несколько секунд. Глеб лежал на цементном полу двора. То, что он увидел, приподняв голову, повергло его в изумление. Теперь странный гость дрался с Ларой. Вытворяли они такое, что не было ни одним из знакомых Глебу способов рукопашного боя. «Ножницы» оба противника создавали не только из рук, но и из ног, порой замирали на долю секунды, изогнувшись в причудливой позе, порой сжимались, как ежи, и внезапно развора-

чивались, словно змеи. «Матрица», да и только.

Лара явно проигрывала. Глеб понял, что голыми руками с этим монстром не справиться, вскочил на ноги, сорвал с пояса солдатский ремень и захлестнул ленту о ладонь.

Клинобородый с удивлением оглянулся, пытаясь оценить опасность нового оружия. В этот момент, весьма кстати, Лара сделала ему очередные «ножницы». Глеб резанул ремнем. Этот удар означал конец схватки. Худое тело сломалось, и противник свалился наземь, свернувшись в жучка.

— Уходим, — сказала Лара. — Он очнется, и мы с ним уже не сможем справиться.

— Ты его знаешь?

— Да-да. Уходим.

Уже под скрип калитки Глеб оглянулся. К поверженному гостю вразвалку ковыляла тетя Дуся. С опаской глянув на скифскую бабу, она склонилась над бесчувственным телом, явно намереваясь оказать скорую медицинскую помощь.

12

Они быстро и молча шли, миновали околицу станицы, Глеб едва поспевал за длинноногой девушкой. Ножницы, значит. Ну-ну. Оказывает-

ся, черные археологи владеют какой-то особой системой борьбы. Значит, человек, доставивший подделку, был из той же породы, что и Лара, но из другой команды — иначе зачем им было драться?

Но если эта баба фальшивая, то, может быть, и та, в склепе, тоже? Просто чутье подвело Глеба. Ему вдруг пришла в голову дикая, фантастическая мысль. Он даже воскликнул вслух, глядя на узкие бедра девушки, шагающей чуть впереди.

— Послушай-ка, подружка... — начал было он, но Лара вдруг резко остановилась и перебила его:

— Ты играл на дудке!

— С чего ты взяла? — удивился Глеб.

— Ты играл на дудке, — повторила она.

— Играл, ну и что?

Лара достала из сумки дудку и сунула Глебу под нос, крепко держа артефакт в руках.

— Какие ты взял ноты? — строго спросила она.

Глеб пожал плечами и указал на отверстия: ми-до-ми! «Чижик», он «Чижик» и есть.

Лара облегченно вздохнула и спрятала дудку обратно в свою заплечную холщовую сумку с бахромой.

— Ты и представить себе не можешь, *что* ты

мог натворить!

— Да? — удивился Глеб. — Тем, что играл «Чижика»? Ну-ну... Между прочим, эту дудку вообще неплохо было бы сдать мне в руки.

— Это моя вещь.

— Ты стащила ее в раскопе.

— Нет, я привезла ее с собой.

— Почему же на ней этот знак? Тот же, что и на стене склепа?

— Этот знак... — Лара запнулась. — А ты точно уверен, что на стене склепа есть такой знак?

— Я не слепой, — сказал Глеб.

— Знаю я, что ты не слепой. Есть там этот знак или нет?

— Есть. Да я его и раньше видел, — вдруг вспомнил Глеб. — На какой-то амфоре. Она есть у меня в каталоге.

— Где каталог? — спросила Лара деловым тоном.

— У меня на камералке.

— Тогда пойдем на камералку, — дурным эхом отозвалась девушка.

— Послушай, — сказал Глеб. — Эти знаки на сосудах — всего лишь клейма мастеров, которые их изготовили.

— Это твое мнение.

— Это научные знания.

— Они ничего не стоят.

— Что же такое, по-твоему, означают эти символы?

— Ну... Часто это и вправду печатки мастеров. Часто, но не всегда... Короче! Веди меня в свой каталог. Меня *о-о-очень* интересует эта амфора, — Лара так растянула слово, что Глебу удалось вдоволь налюбоваться ее крупным ртом и полными губами, вытянувшимися в поцелуйную трубочку.

Девушка нравилась ему все больше. Глебу уже было вполне ясно, что она просто имитирует какой-то молодежный стиль с одесским прононсом, причем не очень-то и умело. То, что скрывалось в этой изящной маленькой голове, под гладкой челкой и тугой косичкой, было значительно больше, чем выдавалось на поверхность. Айсберг, да и только!

Глеб подумал, что именно сейчас может нырнуть, пусть на самую малую глубину. Если она говорит правду и дудку на самом деле взяла не из раскопа, а где-то еще, а монетку стащила для отвода глаз. Вернула, и все. Что же на самом деле интересовало ее в склепе?

— Послушай, Лара, — сказал он, впервые назвав

девушку по имени. — Что ты ищешь? Что тебе нужно? Ты вертишься вокруг раскопа. Ценные вещи не взяла, монетку вернула. Статую тебе привезли, но почему-то фальшивую. Головы нам морочила, переоделась привидением и напугала моего сотрудника. Тебе еще повезло, что Сед верит в привидения. Был бы там в тот момент я, то показал бы тебе привидение!

— Привидение на самом деле есть, — сказала Лара. — Это не совсем обычный могильник. В этом склепе хранился... Хранилась — амфора!

— Какая амфора?

— Небольшая амфора д ля вина, только и всего. В склепе я искала именно ее.

— Но в склепе я не видел никакой амфоры!

— Она там была, — сказала Лара. — Та самая, со знаком. И амфору прячут не в любом могильнике, а в том, где есть привидение.

— Какое привидение? — терпеливо спросил Глеб. — Почему в одном месте привидение есть, а в другом — нет?

— Все дело в том, как умер человек. Как это по-вашему? Душа, которая не успокоилась, что ли?

— Что значит — «по нашему»? — с раздражением спросил Глеб. — А как — «по-ненашему»?

— Я хотела сказать: по-крестьянски.

— По-христиански, — поправил Глеб.

— Вот-вот. По-христиански. А по-гречески — это тот, кто не переплыл Стикс.

— А что, бывали и такие?

— Конечно. Самоубийцы, например. Страшный грех. Все живут, наслаждаются жизнью. Пьют, едят, женятся. А эти... Мерзавцы просто. Короче! Ты покажешь мне амфору или нет?

— Да покажу, конечно! Я же сказал: она есть в моем каталоге. Только нам придется сначала завернуть в лагерь и проверить главный раскоп. Тебе же ведь это должно быть интересно?

— Да нет, — сказала Лара. — Вовсе мне не интересны твои раскопы.

— Ни за что не поверю, что археолог, пусть и любитель, равнодушен к фундаментам Гермонассы, до которых мы не так давно добрались.

— Да никакой я не археолог.

— Ну а кто же ты?

— Я Лара. И я хочу взглянуть на амфору. Просто посмотреть, и ничего более. Даже трогать ее не буду. Веди меня скорее в свой каталог.

— В камералку, — уточнил Глеб. — Но сначала, — он с искренней горечью вздохнул, — я должен проверить работу моих людей. И жизнь их — тоже.

13

Жизнь лагере била ключом или шла своим чередом, если для посвященного. Приехавшая вчера новая группа из Новосибирска, люди, еще не оформившиеся, не получившие почетного права на лопаты или носилки, шумно и страстно пьянствовали на майдане. Глеб обычно давал на это дело один день, прекрасно понимая, что вновь прибывшим необходимо расслабиться, иначе вся их дальнейшая работа пойдет вкривь и вкось. А вот почему среди них мельтешила белобрысая голова Седа, было не ясно. Вернее — ясно вполне, но не совсем правильно.

Глеб подозвал его. Сед сделал круглые глаза и ответил, что он свободен до самой вечерней смены, а норму свою превосходно держит.

— К вечерней смене ты будешь валяться вон там, — Глеб показал ладонью, где именно, — в луже собственной... — он покосился на Лару, — поэтической вольности.

— Клянусь! — воскликнул студент. — Больше никакой вольности из меня не выльется. Ни грамма. А вас, между прочим, — он поспешил резко сменить тему, — с полчаса назад искал какой-то странного вида мужик.

Глеб сразу подумал о том психе, что привез статую. Он посмотрел на Лару. Та наклонила голову и смотрела на Седа, ожидая продолжения рассказа. Ясно, что она думала о том же.

— Высокий, худой? — спросил Глеб. — Седые волосы собраны в пучок?

— Точно — он!

— Зонгар! — вырвалось у Лары.

Глеб с изумлением на нее оглянулся:

— Ну и ники у вашего брата. А имя-фамилия у него есть?

— У него их множество.

— Ясно. Блогер в инете. С кучей разных клонов. Вот доберусь до компа, прогуглю Зонгара.

Лара смотрела на него, хлопая глазами. Гораздо позже Глеб узнал, что в его реплике девушка не поняла, по крайней мере, четыре слова, а пятое поняла неверно. Он повернулся к Седу:

— И что же этому З... Как его? Было надо?

— Не знаю, — ответил Сед. — Просто спрашивал, кто у нас старший и где его можно найти.

Глеб провел Лару мимо главного раскопа — прямоугольной ямы семьдесят на сорок метров, где древний город был расчищен до самого основания. Сохранились, конечно, только фундаменты и первые два-три ряда каменной кладки. Пред-

шественники Глеба, теперь пенсионеры — муж с женой, живущие на заслуженном отдыхе в райцентре, — и представить себе не могли, начав раскоп лет тридцать назад, что попадут в столь интересное место Гермонассы. Пять узких улиц сходились здесь, образуя пять углов, как на знаменитом тусовочном месте Питера. Трое питерцев и работали, по своему личному желанию, на этом участке. Лара остановилась у края раскопа и с улыбкой оглядела камни и людей. Завидев Глеба и Лару, все рабочие, человек двадцать, разом подняли головы, а три пары, идущие с носилками к отвалу, и вовсе остановились. Молдаванка задумчиво смотрела снизу вверх, пожевывая, по дурной привычке, прядь собственных волос. Глеб раздраженно махнул рукой, и стоп-кадр ожил.

— Не так я себе все это представляла, — заметила Лара, покачав головой.

— Разве ты прежде не видела раскопок?

— Видела. Но только не эти.

— Думаю, ты на своем недолгом веку много раскопок повидала?

— Достаточно.

— Например?

— Ну, сейчас я из Ольвии.

— Разумеется. Это совсем рядом с твоей Одес-

сой.

— Почему это моей?

— Ты ведь одесситка, да?

— Таки нет.

— Врешь. Даже это твое «таки нет» — тоже по-одесски.

— Я никогда не вру. Если не хочу говорить о чем-то, то просто молчу.

— Так где же ты родилась, выросла?

— На одном из островов.

— В каком это море-океане?

— Тихом. В Тихом океане был этот остров.

— Ты меня в гроб вгонишь, мама моя! — сказал Глеб, подражая одесскому выговору. — Почему на этом острове живут одесситы?

— С какого балдана ты взял, что они там живут?

— Да кто-то же научил тебя так говорить!

— Я научилась сама.

— Да где же?

— Да в Одессе и научилась, не приставай. Лучше вон... Посмотри на свой раскоп.

— Смотрю, ну и что?

Глеб повернул голову и увидел... Нет, ничего необычного не увидел.

— Не там они копают, вот что. Вон та девуш-

ка… — она указала на молдаванку, — пусть возьмет чуть левее в стене. Найдет кое-что интересное.

— Что именно?

— Не скажу.

— Ладно, подожди минутку. Проверю, какая ты ясновидящая.

Глеб быстро спустился по деревянной лесенке на пять метров глубины раскопа и подошел к молдаванке. Та разогнулась и молча смотрела на него, опершись на лопату. Глеб дал ей указания взять немного левее. Выбравшись, он тремя хлопками отряхнул руки и взял Лару под локоть.

14

Едва войдя в камералку, он понял, что гость здесь уже побывал, причем не церемонился с древностями, покоящимися на полках: все, казалось, потрогал, осмотрел — слава Богу, что не разбил ничего. Глеб давно собирался врезать замок в дверь, но все руки не доходили. Лара бегло осмотрела помещение.

— Где же амфора? — спросила она.

— Сейчас-сейчас, — говорил Глеб, беспокойно осматриваясь вокруг.

На первый взгляд, ничего не пропало. Как и в

склепе... Возможно, пропало что-то незначительное, ненужное.

Каталога на столе не было. Значит, его и забрал... Нет. Альбом просто был сброшен на пол.

Лара нетерпеливо ерзала на табурете, куда он ее усадил. Глеб развернул каталог, полистал, нашел нужное место.

— Вот она. Тот же самый знак на горловине. Найдена в скифском кургане близ станицы Тамань.

Лара мельком глянула на рисунки и фото.

— Где амфора? — спросила она.

— Вот же, в каталоге.

Лара подняла на Глеба удивленное лицо.

— Это и есть каталог?

— Да.

— А где сама амфора?

— Сейчас скажу.

Глеб прочитал примечание внизу страницы и сообщил:

— В фондах краснодарского музея.

— А это далеко?

— Всего лишь пять часов автобусом. Только тебя не пустят в хранилище.

Глеб покосился на девушку, она хмурилась, что-то соображая.

— Не пустят без меня, — добавил он, подумав, что ему и самому надо съездить в археологический музей, да и Светку, бессменную хранительницу, давно не видел, и вообще…

Нет, он, конечно, понимал, что просто-напросто ищет повод, чтобы не расставаться с этой девушкой. Все под контролем. Черная археологиня ничего не сумеет стянуть в музее под его присмотром. Глеб ощутил знакомое, но давно забытое замирание в груди, то самое чувство, которое так и не посетило его в присутствии черноглазой молдаванки. Автобус на Краснодар отходит в час. Пока они доберутся до музея, рабочий день будет окончен. Останется только заночевать в гостинице. Что день грядущий мне готовит?

Глеб собирался на автопилоте. Свернул и запихнул в тубус чертежи последнего горизонта всех раскопов. Это будет повод наведаться в музей. Чистые носки — туда же, в тубус. Хорошо, что не усугубил вчера фляжку: крепкое спиртное может пригодиться для храбрости. Где же, однако, она?

Каталог он тоже взял с собой: уложил в свою сумку-планшет. Фонарик? Может быть, пригодится. Фляжка точно лежала на полке, Глеб сам ее прятал за маленьким ритуальным горшком, склеенным из нескольких кусков.

Горшок на месте. Вот он — с треугольной дырой недостающего фрагмента. Фляжки нет. Этот гнусный Зонгар утащил отсюда именно спирт.

— Твой приятель, случайно, не алкоголик? — спросил Глеб у Лары.

— Зонгар-то? Во-первых, он мне не приятель. Во-вторых, он пьет не больше, чем все нормальные люди. За обедом там вина и так далее.

— Ты можешь предположить, зачем он утащил у меня спирт?

— Вылил он в землю твой спирт, я думаю. Не спирт ему был нужен, а фляжка.

— Да что такое в этой простой алюминиевой фляжке? Армейской зеленой фляжке?

Лара молчала, глядя в сторону.

— Зачем ему нужна пустая фляжка? — с раздражением повторил Глеб.

Лара молчала.

15

Эта игра в молчанку продолжалась и всю дорогу до Краснодара. Девушка, похоже, решила извести его. На одни вопросы она отвечала охотно, даже пространно, а иные, какие-то совсем незначительные, обходила молчанием, будто и вовсе не слышала Глеба.

В конце концов он вообще перестал с нею говорить. Смотрел мимо ее профиля в окно, на бесконечные столбы виноградников, вертевшиеся вокруг междугороднего автобуса, словно спицы в колесе. Затем и вовсе закрыл глаза, притворившись спящим, ибо глупо и неловко смотреть на этот удивительно красивый, гармоничный профиль и молчать.

Глеб вновь стал думать о склепе Гермона. Он вспомнил недавнюю дискуссию, в которую ввязался на конференции в Краснодарском университете. Он много раз давал себе слово не спорить с верующими людьми на тему Божьего бытия, но один христианствующий доцент выглядел настолько просветленным своей правотой, так победоносно блестел очками, что Глеб не удержался:

— Если вы принимаете гипотезу, что Земля была создана пять тысяч лет назад, то как вы объясните тот факт, что мы находим в земле артефакты более древнего происхождения? Я не говорю уже о костях динозавров, которым десятки миллионов лет.

Аргумент непрошибаемый, но у очкастого ортодокса нашелся свой, симметрично крепкий:

— А вам не приходило в голову, коллега, что

пять тысяч лет назад всемогущий Творец создал и все эти артефакты, включая кости динозавров с их древней датировкой?

На вопрос, зачем это было нужно Творцу, коллега ответил, что это могла быть своеобразная шутка Творца, порожденная милосердием: ведь надо было позаботиться о психологическом комфорте всех своих детей, в том числе и тех, кто бродит во тьме безверия.

Глеб был далек от мысли, что некто создал внутри склепа скифскую бабу, но мысль о какой-то мистификации все же не на шутку встревожила его.

Ведь бывают же случаи подделки древностей, и довольно часто. Не так давно какие-то люди зачем-то построили изваяние, похожее на фигуры с острова Пасхи, и не где-нибудь, а на берегу Гренландии. Есть также версия, что одна из самых знаменитых находок в истории археологии, гробница Тутанхамона, — всего лишь искусная подделка, а череда смертей участников раскопок — убийства с намерением ее скрыть.

Тогда все встает на свои места — и скифская баба, и монета. Если кто-то лет несколько назад соорудил здесь этот склеп, то ошибка с монетой вполне закономерна.

Зачем подделывать древнее захоронение? Наверное, цель может быть лишь одна: чтобы потом раскопать его. Кому это нужно? Ученым, работавшим на полуострове до того, как Глеб Славин возглавил экспедицию — нет, нет и еще раз нет! Это были достойные, уважаемые люди. Да и не имели они технических средств на подобное сооружение.

Это могли сделать только черные археологи. Вот почему Лара утащила из склепа монету: она сама причастна к этой афере и вспомнила, что монета не соответствует захоронению.

На что же рассчитывали аферисты? Выкопали яму, набили ее всякими подделками, оставили на срок, чтобы отлежалось, утрамбовалось за три-четыре года... Затем должны были якобы найти, продать все эти предметы, которым на самом деле грош цена на черном рынке. Но настоящие археологи опередили их, поскольку здесь стали строить школу, и так далее.

Глеб отрыл глаза, покосился на Лару. Та спала, прислонившись виском к стеклу. Глеб вытащил из кармана и освободил от платка арибалличе-ский лекиф, принялся рассматривать его, уже с этой точки зрения. Работа искусная, ничего не скажешь. Ничем не отличается от настоящего.

Более того, датировать предмет, и то довольно примерно, может только радиоуглеродный анализ. Но подвергнуть такому анализу можно лишь углерод, который содержится в органических остатках. Так и поступают, например, определяя возраст костных останков, скажем, бараньих ребер, которые древние строители часто замуровывали в саманные стены, приступая к работе после обеденного перерыва. Какого возраста выброшенная кость, такого и артефакт, лежащий в земле рядом с нею. Но определить возраст самого керамического предмета таким способом невозможно. Этот лекиф вполне мог быть изготовлен и две с половиной тысячи, и пять лет назад.

Строили эту подделку дилетанты, поэтому и допустили ошибку. Кому-то пришло в голову запихнуть туда еще и скифскую бабу. В самом деле — какая разница для черных археологов, где что лежало по слоям. Им был важен лишь факт несанкционированных раскопок, они хотели просто показать яму покупателям, чтобы замотивировать продажу всего своего барахла.

Это открытие успокоило научную мысль Глеба, но уж никак не его научную гордость.

Самое смешное, что таким образом возможно провести не только вчерашнего аспиранта, но и

профессионала. Сооружение, наспех сделанное вчера, он, конечно, вычислит, а вот даже двухтрехлетней давности яму трудно отличить от самой древней.

Все это легко сработает д ля заказчиков черных археологов, но не для Глеба Славина. У древности особый запах. От древних вещей будто бы исходит некое излучение...

Глеб повертел в руках лекиф, приблизил его к глазам, зачем-то понюхал. Теперь ему уже казалось, что не испускает этот флакончик никаких лучей.

Лара проснулась и с любопытством смотрела на своего спутника, как он вертит в руках лекиф. Глеб резко обернулся к ней:

— Хочешь, подарю?

Лара покачала головой, улыбнулась.

— Это мне не нужно. Меня интересует предмет схожий по форме, но несколько больших размеров.

— Оценивается, межпрочим, не меньше, чем монета, которую ты стащила.

— Стащила и вернула.

— Зачем же стащила, если вернула?

Лара молчала. Это становилось невыносимым. Глеб с тоской подумал, что зря затеял путеше-

ствие. Девушка не давала ему никакого повода. Она просто-напросто использовала его. И кто знает, во что он ввязался, в какой криминал? Нет, молдаванка была бы проще и надежнее.

Думая обо всем этом, насупившись, скрестив на груди руки, Глеб краем сознания ощущал, что «криминал» — это слишком мягко сказано. То, во что он ввязался, было похлеще. Он вдруг понял, *что* беспокоило его с первой минуты, как он увидел эту девушку. Излучение. Точно такие же волны. То же самое, что исходило от скифской бабы, от любой древности. Любовь. Глеб любил эту Лару, только и всего. Как любил саму древность и волшебный запах ее.

16

Его размышления прервал вызов по мобильному. Звонила как раз молдаванка, да не со своего телефона, а позаимствовав у кого-то из новичков — новосибирцев. С мобильной связью в экспедиции было вообще трудно: телефоны, конечно, имелись у всех, но вот счета были исчерпаны также почти у всех. Другой роуминг, в виде местного вина, накручивал расходы архаровцев.

То, что Глеб услышал, ошеломило его. Едва начав разрабатывать новый участок, который

указала Лара, молдаванка наткнулась на каменную стену круглого колодца. Это была большая удача — городской колодец общего пользования. Глеб давно мечтал его найти, зная, что он где-то есть, но если бы не Лара, то к этой части раскопа они бы приблизились, как это планировалось, не раньше следующего сезона.

Голос молдаванки звучал ровно, подчеркнуто деловито. Роман так и не состоялся, и она это прекрасно поняла сегодня. Глеб защелкнул мобильник и обернулся к Ларе. Та слышала здешнюю половину разговора и догадалась, в чем был его смысл.

— Нашли? — поинтересовалась она.

Глеб, хотя и был изумлен, все же решил проверить свою необычную спутницу. Спросил с хитрецой:

— Нашли — что?

— Колодец, — ответила Лара с невозмутимой полуулыбкой.

— Нашли, нашли, — сказал Глеб. — Только вот что...

— Знаю, знаю, — в тон ему произнесла Лара. — Знаю, о чем хочешь спросить.

— Ну и?

— Ты же сам назвал меня ясновидящей!

— Я в ясновидение не верю. Откуда, черт возьми, черные археологи наперед знают, где искать объекты?

Лара отвернулась к окну. Ладно.

— Один ноль в твою пользу, — сказал Глеб.

Девушка покосилась на него. Произнесла без тени улыбки:

— Я давно хочу тебя спросить. Что означает один ноль в мою пользу? Какая мне от этого польза?

Глеб решил не реагировать на ее шутку, произнесенную с серьезным лицом. Новое открытие не давало ему покоя. Он повернул голову направо и, мимо двух дремлющих профилей соседей, принялся смотреть в восточное окно.

— Реально? — невпопад проговорила Лара, будто повторяя словечко Глеба, но не услышав ответа, отстала.

Пусть подумает. Надо все же как-то воспитывать эту девушку... Но что же все-таки произошло? Возможно, они пользуются супераппаратурой, с которой, например, работали японцы, когда нашли потайную камеру под Сфинксом. Какое-то сканирование подземных пластов — то ли ультразвук, то ли рентгеновские лучи. Видимо, их криминальный доход столь серьезен, что они

могут позволить себе что-то подобное.

17

Так или иначе, Глебу ничего не оставалось, как продолжать свою миссию коварного соблазнителя. От автовокзала он не стал брать такси, а затолкнул девушку в маршрутку. Когда они приехали к музею, «выяснилось», что он закрыт.

— Что такое? — вскинула голову Лара.

Глеб развел руками:

— Не успели. Просто я неправильно рассчитал время.

— Ты никогда этого не умел делать.

— Что? Почему ты так говоришь? Будто бы знаешь обо мне что-то?

— Нет, — вздохнула Лара. — Ничего я о тебе не знаю. Просто я знаю людей, а люди никогда не ценили времени. Ясно одно: надо снимать какую-то хату на ночь.

— Здесь рядом гостиница.

— Не пойдет. Меня не пустят в гостиницу.

— Это еще почему?

— У меня нет паспорта.

Глеб с изумлением воззрился на девушку.

— Я его потеряла, — пояснила она.

Девушка явно лгала. Скорее, паспорт у нее был,

только она не хотела, чтобы на ресепшен отеля Глеб его увидел. Возможно, она просто скрывает свое настоящее имя.

— Ну что ж, — сказал он, — едем обратно на автовокзал и впишемся в частный сектор.

На сей раз он все же взял такси. У автобусного терминала дежурила небольшая толпа хозяек, предлагавших ночлег. Глеб не отпустил машину, мигом договорился, и через несколько минут они уже вошли в старый каменный дом на Береговой улице с мрачным видом на два старых моста и адыгейский консервный комбинат на той стороне реки, но с обширным садом, уютным навесом о шести столбах, маскирующимся под беседку, поскольку три его стены были заставлены мебелью.

— Две комнаты, — уточнила Лара, — когда моложавая быстроглазая хозяйка проводила их в прекрасную спальню с широкой деревянной кроватью, увенчанной горкой подушек наподобие египетской пирамиды.

Хозяйка пожала плечами и открыла еще одну дверь: за ней была очень маленькая светелка с узкой кроватью.

— Вот эта как раз по мне! — обрадовалась Лара.

Была также продемонстрирована ванная с газовой колонкой, микрокухня для гостей, чтобы они могли чаевничать, не тревожа владельцев дома, и туалет.

Лара скрылась в ванной, Глеб опустился на свою шикарную кровать и утонул в нежной перине. Хлопнул ладонью по пирамиде Микерина. Верхняя подушка отличалась по цвету от всех остальных, чем напоминала именно эту усыпальницу эпохи Древнего Царства.

Сколько фальшивок бродит в мире с тех пор, как люди возвели в материальную ценность всякое старье! Эти имитации вводят в заблуждение не только дилетантов, но и настоящих ученых. Масса подделок хранится в самых серьезных музеях мира... Тутанхамон — и тот спорный.

А вот еще одна странная мысль: что, если некие силы в регионе хотят помешать строительству школы?

Зачем? Причин может быть множество — от идеологических до самых меркантильных. Например, строительство надо было во что бы то ни стало затормозить, хотя бы при участии невинных археологов, а затем... Допустим, в краевой администрации со дня на день ожидается некое решение насчет этих земель... Скажем, устроить

здесь какой-нибудь вип-пансионат.

Глеб фантазировал дальше и улыбался собственным фантазиям. Ночью пригоняют экскаватор и наспех мастерят древнегреческий склеп. Пихают туда что попало, в том числе — скифскую бабу. Монету бросают какую-то не ту... Подозрительный камень нарочито выводят на поверхность, чтобы Глеб наверняка наткнулся на него...

Его бесплодные фантазии прервал вполне реальный девичий крик, смешанный с громом тазов в ванной: похоже, с Ларой случилось нечто ужасное...

В три прыжка Глеб очутился перед дверью и окликнул девушку. Та высунула мокрую голову — в мутном облаке пара сияли ее глаза.

— Уже ничего, — сказала она. — Не смогла справиться с этими кранами. Ты мне показывал, но я забыла...

Глеб с изумлением уставился на нее:

— Что? Когда это я тебе показывал?

Лара закусила губу — так делает ребенок, когда проговорится о чем-то. Глеб не мог не увидеть того, что туманилось в дверной щели, окутанное паром, как прозрачной фатой: он вдруг отчетливо подумал, что ни сегодня, ни когда-либо в будущем

не прикоснется к этому складному, гладкому, словно античная статуя, телу.

— Да о чем ты? — настаивал он, чувствуя, что за ее словами кроется нечто очень серьезное.

— Что-то вроде сна, — сказала Лара. — Это называется «дежа вю». Мне как бы уже снилось все это: ванная, газовая колонка. Ты показывал, как крутить эти мудреные краны, но я все равно не сообразила и обварилась кипятком.

— Кто ты? — вдруг резко спросил Глеб.

Лара опустила голову, буравя его взглядом из-под мокрой челки.

— Скажу, ты все равно не поверишь.

— По крайней мере, у меня будет версия.

— Ладно. Только не прямо сейчас. Мы ведь будем ужинать, как обещала хозяйка?

«Может быть, она просто безумна? — думал Глеб, когда спустя полчаса они сидели под навесом, глядя, как ночные бабочки вьются вокруг лампы у потолка. — Нормальная сумасшедшая девушка. Паспорта нету, поскольку сбежала из психушки. Вообразила себя невесть кем».

— Вот так мы и бегаем друг за другом, уже десять тысяч лет по вашему исчислению, — закончила она свой рассказ, прожевывая кусок домашнего пирога с курагой.

— М-да... — протянул Глеб, также отщипывая от этого пирога.

— Ты мне что же, не веришь? — спросила Лара, взмахнув ладонями.

— Нет, — спокойно ответил Глеб. — Увы, ничуть не верю. Но в амфоре действительно спрятано что-то такое... Нечто очень ценное для тебя. С этим я могу согласиться. И все это так интересно, что я не отступлюсь и помогу тебе.

18

Глеб утопал в мягкой перине, слегка пьяный от хозяйского прошлогоднего вина. Август. Новое вино ждать еще более месяца. Пока мы довольствуемся варёхой.

Лара спала за тонкой дощатой дверью, в своей светелке, теперь погруженной в темноту. Нечего было и думать войти туда, на что он еще недавно так рассчитывал. Дело было вовсе не в том, что она ему рассказала — сущий вздор, похожий на пересказ какой-то компьютерной игры в стиле фэнтези, — а в том, что связываться с больной девушкой недостойно мужчины.

Лара — воин из племени амазонок, бесстрашных и сильных женщин, которые жили на древнем, давно ушедшем под воду континенте,

в своем давнем времени, они боролись с силами зла — могильщиками. Ее цель — амфора. Предводитель могильщиков — не кто иной, как Зонгар, и ему тоже позарез нужна амфора. Ларе и Зонгару было даровано бессмертие плюс возможность путешествий во времени, и они оба вынуждены скитаться в тысячелетиях, бесконечно пряча друг от друга амфору. М-да. Тяжелый случай.

Глеб давно избегал людей, которые несут о себе всяческую чушь, вроде того, что они способны прорицать, лечить, предсказывать судьбу по звездам и так далее. Тут одно из двух: либо какой-нибудь астролог-любитель на самом деле верит, то есть просто болен психически, либо морочит тебе голову. В первом случае можно ему и поддакнуть из милосердия, а вот во втором возникает проблема: сделаешь вид, что веришь, и он сам первый будет считать тебя дураком и смеяться в кулачок.

Самым изощренным из того, что рассказала Лара, была теория происхождения скифских баб. Оказывается, скифские бабы — это не символы, не надгробья. Они выглядят как творения человеческих рук, но не имеют никакого отношения к человечеству. Скифская баба — это репер времени. Он появляется в той точке пространства,

где происходит перемещение во времени. После события репер остается на том же самом месте, уже на века.

Ну-ну, интересно. Репером в геодезии называется точка, обычно металлическая плитка, с известными координатами и высотой относительно Кронштадтского футштока. По реперам производят измерения на местности. Если бы немыслимые слова Лары были правдой — и откуда она только знает это слово, не путает его с музыкальным термином? — то теоретически могут существовать и работать реперы времени, как существуют и работают реперы пространства. Началом отчета, футштоком, должна была бы служить какая-нибудь общеизвестная точка, например — первый год новой эры.

— То, что скифская баба, как ты ее называешь, стоит в склепе, — деловито заметила хронопутешественница, — значит лишь то, что могильщики уже побывали там. Я сразу это поняла, как только увидела ее. Только вот в чем вопрос: когда? Это могло произойти и сто лет назад, и пятьсот и две тысячи...

— Две тысячи, — не без иронии уточнил Глеб.

— Откуда ты знаешь?

— Да очень просто: изваяние было поставлено

в склеп именно на рубеже нашей эры. Я вижу это по слоям, как профессионал.

Лара задумалась, шевеля пальцами, будто ощупывая собственные мысли, которые кружились тут же, параллельно с ночными мотыльками. Резюмировала:

— Это значит, что они вытащили оттуда амфору где-то на рубеже тысячелетий и перепрятали в скифский курган, где ее и нашли археологи, как это значится в твоем каталоге.

Глеб вдруг подумал: а ведь ничто из произошедшего не противоречит этой теории. Действительно, скифская баба во дворе тети Дуси появилась слишком уж бесшумно и быстро. Зонгар, конечно же, каким-то образом привез ее и сгрузил. Но если бы она просто возникла посреди двора, то и тогда не было бы никакого шума. Глеб спросил, откуда взялась эта чертова баба во дворе пьяной хозяйки?

— Как же ты не понимаешь! — вскричала девушка. — Зонгар как раз и явился из глубины времени. Вот и возник на этом месте репер.

— Этот Зонгар, что же — ясновидящий? — спросил Глеб самым что ни на есть серьезным тоном. — Как он нашел тебя?

— Он не меня нашел, а *тебя.*

— Это еще что за диво?

— Ты сам виноват. Ты пригубил дудку, а этого делать не стоило. Зонгар всегда слышит мою дудку, где бы он ни был.

— А для чего нужна дудка?

— Да для многих дел. Чуть ли не каждый день нужна. Мы и чуем друг дружку через дудку. Каждый всегда знает, где сейчас другой. И когда.

— Все-таки «друг дружку», — передразнил Глеб. — Все-таки вы друзья.

— Нет, — серьезно ответила Лара. — Мы враги. Трудно это объяснить. Когда ты воюешь с человеком несколько тысячелетий, то он становится чем-то похожим на твоего лучшего друга. Только у меня вообще нет никаких друзей.

Лара вдруг встрепенулась:

— Я поняла. Вот что произошло. Когда ты задудел своего чижика, Зонгар услышал. Но что он услышал? Какую-то нелепую мелодию, которой нет в реестре дудки.

— В репертуаре, — поправил Глеб, вдруг отчетливо осознав, что все прошлые оговорки и якобы шутки Лары имеют некую законченную внутреннюю систему.

— Все равно, какое слово! Просто мелодия была не та, и Зонгар понял, что флейта захвачена. И, я

думаю... Это дико звучит, но... Он просто бросился мне на выручку!

— С чего же вы потом дрались?

— Сама не знаю. Наверное, я бросилась на выручку тебе.

Глеб только сейчас сообразил, что Лара опасна. Разгуливает на свободе, владея при этом какими-то специфическими приемами кулачного боя.

— Что у вас с Зонгаром за школа борьбы? Не сталкивался раньше с такой.

— Где ж тебе сталкиваться? Эта школа родилась двенадцать тысяч лет назад и давно закончила свое существование на затонувшем континенте.

— Подожди-ка, — сказал Глеб. — Затонувший континент, это, конечно же — Атлантида?

— Конечно же — нет! Никакой Атлантиды не было, — сказала Лара, нахмурившись. — Ее выдумал Платон.

— Так что же за континент?

— Ваши ученые называет его Лемурией. Проще говоря: континент Му. Там мы говорили для краткости — Му!

С этим забавным «Му!» Глеб и заснул в ту ночь, утопая в чудесной пуховой перине.

19

— Му! Му! Му-му! — повторял он, когда чистил зубы с утра.

Вспомнил о том, что Лара говорила о кранах газовой колонки и дежа вю... Что она имела в виду? Может быть, они уже встречались где-то в другой жизни... Забавно.

Вчерашняя мысль опять беспокоила его. А что, если сказанное Ларой все же частично правда? Дело, конечно, не в реальных перемещениях во времени. А вот касательно генной памяти ученые пока не пришли к стройной теории. Случается, что человек вдруг начинает видеть какие-то свои прежние реинкарнации. Вспоминает места, где никогда не был, болтает на незнакомых языках... По-крестьянски, по-кхристиански, — так оговорилась она. Глеб запомнил, но не придал этому значения, как и многим другим словечкам и странностям.

«Веди меня в свой каталог», — сказала она, и Глеб подумал, что она намеренно коверкает речепостроение. А если Лара просто не знала этого слова и думала, что каталог — это какое-то помещение, где стоит настоящая амфора?

Вот, например, вчера за ужином, когда в числе

прочего хозяйка принесла им вяленого леща, Лара взяла его за хребет и провела над столом туда-сюда, изображая, как лещ плывет. Пошутила:

— Мумия рыбы!

Может нормальная девушка так шутить?

Допустим, генная память частично занимает у некоторых людей основную. Они помнят события, которые произошли с их далекими предками. Личность расщепляется, и больной думает, что реальность предка и есть его реальность. Он может вспомнить наречие, на котором говорил предок, и напротив — частично забыть свой родной язык... Отсюда и все эти ее оговорки, ее непонимание самых обычных слов — вот и получается эта странная, в самое себе полная, законченная система ее языка. Но если Лара не фантазирует, а *помнит*, то события, о которых она рассказывала вчера за ужином, на самом деле происходили!

Значит, был и континент Му, и могильщики, и зачем-то надо было прятать какую-то амфору... Путешествия во времени, конечно, фантазия. Чувствуя в себе другую личность, переходя обратно в свою, эта девушка и представляет себе это, как переход из одной эпохи в другую.

Сердце вдруг радостно забилось: Глеб вновь

ощутил близость *открытия. О* континенте Му — Лемурии, якобы затонувшей обширной земле на месте современного Тихого океана, написано немало, главным образом, в популярной околонаучной литературе для массового читателя. Идолы с острова Пасхи, таинственные дороги, уходящие в глубины вод, какие-то титанические сооружения на дне, странные артефакты, добываемые в слоях известняка и даже каменного угля... Частично журнальные утки, частично подделки самих предметов — так раньше считал Глеб. Он, скорее, поверил бы в Атлантиду, бывшую, скажем, на месте эллинского вулкана Санторин, чем в какой-то туманный континент.

Но если генная память больной девушки выдает Лемурию за реальность, то она на самом деле существовала! Это и есть то, о чем Глеб мечтал всю жизнь, — *открытие.*

20

Когда машина затормозила на Гимназической улице, он увидел перед зданием Краснодарского историко-археологического музея милицейскую «Волгу». Парадная дверь была заперта изнутри, безо всякой таблички: похоже, стряслось нечто неординарное.

Глеб увлек Лару к служебному входу. Охранник узнал таманского археолога и пропустил, не интересуясь, что с ним за девушка.

— Ограбили нас, — сообщил он. — Ночью кто-то залез. Очень так хитро. Сигнализация не сработала.

— Разве такое бывает?

— Через чердак шел. Спустился по каминной трубе. Надо быть чертом, чтобы пролезть.

Едва они завернули за угол коридора, как Лара остановила Глеба, упершись ему руками в грудь.

— Это он, Зонгар!

— Почему именно он?

— Парень же сказал: надо быть этим... Чертом. Зонгара во все времена так и называют.

— Ну хорошо. Что ему нужно, твоему черту?

— То же, что и мне, конечно! Амфора. Он был на твоей камералке. Увидел амфору в каталоге. Узнал, где она находится. И немедленно отправился в музей, прихватив фляжку.

— Зачем ему нужна эта фляжка, черт возьми?

— Чтобы перенести туда то, что хранится в амфоре.

На последних словах Лара вскинула глаза. Глеб понял, что если он задаст следующий вопрос, то не получит ответа...

Глупо вообще расспрашивать ее. Допустим, она скажет, что в амфоре прячется джинн или что-то в этом роде. Что бы она ни ответила — это просто ее безумие. Но амфора реально существует. Глеб видел и человека, которого Лара называет Зонгаром. Скорее всего, действительно — не кто иной, как Зонгар залез сегодня ночью в музей.

В конце коридора послышались голоса, Глеб сразу узнал высокое сопрано третьей октавы — очень хорошо знакомый ему тембр. Светка шла между бравыми парнями в милицейской форме. Ее лицо было хмурым, озабоченным, а блюстители порядка сияли, радуясь общению с культурной женщиной, а не с бомжичками и шлюхами, с которыми им приходилась валандаться по долгу службы. Завидев Глеба, Светка рассеянно кивнула.

Это была его сокурсница. Конечно, теперь у нее строгая юбка и изящные очки, и она имеет ученую степень, и называют ее не иначе как по имени-отчеству, но для Глеба она так и осталась Светкой — девчонкой, с которой он чуть было не расписался на третьем курсе.

Формальности были закончены, протокол составлен, воины плаща и кинжала ушли.

— Если этот придурок ничего не взял, и даже

наоборот, то вам и беспокоиться нечего, — сказал напоследок один из них.

— Что значит — наоборот? — спросил Глеб.

— Этот человек проник в музей не для того, чтобы украсть. Он принес с собой ценные предметы, — ответила Светка, недоуменно пожимая плечами.

Они спустились в хранилище. Глеб сразу заметил эти предметы: они просто валялись на полу. Пахло почему-то, как в шашлычной поутру — остывшим бараньим жиром.

— Ты уверена, что он это принес, а не взял откуда-то с полки? — спросил потрясенный Глеб.

— Уверена. В музее не пропало ни одной вещи.

— Кое-что, я думаю, пропало, — пробормотал Глеб разглядывая следы пиршества.

Краем глаза он заметил, что Лара хитро улыбнулась этим словам.

На полу лежало большое овальное блюдо, медный кувшин и два кубка. Все это было довольно искусно сделано. И завалено грудой обглоданных костей. Отсюда и исходил неуместный запах.

— Это подделка! — воскликнул Глеб.

— Вовсе нет, — возразила Светка, взяв в руки один из кубков, тот, что был чистым, меж тем как из второго, который валялся на блюде, явно

пили.

Глеб поболтал кувшин: внутри что-то плескалось. Он понюхал: вино — хорошая красная Изабелла.

— Я бы отнесла эти предметы к третьему веку до нашей эры, — авторитетно заявила Светка, будто вела речь на симпозиуме. — Колониальная культура. Гермонасса, Фанагория или Пантикапей. И они в очень хорошем состоянии, просто как новые. Да им же цены нет! — воскликнула сотрудница музея.

Лара тронула Глеба за рукав, потянула в сторону.

— Он тут жрал, — тихо сказала она. — Причем с большим аппетитом, за двоих! И бросил посуду. Не брать же ее с собой?

— Откуда же она взялась?

— Ты ж все равно не поверишь. Есть такая скатерть. Ее надо расстелить на ровном месте, сыграть кое-что на дудке. Тут и появится скромная еда.

— Скатерть-самобранка? — улыбнулся Глеб, покосившись на Светку, которая издали прислушивалась к их разговору.

— Называй как хочешь, — сказала Лара, повысив голос. — Но эта тряпка как раз и приносит

именно подобную ерунду: такие вот кувшины и кубки, две горячие бараньи ноги, две крупные луковицы, всякую зелень. Ну и — хлеб, конечно.

Светка с любопытством смотрела, как ее бывший возлюбленный шепчется с юной красавицей. Глеб только покачал головой. Не хватало еще, чтобы серьезный ученый, которым сейчас является его сокурсница, заподозрила, что он влюблен в сумасшедшую.

Глеб достал из сумки-планшета каталог и показал разворот работнице музея.

— Я бы хотел взглянуть на эту вещь. Если, конечно, грабитель не похитил ее.

В этот момент на лице Лары опять возникла странная улыбка, будто она знала что-то неизвестное ему.

— Да нет, вряд ли, — заметила Светка. — Зачем человеку, который тайком приносит в музей ценности, еще и похищать какую-то рядовую амфору?

Они прошли в соседнее помещение, где на стеллажах от пола до потолка высились керамические изделия. Крупные пифосы, почти в человеческий рост, стояли на особых подставках в нижнем ряду. Далее шли амфоры и горшки.

— Я помню эту амфору, — сказала Светка, — ее

добыли твои коллеги на Тамани. В скифском кургане.

Она делала ударение на втором слоге слова — амфора, а не амфора — как говорят профессиональные археологи, вроде мореманов, которые непременно щегольнут жирным «а» в слове «компас».

— Честно говоря, странно… — продолжала Светка, разглядывая стеллажи. — Греческое изделие в скифском могильнике — не припомню такого.

Как и скифское в греческом, подумал Глеб, вспоминая «репер времени».

— Вот она… Гм! Ее действительно трогали недавно. Это видно по слою пыли на полке. Но аккуратно поставили на место.

Глеб осторожно взял амфору. Обыкновенный, литра на три-четыре домашний сосуд, в хорошем состоянии. Знак гончара на месте. Он заглянул в черное горлышко.

— Тогда они взяли что-то оттуда! — настаивал он.

— Да нет же! — ответила Светка. — Амфора всегда была пустой.

— Кое-что все же там было, — шепнула Лара, все с тем же хитрым выражением лица.

Задерживаться она не собиралась ни на ми-

нуту. Когда Глеб завел разговор со Светкой об археологических делах, Лара принялась теребить его за рукав, почесывать тайком по спине... В конце концов Глеб отдал Светке тубус с чертежами, предварительно вытащив оттуда носки и скороговоркой уведомив удивленную подругу юности, что заглянет позже. Как-нибудь... На днях.

21

— То, что было в амфоре, не обязательно запечатывать, — пояснила Лара, когда они вышли из музея и вновь оказались на тенистой Гимназической улице, над которой буквально смыкался свод из каштановых крон.

— Объяснишь на сей раз? — вялым голосом, безо всякой надежды спросил Глеб.

Лара посмотрела на него с той же усталой грустью. Глеб ей не верил, и она это знала. Зачем попусту тратить слова? — вот о чем говорил ее взгляд.

— Это может находиться внутри любого сосуда, даже открытого, — сказала Лара. — Сосуд запечатывает не пробка, а заклинание. Зонгар просто не пожелал тащить тяжелую амфору, а воспользовался чем-то поменьше. Армейской фляжкой из-под спирта, например.

— Да что там такое может быть? — засмеялся Глеб. — Уж не джинн ли?

— Джинн, — серьезно ответила Лара.

Глеб молча смотрел на нее. Лара говорила, глядя на свои шагающие ноги, бесцветным голосом, просто, казалось, размышляя вслух.

Теперь она точно сможет найти джинна. Потому что у нее есть волшебная дудка. Самого джинна дудка не определяет, но определяет Зонгара. А джинн сейчас в руках Зонгара. Пока Зонгар его снова не спрятал, она может найти и перехватить джинна.

Внезапно девушка остановилась, выхватила из сумочки глиняную дудку и бегло взяла несколько нот. Затем положила дудку на камень тротуара.

То, что произошло далее, могло быть какой-то иллюзией, фокусом, что навело Глеба на странную мысль, которая до сих пор ни разу не приходила ему в голову, несмотря на свою очевидность. Дудка медленно повернулась, рыскнула туда-сюда и замерла, чуть покачиваясь на точке равновесия. Лара не касалась дудки, не дергала ни за какую веревочку, даже не дула на инструмент.

Она распрямилась и поглядела вдоль улицы, в ту сторону, куда, как это выглядело, указывал

рожок.

— Что там может быть? — деловито спросила девушка.

— Ничего, кроме автовокзала, — не думая, ответил Глеб, поскольку хорошо знал город.

Дудка показывала не точно по улице, а косила немного вправо: именно там и располагался городской автовокзал. Будь угол чуть круче, это было бы направление на железнодорожную станцию «Краснодар-1». Вполне логично было предположить, что Зонгар собрался покинуть город и в данный момент ожидал какого-то определенного автобуса.

— Тогда пойдем на автовокзал, покажи мне дорогу, — сказала Лара и тотчас двинулась по тротуару.

Глебу ничего не оставалось, как проследовать за нею.

Итак. Только что он был свидетелем некоего странного явления: предмет, к которому не прикасалась ничья рука, принялся вращаться на месте, будто внутри был скрыт специальный механизм.

Именно так, думал Глеб, вышагивая рядом с Ларой. Ничего другого и быть не может. Это просто-напросто реквизит фокусника. Дудка,

которая может поворачиваться. Коль скоро это так, то речь идет не о безумной красавице, а о каком-то определенном плане. И он, Глеб является центральной фигурой этого плана. Иначе зачем использовать какое-то особенное устройство?

Но все это более чем странно. Неужели некие люди всерьез полагают, что выпускник университета, солидный человек, убежденный атеист, поверит во всю эту чушь? На основании того, что на тротуаре повернулась дудка.

Другой вопрос: зачем? Зачем кому-то надо, чтобы Глеб поверил в существование Лемурии, перемещений во времени и даже самого джинна? Что должно произойти, если он поверит?

Глеб вдруг понял, что выяснить это можно только одним способом: надо сделать вид, что он принял реальность, которую навязывает ему эта девушка. Только в том случае он сможет узнать, что за сила использует его и какова ее цель.

— Здесь направо, — сказал Глеб, когда они дошли до улицы Седина. — Быстрее пройти дворами.

Лара послушно свернула, ее коса метнулась в прежнем направлении, не успевая за хозяйкой, но тотчас покорно улеглась на ее плече. Не потому ты решил изменить свою мотивировку,

подумал Глеб. Просто ты хочешь быть рядом с нею, несмотря ни на что.

— Как далеко дудка видит Зонгара? — спросил он будничным голосом, будто говорил о самом обычном.

Лара недоверчиво покосилась на него, но все же ответила:

— Любое расстояние. Будь Зонгар в Австралии, дудка бы показала на юг.

— На юго-восток, — поправил Глеб. — Тогда не обольщайся. Возможно, Зонгар давно покинул город и просто едет где-то в автобусе, километрах в двухстах отсюда.

— Это легко проверить, — сказала Лара, остановившись и вновь достав из сумочки дудку. — В каком направлении автовокзал сейчас?

Глеб тотчас показал, удовлетворенно отметив, что до сих пор чувствует город, где прожил пять студенческих лет, словно свое собственное тело. Лара повторила мелодию и бережно уложила дудку на землю, смахнув ладонью пыльные листья. Дудка развернулась точно туда, куда надо. Глеб запоздало сообразил: ведь он мог указать и другое направление, и что было бы тогда? Лара каким-то образом могла управлять устройством.

— Значит, он все еще там, — сказала она. — Так

ты что же — теперь уже веришь мне?

— Безусловно. Я вижу, как крутится твоя чудесная дудка. Вот если бы ты еще и вызвала скатерть-самобранку, то я бы оставил самые последние сомнения.

— Не время сейчас жрать, — отрезала Лара, пряча дудку в сумочку.

22

Автовокзал, как всегда, был полон всякого разномастного народа, смиренно ожидавшего на жаре, когда покой сменится движением. Автобусы отходили нечасто. Только что развернулся, жирно чадя выхлопом, ростовский. Лара догадалась выложить дудку. Рожок указал ему вслед. Когда автобус повернул направо, чтобы выбраться из города, дудка нервически дернулась за ним. Глеб недоверчиво перевел взгляд с рожка на улицу. Автобус уже двигался за домами, Глеб ясно представлял его невидимый путь. Дудка неумолимо и медленно, словно стрелка часов, точно указывала на него.

— Зонгар в этом автобусе! — вскрикнула Лара.

Глеб недоумевал. Теория фокуса рушилась на глазах. Вряд ли Лара была в курсе, что ростовский автобус свернет с улицы Гоголя направо, а потом

— круто — налево, на Садовую. Вряд она сама управляла этой дудкой. Выходит, дудка каким-то образом действительно находит положение Зонгара, который как раз и сидит в этом самом автобусе, сквозь жару и пробки пробивающемся на север.

— Мы можем его догнать... Впрочем, этого и не нужно... Пока... — Лара размышляла вслух, пытаясь принять решение, а Глеб все ломал голову над загадкой дудки.

Допустим, какое-то устройство определяет мобильный телефон Зонгара по JPS — спутниковой навигации. Но это должно быть весьма дорогое устройство. Здесь уже не фокус, а что-то гораздо серьезнее. И вовсе это все не какая-то мистификация, призванная ввести в заблуждение Глеба, а что-то другое, более важное. Что-то совсем огромное...

— Я поняла, — сказала Лара. — Нам надо поехать туда же, куда направился Зонгар. Надо как-то завладеть фляжкой. Просто так отнять ее мы не сможем.

Глеб усмехнулся, вспоминая приемы «борьбы континента Му».

— Думаешь, мы не справимся с ним, даже вдвоем?

— Может быть, и справимся. Но он в любом случае не один.

— Как это — в любом случае? Он может быть либо один, либо не один.

— С ним может быть кто-то из друзей.

— Тоже эти, как их... Могильщики?

— Нет. Никто, кроме меня и Зонгара, не может преодолеть время. Но он мог найти кого-то здесь. Как я нашла... Тебя.

В другой обстановке слова вроде «нашла тебя» могли бы согреть душу, порадовать и обнадежить...

— Но дело не в этом, — продолжала Лара. — Даже если с Зонгаром и нет друзей, то он все равно не один: с ним джинн. А джинн служит тому, кто им владеет. Уж не думаешь ли ты справиться с джинном?

— Нет, не думаю, — ответил Глеб, дивясь собственному серьезному тону, ибо в этот момент ему вдруг показалось, что джинн и в самом деле есть.

Только на один момент. Но если это не джинн (поскольку никаких джиннов нет), то что? Какую вещь, весьма малого размера, можно было переместить из амфоры во фляжку? Некую жидкость? Но амфора, как заявила Светка, всегда

была пустой. Может быть, это какой-то газ? Или сгусток энергии? Но в таком случае, джинн на самом деле существует. Не важно, как назвать эту энергию, которая может храниться в сосуде и которую можно носить с собой и прятать. Ее можно назвать даже Джинном. Именно так — Джинн с большой буквы.

23

Следующий автобус в том направлении был нескоро. Глеб уже принял решение: что бы ни было в амфоре, что бы ни было перемещено из амфоры во фляжку, он не бросит их общую затею на полпути.

— Идем на железнодорожный вокзал, — сказал он, невзначай беря Лару за руку и увлекая сквозь толпу.

Девушка не отнимала руки, она думала, что мужчина просто ведет ее среди чьих-то сумок и коленей, а он, тот самый мужчина, впервые столь долго владея этой прохладной рукой, чувствовал необыкновенное единение с Ларой, готовность помочь ей — в чем бы эта помощь ни состояла, каких бы приключений ни сулила. Влюблен, да, влюблен...

Электричка до Тимашевской отошла через

полчаса. Лара сидела у окна, время от времени выкладывала дудку подле своего бедра, и та исправно указывала вправо-вперед. С каждым новым замером рожок все больше отклонялся вправо, затем вывернулся немного назад. Электричка обогнала автобус. Лара повернула к Глебу счастливое лицо.

— Мы приедем раньше него!

Глеб нахмурился. Что-то слишком медленно двигался автобус, в котором сидел Зонгар.

Электричка остановилась на каком-то полустанке. Следующий перегон дудка поворачивалась с видимой скоростью, словно секундная стрелка часов.

— Мы выходим, — сказал Глеб, когда состав снова затормозил.

Лара медлила. Глеб тряхнул ладонью:

— Ну же! Твой Зонгар просто уже сошел с автобуса.

Лара вскочила, выдернутая Глебом за руку, и они побежали вдоль вагона, потому что электричка уже зашипела дверьми. Еле успели выпрыгнуть на платформу.

Маленький низкий полустанок, меж бетонных плит пробивается трава. Вместе с Глебом и Ларой сошел всего один человек, он с любопытством

посмотрел на них.

От железнодорожного переезда на восток вела узкая дорога. Вдали виднелась покосившаяся железная крыша автобусной остановки. Глеб повел Лару туда. Девушка, казалось, окончательно приняла новый стиль: держаться все время за руки.

Карты у Глеба не было, но он неплохо представлял себе район, в котором они находились. Человек, сошедший с электрички вместе с ними, направился по тропинке к остановке. Это был местный житель пенсионного возраста, с коричневым испитым лицом, в мятой серой шляпе. Глеб окликнул его и спросил, скоро ли будет автобус на Кореновск. Именно этим маршрутом они могли бы выехать на ростовскую трассу, а там уже искать Зонгара.

Автобус будет через полтора часа. Не годится. Глеб отвел Лару чуть дальше остановки. Затормозил первый же грузовик: голосовать с девушкой — всегда беспроигрышный вариант.

Лара не могла поставить свой «компас» в трясущемся «ЗИЛе», да еще на глазах у водителя. Она попросила остановить, скромно опустив глаза, уже километров через десять пути. Вернувшись из зарослей акации, девушка молча рубанула ладонью перед глазами Глеба, цокнув языком.

Глеб задумался, глядя в указанном направлении. Похоже, Зонгар сошел с автобуса несколько дальше Кореновска и двигался теперь на запад.

Внезапно за поворотом показались машины, стоящие поперек трассы. Защитный цвет, люди в камуфляжной форме. Глеб не сразу понял, что им вовсе не стоит проходить через блокпост, но было уже поздно бежать.

— Это из-за террористов, — процедил сквозь зубы водитель. — Ловят Доцоева. Только не поймать им его... Готовьте паспорта, ребята!

Глеб-то свой приготовил... Лара закусила губу и беспомощно глянула на Глеба. Все трое должны были выйти из машины. Водитель открыл створки своей фуры. Солдат даже заглянул под колеса: не прилип ли Доцоев где-нибудь снизу.

— Ну, и откуда вы будете?

— С Тамани, — сказал Глеб.

— А здесь по каким делам?

— По археологическим.

Глеб развернул планшет и показал атлас. Лейтенанта убедил, скорее, вид кожаного планшета, нежели книжки с картинками.

— В этом районе есть древние могильники, — добавил Глеб. — Мы проводим необходимые изыскания.

— Бумаги надо иметь в должном порядке, — пробурчал лейтенант. — Лично я здесь как раз для того, чтобы современных могильников в районе вдруг больше не стало. Откуда мне знать, что она — не человек Доцоева? — кивнул он на Лару, возвращая Глебу его паспорт.

— Я могу поручиться, — сказал Глеб. — Это именно мой человек.

— Под вашу ответственность, — сказал лейтенант и отвернулся, потеряв к ним всякий интерес.

Они вернулись в машину. У Глеба не выходила из головы последняя фраза сержанта. Лара — человек Доцоева... Может такое быть?

У нее в руках некий странный прибор, который способен через спутники связи указывать направление на что-то, возможно — на точно такой же прибор. Да, Лара говорила, что и у Зонгара есть дудка.

Кто мог сделать такой прибор, вернее, заказать его специалистам, и сколько это может стоить? Кто в нашем мире располагает такими средствами? И главное — зачем маскировать прибор под глиняную дудку?

«ЗИЛ» ехал теперь вдоль Левого Бейсужека, по всему течению перепруженного; берега этих

невеликих водохранилищ сплошь обросли станицами, незаметно переходившими одна в другую. Лара опять часто просилась в туалет и вызвала у водителя вполне разумное подозрение.

— Пивка попили? — весело спросил он.

— Ага, — сказал Глеб. — И еще вина.

— Варёха здесь, а не вино, — пробурчал водитель.

Когда Лара вернулась и вновь отметила направление, Глеб понял, что пора выходить. Попросил остановиться у ближайшей запруды.

Они перешли реку по ветхому деревянному настилу; за нагретыми задень перилами вились темно-зеленые нити водорослей. Солнце уже слепило, завершая этот жаркий день. Они быстро выбрались из станицы в степь. Дудка, уложенная на плоский камень, указала на северо-восток.

— Расстояние никак нельзя определить? — спросил Глеб.

Лара качнула головой. Глебу нравился этот ее жест: косичка описывала коричневый полукруг между ее лопаток.

— Ты правду сказал солдату, что здесь есть древние могильники? — спросила она.

— Разумеется. Потому что они тут повсюду, от Черного моря до Каспия.

— Чтобы спрятать Джинна, Зонгару нужен не простой могильник, а могильник с призраком. На самом деле его можно спрятать где угодно, но только в захоронении, да еще под охраной призрака Джинн чувствует себя наиболее комфортно. И это очень древняя традиция.

— Нам бы подумать о ночлеге, — сказал Глеб.

24

В студенческие годы, не столь уж далекие, он много ездил по стране автостопом, и летняя ночь на природе не представляла для него проблемы. Другое дело, надо бы раздобыть где-нибудь еду. Глеб оглянулся: станица была еще недалеко, но возвращаться не хотелось. Впереди, может быть, будет другая. Вдруг он заметил высокую соломенную скирду. В августе спать просто на земле довольно-таки холодно... Внезапно ему пришла в голову забавная мысль.

— Остановимся здесь, — сказал он. — Только вот есть нам совсем нечего.

Он хитро посмотрел на свою спутницу. Та пожала плечами, хлопнула ладонью по холщовой сумке:

— А дудка нам на что?

Глеб вдруг отчетливо понял, что обман, вернее,

истина, раскроется прямо сейчас. Дудка, конечно, может пеленговать направление, с этим он смирился, но вот вызвать скатерть-самобранку — это уже чересчур. Скорее, Лара скажет, что дудка не сработала, сломалась или что-то в этом роде. Тогда дело плохо, очень плохо, вдруг подумал Глеб, испытав чувство, которое редко посещало его, — настоящий страх.

Реальный блок-пост, вооруженные солдаты. Доцоев где-то поблизости. Лара — человек Доцоева. И она ведет Глеба к нему... А что может быть нужно террористу от археолога, знает один Аллах. Впрочем, этот Доцоев, как уверяла тетя Дуся, — «русский террорист», и Аллах тут совсем ни при чем.

Глеб отвалил от скирды порядочный пласт, получилось приличное ложе. Лара, понаблюдав за его действиями, сделала то же самое, несколько дальше по скосу скирды. Так. Спать с ним в обнимку она не собирается. Конец голливудскому стандарту семидесятых: в тех боевиках он и она всегда проводили первую ночь вместе, где-нибудь в мотеле, на одной кровати, но оставались целомудренными до самого конца фильма. Между прочим, в тех же семидесятых герой мог и погибнуть...

Присев на свою соломенную постель, Лара извлекла на свет дудку. Передвинулась, перебирая ногами, в сторону Глеба и сыграла короткую мелодию, которая была совершенно чудной, но чуть подпорченной из-за одной какой-то ноты, выпавшей из общего строя.

Лара опустила голову и глядела на траву перед собой. Ничего не произошло. Ясно. Всё идет нормально. Теперь будет недоуменная реплика и реальность прояснится. Но Лара сказала вовсе не то, что ожидал Глеб:

— Ну какая же я тяпа... То есть эта... как ее?

— Растяпа, — уточнил Глеб, ухмыляясь.

— Точно, она. Растяпа. Просто соскользнул палец.

Лара повторила мелодию, теперь она прозвучала отчетливо. Глеб едва успел подумать о том, что такое совершенное произведение почему-то вовсе не известно ему, человеку с музыкальным образованием, человеку, который любит и знает музыку... Почему? Как это может быть... Как вдруг...

Немыслимо. Трава перед сидящей по-турецки Ларой заколыхалась, как-то замутилась, будто подернутая дымом, и довольно быстро, но все же заметно для глаз приняла форму кувшина.

Затем этот травяной кувшин налился глиняным цветом, на его брюшке проявились детали узора; рядом, сперва такие же травяные, выросли кубки, миски, что-то еще... Скромно вышитое полотно белело на траве квадратом, дымка не исчезла, все еще вилась над совершенно реальными предметами... Да это просто пар! Самый обыкновенный пар от горячих бараньих ножек с румяной корочкой, которые преспокойно лежали на блюде и источали запах пряностей. Глеб придвинулся ближе, взял одну ногу и оторвал от нее зубами кусок.

Главное, не терять самообладания, думал он, прожевывая мясо. Барашек был явно молодой, нежный, и питался он при жизни весьма изысканно, а незадолго до решающего события его от пуза накормили сладкой курагой. Далее, повар был знатоком своего дела: изжаренная на виноградных угольях нога отливала смуглым золотом тончайшей корочки. Такое блюдо в современном ресторане стоило не более ста долларов, но и не намного менее...

Да, будто бы все так и есть, так и надо. Глеб протянул руку, задел рукавом рубашки медный кубок, ловко подхватил его и тотчас наполнил из кувшина. Лара тем временем быстро очисти-

ла луковицу костяным ножом, который был в комплекте скатерти. Так. Целоваться, значит, она с ним не собирается. Тогда и мы попробуем этот древний лук. Вот интересно, что бы показал радиоуглеродный анализ данных биологических материалов? Надо заначить косточку, фрагмент шелухи. Этот баран, возможно, жил, и этот лук, вероятно, рос несколько тысяч лет назад...

— А у Зонгара в музее не было костяного ножа, да и вино было не такое, — сказал Глеб, пригубив из кубка высококачественный мускат.

— Другая мелодия, — пояснила Лара с полным ртом. — Я предпочитаю белое и сервировку побогаче.

Ничего такого вроде «ну, а теперь-то ты мне веришь?» она не сказала. Это и понятно, ведь Глеб уже несколько часов делал вид, что принял предложенную ему реальность.

Допустим, он сам был бы сейчас где-нибудь в Америке и говорил бы тамошней девушке, что он из России, а она бы ему почему-то не верила. И вот, он предъявил бы какое-нибудь доказательство... Для Лары, значит, все было именно так. Она знала, кто она и откуда. Тот факт, что и Глеб не сомневается в этом, не должен вызвать у нее каких-то особых эмоций. Облегчением была

мыль о том, что теперь-то, по крайней мере, ясно, что вовсе она не «человек Доцоева».

Когда с едой было покончено, Лара сытно рыгнула и принялась ковырять в зубах, для чего в этом комплекте, в отличие от музейного, предполагалась маленькая вазочка с зубочистками. Глеб улыбнулся, подумав, что это финальное торжествующее рыгание ставит последнюю точку во всех сомнениях: девушка из Ле-мурии вполне может иметь такую привычку, отнюдь не шокируя своих сотрапезников. М-да. Вино все же ударило по мозгам.

Лара свернула скатерть в узелок и отбросила в сторону. Внутри узелка звякнуло: это разбилось что-то из бесценной керамики, выволоченной какой-то непонятной и чудовищной силой из глубины времен.

25

Ночь, звезды, пахнет прелой соломой, где-то в глубине скирды шуршит мышь. «Так и мысль моя сейчас шуршит, мечется, где-то внутри черепа, пытаясь понять то, что не может объяснить разум», — думал Глеб, лежа с Ларой в странной какой-то позе, которую и представить не мог, сколько ни скитался по дорогам страны.

Эта походная поза для двух спящих не предполагала никакой надобности в подушках. Лара не зря постелила себе соломы вплотную с его ложем, последовательно, голова к голове. Лежа на одной линии, навзничь, втянув ноги вдоль скирды примерно по оси земного меридиана, они положили головы друг другу на плечи. Еще одно лемурийское изобретение... Их волосы путались, а уши соприкасались, что неимоверно возбуждало мужчину. Он будто раскачивался на волнах, обращенный ногами на север, чувствуя плечи Лары, обращенной ногами на юг. В центре зрения дрожала Полярная звезда. Над головой обреталась Кассиопея неправильной буквой «М», а за ней длинношеим гусем, он же искаженная «У», покачивался Персей.

— Лара, — спросил Глеб, — почему Джинн чувствует себя комфортно именно под охраной призрака?

— Это очень просто, — отвечала она. — Дело в том, что Джинн и Смерть неразрывно связаны друг с другом. Скорее всего, то, что люди называют Смертью, этот мрачный образ с косой — и есть Джинн. Переход умершего человека из живого состояния в мертвое, отделение и переселение его души в другой мир происходит только при

участии Джинна.

Она явно считала Смерть именем собственным, так показалось Глебу. Интересно, что-нибудь шевелится в этой молодой... то есть страшно подумать, насколько немолодой — женщине, оттого, что от разговора трутся их скулы?

Спать не хотелось обоим. Лара медленно, с долгими паузами рассказала историю, с чего все началось. Глеб слушал, переводя взгляд со звезды на звезду...

Могильщики — это именитый род жрецов, которые занимались погребением знатных людей в самом древнем государстве на Земле — Лемурии. Им были известны секреты мумифицирования, которые затем слепо скопировали египтяне. Но мумифицирование лемурийцев отличалось тем, что действительно даровало бессмертие их богоподобным правителям, а не просто производило на свет высохшие, как вобла, человеческие тела.

Джинн — это один из главнейших инструментов мумифицирования, потому что он управляет самим временем. Что такое Джинн — не знает никто. Это некая данная сущность, которая была на Земле задолго до того, как возникло человечество и жизнь вообще. Но именно поместив умершего в скорлупу времени, и можно сделать его жизнь

вечной. И только отбросив во времени какую-то земную область и столкнув ее в пространстве с собственной копией, можно ее уничтожить. В этом и есть разрушительная сила Джинна.

Могущество Джинна заключается в том, что он может доставать из глубин времени различные предметы, как бы творя их заново. Он может выполнять многие человеческие желания — именно тем, что меняет ход времени.

Зонгар, предводитель племени могильщиков Лемурии, выпросил у Джинна бессмертие. Царица амазонок поняла, насколько это опасно — Зонгар, безраздельно владеющий Джинном. Она приказала Ларе, одной из своих самых лучших воительниц, найти Зонгара и отобрать у него Джинна. Лара и ее амазонки настигли Зонгара, но он был готов провалиться во времени, уйдя от погони. В последний момент Ларе удалось завладеть Джинном, она тоже испросила у него бессмертие. С тех пор продолжается вечная битва Зонгара и Лары во времени.

— Все ясно, — сказал Глеб. — Ты не знаешь, кто такой Зонгар. Более того, ты не знаешь, что такое Джинн.

— Зонгар, — сказала Лара терпеливым тоном училки, — это главарь могильщиков.

— Насколько он старше тебя?

— Я не знаю. Царица говорила, что и при ее бабушке он был таким же, как и сейчас.

— Почему изначально Джинн был заодно с Зонгаром?

— Не знаю.

— Ты прячешь Джинна, а он его рано или поздно находит?

— Находит и снова прячет, но уже от меня.

— И Зонгар не может тебя просто убить?

— Равно как и я — Зонгара. Потому что мы оба под защитой Джинна и самого времени.

— А меня Зонгар, конечно, может убить, — с грустью констатировал Глеб.

— Разумеется.

— Послушай, а разве ты не можешь спрятать Джинна раз и навсегда. Так надежно, что Зонгар его никогда не найдет?

— Это невозможно, потому что в распоряжении Зонгара вечность. И рано или поздно он все равно найдет Джинна.

— Здесь есть какая-то ошибка, — сказал, подумав, Глеб. — Мне кажется, я знаю, как решить твою проблему. И помочь в этом тебе может именно само время.

В ответ Глеб вдруг услышал легкое посапы-

вание. Лара уснула внезапно, как и в автобусе. Словно космонавт какой-то. Такой способности можно только позавидовать.

Высоко в небе гудел самолет, дальний, идущий, например, с Москвы на Дели. Его огни двигались от созвездия к созвездию, мгновеньями замещая звезды. Глеб подумал о тех ребятах, которые сидят сейчас в кабине и видят над собой тот же черный купол. Как знать, может быть, в какой-то другой реальности он был бы одним из них...

Глеб продолжал думать. Ему казалось, что время действительно можно как-то использовать. Ведь если время можно искривлять, то реально и замкнуть петлю времени... Мысль извивалась, словно дракон, а Глеб как раз и следил за этим созвездием — Драконом, вьющимся между двумя Медведицами, пока не пошли перед глазами туманные видения сна.

Вот они лежат рядом, не как мужчина и женщина, а как боевые товарищи, посреди степи, словно тысячи лет назад — кочевники. Глядя на звезды, Глеб вдруг ясно, до самой глубины сознания ощутил, что все, что говорит ему Лара, — не обман, не следствие ее безумия, а истинное устройство мира. Его вдруг охватил ужас под безмолвным небесным куполом. Рядом с ним, во сне уткнув-

шись ему в плечо, лежало неведомое, чуждое, бессмертное создание...

26

Глеб проснулся бодрым и полным сил: вчерашний баран будет еще долго поддерживать энергию этого тела. Лара сидела на корточках у небольшого костра, протянув руки к огню. Глеб раньше не видел поблизости никаких дров. Он понял, что и древесина, и пламя родились здесь тоже по мановению дудки, но спрашивать не стал. Лара уже и промер направления сделала. Похоже, Зонгар со вчерашнего вечера не сдвинулся с места, также расположившись на ночлег в степи.

Глеб достал мобильник и тут же снова спрятал в карман. Старенький аккумулятор окончательно разрядился. Теперь единственным действующим устройством была дудка, устройством не электронным, а черт-те каким, работающим как некий компас.

Глеб и Лара пошли по грунтовому проселку, ведущему на северо-восток. Первая машина появилась почти через час: это был самосвал. Он провез их километров двадцать, затем пришлось сойти, так как водиле нужно было круто

свернуть.

Дальнейшая дорога была заброшенной, мимо старого рисового поля, где давно уже не рос никакой рис. Здесь мог проехать разве что мотоцикл, только откуда ему взяться? Вдали белели длинные стены полуразрушенного хозяйства, скорее — свинарника. Лара положила дудку на сухую, растрескавшуюся глину. Рожок указал на свинарник.

— Зонгар может быть там, внутри, — сказала она.

— Не факт, — ответил Глеб. — Надо отойти немного в сторону и повторить.

Они сошли с дороги, прошагали по кочкам бывшего рисового поля метров сто. Лара увидела плоский камень в траве и возложила на него дудку. Точно. Рожок указывал именно на свинарник, а не в каком-то параллельном направлении в его сторону.

— Я хочу с ним поговорить, — решительно заявила Лара.

— Думаешь, он просто отдаст тебе Джинна?

— Не до шуток. Я поговорю о Доцоеве. Думаю, что Зонгар неспроста появился именно в этих местах.

— Какая может быть связь между Доцоевым и

Зонгаром?

— Могильщики всегда заключали сделки с людьми, которые творили зло. И Джинн работал на них.

— Джинн — это зло?

— Нет. Джинн есть Джинн. Он просто служит своему господину. В разные времена Джинн служил сильным мира сего, стремившимся сей мир захватить. Македонскому, Наполеону, Гитлеру... Но мне всегда удавалось опередить Зонгара и спрятать Джинна.

Глеб вытаращил глаза:

— И ты что же, общалась со всеми этими людьми? С Наполеоном, с Александром Великим?

— Нуда, — пожала плечами Лара. — Что ты так на меня смотришь — ревнуешь? Просто обыкновенные мужчины... Александр Филиппович, как вы бы его назвали... Сын царя Филиппа.

Глеб смотрел на девушку, чуть наклонив голову. По какому праву она вообще заговорила о ревности? Они ведь еще не дошли до выяснения отношений. Ах да! Пресловутое дежа вю. И значит, объяснение между ними все же случилось, где-то в другой реальности, и она помнит об этом, как помнят сон...

— Межпрочим, — сказала Лара, — если тебе

интересно, конечно... — Она опустила глаза, и вдруг краска залила ее щеки, осветив изнутри бронзовую кожу. — Нам, амазонкам, строго было предписано хранить невинность. А я никогда не нарушаю клятвы.

— Я где-то читал, что амазонкам отрезали одну грудь... — невпопад ляпнул он, пытаясь преодолеть смущение.

Лара нахмурилась:

— Это еще зачем?

— Чтобы легче пользоваться луком в бою.

— Что? В бою кидаться луком? То есть... — Лара усмехнулась. — То есть ты о луке, который со стрелами... Ну, это в далеком прошлом. У нас было огнестрельное оружие. Кроме того, это я просто так сказала, чтобы ты понял: амазонки. Это на вашем языке. Никакого отношения к легенде... Что ты так смотришь? Мои груди в полном порядке, обе на месте. — И, еще не закончив фразу, она расстегнула рубашку и показала ее разворот.

От такого зрелища Глеб непроизвольно сглотнул, а Лара повернулась и решительно зашагала в сторону заброшенного хозяйства, перепрыгивая через поломанные водовыпуски рисового поля. Глеб пошел за ней. Как он и предполагал, встреча с Доцоевым все же состоится.

Ворота свинарника были заперты на ржавый замок, но маленькая дверь в середине створки распахнута настежь, словно приглашала войти. Чуть позже Глеб очень сожалел, что не придал значения этой метафоре.

Внутри было жарко и сухо. Пряный сладковатый дух — смесь из запаха животных, их пищи и навоза — до сих пор заливал помещение, правда, не был столь густым, как на действующих фермах. Плоские, словно лезвия ножей, лучи солнечного света наискось разрезали пространство, печатая на полу проекции узких горизонтальных окон.

Главное отделение свинарника было пустым, лишь два полосатых матраса лежали у стены, прямо напротив ворот. Странные какие-то матрасы: новые, чистые — похоже, на них еще не спали, но только собирались спать...

В торце чернела дверь подсобки, так же распахнутая, как и наружная. Они вошли, миновали три комнаты, одну за другой. Лара вдруг увидела что-то на полу, нагнулась.

— Он перехитрил нас! — воскликнула она и подняла точно такую же дудку, какая была у нее.

И в этот момент Глеб услышал скрежет со стороны наружной двери. Он кинулся обратно, но было поздно: лента света, тянувшаяся от ворот

по полу, схлопнулась в тонкую нить. Коротко лязгнул засов.

— Мы в западне! — воскликнула Лара, ударив пальцами в ладонь. — Он поймал нас, словно безмозглых мышей.

27

Длинная полоска света на земляном полу, время от времени гасла: кто-то ходил взад-вперед мимо дверей. Глеб решительно стукнул кулаком о доску:

— Эй, кто там? Открой, поговорим, что ли?

Человек остановился, его тень закрыла дверную щель.

— Чего молчишь? Ты Зонгар?

— Какой еще Зон... — человек запнулся и выругался сквозь зубы. — Сейчас командир придет, поговорите.

— Командир — кто? Доцоев?

У Глеба все же мелькнула слабая надежда, что человек снаружи — просто солдат российской армии, и поймали их наши, приняв за террористов.

— В этих краях один командир, — послышался туманный ответ, который, впрочем, не вызывал особых сомнений.

Да, именно. Так ответить мог только бандит, преданный своему «полевому командиру».

— А вот вы положите-ка свои мобильники на пол у дверей и отойдите подальше, — продолжал голос.

— А если не положим? — спросил Глеб.

— Войдем и отнимем.

— А если у меня нет мобильника? — подала голос Лара.

— Так не бывает. Придется тебя все же полапать чуть-чуть.

— Я тебе полапаю! — воскликнул Глеб.

— Да нет у нее мобильника, — послышался вдруг новый голос, который был вполне узнаваем. — Ау парня он разрядился давно.

Тень Зонгара перекрыла вторую дверную щель. Лара вдруг произнесла несколько слов на незнакомом Глебу языке и тотчас получила симметричный ответ.

Она поманила Глеба ладонью и быстро прижала ладонь к губам: молчи! — лемурийский, стало быть, жест.

Глеб подошел. Лара взяла его руку и потянула за собой. Глеб повиновался. Он слышал, как Зонгар отошел от ворот, продолжая вполголоса говорить с кем-то. Уж не сам ли Доцоев незримо

присутствовал сейчас за дверью?

— Слушай, Лара! — сказал он. — Откуда Зонгару известно, что у меня разрядился телефон?

Девушка колебалась: было ясно, что она хорошо знает ответ, но думает, говорить или нет? Наконец решила:

— Это очень просто, Глеб. Дело в дежа вю.

— Какое еще дежа вю? Объясни.

«Впервые назвала меня по имени, — подумал Глеб. — Но это ровным счетом ничего не значит».

— Дежа вю случается, — проговорила Лара. — Я это не сразу открыла. Человек, который движется во времени, как бы раздваивается. Его знания передаются и его двойнику, то есть ему же самому, но действующему в другой датировке.

— Ну и что? — спросил Глеб. — Почему же Зонгар знает обо мне то, чего он никак не мог знать?

Лара опустила голову. Носком сапожка она прочертила идеальную дугу на земляном полу.

— Дело в том, что и Зонгар, и я проходим этот круг во второй раз. Я не помню событий полностью, а лишь урывками, будто бы это был сон. Явное дежа вю. То есть — все это уже было.

— Как во второй раз? — удивился Глеб. — Получается, что и я тоже?

— И ты. Поэтому Зонгар знает, помнит о том, что было. Какие-то детали. Вот и я, например. Ты мне объяснял, как работает газовая колонка...

— Но я ничего тебе не объяснял, ты меня озадачила тогда!

— Конечно. Я смутно помнила, что ты мне говорил про вентили.

— Постой-ка! Вот ты как, оказывается, нас провела в раскопе. Ты утащила фотоаппарат, потому что точно знала, что я поеду за ним в лагерь. И точно знала, что Сед убежит, как увидит привидение.

— Нуда!

— А зачем тебе, кстати, была нужна эта монета? — ввернул Глеб вопрос, который давно мучил его, но лицо Лары сделалось отстраненным: не ответит.

Он решил сменить тему:

— Ладно. Так ты, значит, помнишь все эти события и даже можешь сказать, что с нами будет дальше?

— Что-то я помню, что-то — нет. Отрывочно, как во сне. Аты разве не чувствуешь ничего такого?

Глеб вдруг понял, что да, чувствует. И то, что ему казалось, будто он видел Лару раньше.

— Но почему? Разве я тоже перемещаюсь во

времени?

— Еще нет. Но это значит, что будешь.

— Интересно, каким образом. Джин даст мне эту способность?

— Не знаю. Не думаю пока об этом. Меня вот что волнует. Теперь уже точно ясно, что Зонгар заодно с Доцоевым. Ты представляешь, какой чудовищной силой владеет теперь кучка этих людей!

— Не представляю. Но если Джинн — Джинн, то он, как известно из сказок, может и построить, и разрушить что угодно. Можно лишь догадываться, что произойдет, если он будет служить злу.

Глеб даже содрогнулся, подумав о том, что может натворить в мире какой-то безумный полевой командир, но Лара не дала в совершенстве разгуляться его фантазии:

— Джинн — это такая могущественная сила, что она вообще не должна служить людям — ни добрым, ни злым. Это стало ясно, когда Джинн уничтожил Лемурию, и позже, когда он попал в руки праведнику по имени Лот. Старик, используя Джинна якобы во имя добра, разрушил два крупных города, погубив сотни тысяч людей, которых он сам считал грешниками.

— Содом и Гоморру уничтожил Джинн?

— А кто же еще, по-твоему, мог это сделать?

— Есть версия, что это был вулкан, землетрясение.

— А кто устроил землетрясение? Джин просто двинул эту местность во времени туда-сюда, из-за чего всё на ней — и холмы, и здания, и люди, и скот — оказалось одновременно в одном и том же месте.

— Аннигиляция.

— Возможно, если вы это так называете.

— А что же произошло с Лемурией?

— То же самое.

— Но почему? С огромным континентом, занимавшим территорию в половину Тихого океана!

Лара поведала и эту историю. В какой-то момент Глеб увидел, что по ее щеке ползет слеза. Он с удивлением смотрел на блестящую ленточку на смуглой коже: Глебу почему-то казалось, что Лара вообще не способна плакать.

По ее словам, в Лемурии враждовали два могущественных клана: условно добрый и условно злой. Лара была юной, неопытной. Главе «белого» клана удалось уговорить ее открыть ему тайну заклинания. Преисполненный самых благих намерений, этот человек вызвал Джинна и развязал войну с «черным» кланом. В результате Лемурия

была стерта с лица земли вся — как «черная», так и «белая».

Глеб задался вопросом: а что конкретно связывает Доцоева и Зонгара? Что именно собирается сделать Доцоев при помощи могущественного Джинна?

Смутная догадка пришла не сразу, но все же пришла, как только Глеб подумал: а почему Зонгар и Доцоев обосновались именно здесь, в этой самой точке степи?

Глеб знал географию своего края. Километрах в десяти на севере располагалась атомная электростанция. Ничего, кроме нее, не отличало эту местность от любой другой в этой голодной степи. Что и как собирался сделать Доцоев, было не вполне ясно, но то, что в центре его внимания был именно ядерный реактор, не вызывало у Глеба никаких сомнений.

Он подошел к стене и выглянул через окно наружу. Окно выходило на север, открывая живописнейший вид на окружающие холмы. Далеко, едва различимый в розовой вечерней дымке, таял, словно летая среди легких облачков, призрачный силуэт атомной электростанции. Из трех толстых башен-градирен поднимался пар, будто и формируя эти дальние облачка.

— Отойдите от двери! — раздался голос снаружи.

— Да мы и так достаточно далеко, — крикнул Глеб.

Лязгнул засов, и дверь отворилась. В солнечном луче возникла половина корпуса человека, который протянул руку и что-то поставил на пол. Когда Глеб и Лара подошли, увидели под дверью, вновь уже запертой, серенький пакет с ужином. Хлеб, колбаса, сыр и пластиковые бутылки с холодным чаем.

Где-то высоко в небе гудел самолет. Не видя его, Глеб не мог понять, откуда и куда он летит. Он подумал, как всегда, о ребятах в кабине и еще — о пассажирах. Может быть, кто-то из них сейчас смотрит вниз и видит в сине-зеленой глубине этот свинарник, который выглядит крошечной полоской с высоты десяти километров. И территория АЭС тоже ему видна. Все так буднично, мирно, ничто не говорит о том, что скоро в этой местности произойдет трагедия, в сравнении с которой Чернобыль — лишь маленькая сценка в репетиции грядущего спектакля.

28

Они осмотрели свинарник до последнего угла: выхода отсюда не было никакого. Окна узкие, вторая дверь, ведущая из подсобки наружу, заперта. В юго-восточном углу стена обвалилась от ветхости, но пролом был тщательно заколочен досками. Ясно, что их тюремщики позаботились обо всем заранее. И матрасы эти — вовсе они не бомжовые, а также приготовлены для них. Вполне комфортабельный зиндан. Тьфу, не годится слово, Глеб вспомнил в который раз, что Доцоев — какой-то *русский* террорист.

Странное дело: что это за русский терроризм, каковы его корни? Конечно, хозяева за последние двадцать лет довели страну до полного разрушения. В Москве, где Глеб иногда бывал, жизнь выглядела цивилизованной, но Москва — это всего лишь потемкинская деревня. Краснодарский край, некогда богатая житница Союза, теперь снова превратился в дикую степь, какая была здесь во времена Тмутаракани. Немудрено, что появился наконец русский террорист, который собирается вырастить ядерный гриб в этой голодной степи, чтобы заявить таким образом о себе. Какими бы ни были его цели — заступиться

за обездоленный народ, вернуть награбленное и прочее, — метод он выбрал, мягко говоря, чудовищный. Чем виноваты сотрудники АЭС и жители ближайших селений? Кто поверит такому «русскому террористу», кто пойдет за ним?

Лара тем временем сидела на матрасе и рассматривала обе дудки, свою и Зонгара. Она приложила их кушам и покачала головой:

— М-му!

Вдруг помрачнела, бросила руки на бедра, крепко сжимая дудки в кулачках. Глеб понял, что это дурашливое «М-му!» заставило ее подумать о погибшей своей родине. Лемурия. Континент Му. Получалось, что в его гибели сыграла далеко не последнюю роль сама Лара. И живет неведомо сколько лет с этой виной...

— Лара, — позвал ее Глеб. — А что могут делать эти дудки, кроме как приносить еду? Может быть, мы сумеем с их помощью выбраться отсюда?

Девушка покачала головой:

— Дудки — это просто походные игрушки, подарки Джинна. Могут принести еду и табак, смену белья, развести огонь.

— Электричество для моего мобильника?

— Нет, разумеется.

— Топор, кирку и лопату?

— Да. Копье, лук со стрелами... Все это можно. Только вот стражник бродит вокруг строения. Да и пока мы будем делать подкоп, думаю, все разрешится. Самое большее — продержат нас тут до утра.

— А разве во времени ты бродишь не с помощью дудки?

— Нет. Путешествие — это усилие мысли.

— Можешь ли ты переместиться на несколько часов назад и предупредить себя саму, что свинарник — это ловушка?

— Нет. В одном и том же времени не может существовать сразу две меня.

— Хорошо. А оставить самой себе записку? Например, возле той скирды?

— Могу, только зачем?

— Чтобы выбраться отсюда!

— А оно нам нужно? Ведь мы же сами шли к Зонгару, сами искали его. Вот и нашли.

— Да не от Зонгара я хочу уйти, и не от Доцоева даже! Я думаю, что этот человек хочет испытать разрушительную силу Джинна прямо здесь. Надо срочно связаться с людьми. Эвакуировать, что ли, всех из этой местности...

Нет, бредовая идея, тут же подумал Глеб. Допустим, они доберутся до ближайшей воинской

части, милиции, блокпоста... Что он скажет каким-то людям, вполне вменяемым? Что знает место, где окопался Доцоев? Хорошо. Но Зонгар может выпустить Джинна в любую минуту. Тем более если сюда заявятся солдаты. Но убедить кого-то в реальности Джинна — далеко не лучшая мысль.

— Ладно, — сказал Глеб, — утро вечера мудренее. Я, между прочим, уже голоден.

Лара достала продукты из серенького пакета и разложила их на краю матраса. Пакет был самый обыкновенный, с рекламой детского питания. И эта узнаваемость, как и далекий гул пролетающих самолетов, наводила на Глеба уныние.

— Неспроста сей скудный ужин, — проговорила Лара, прожевывая бутерброд от террористов.

— Что же в нем странного? — удивился Глеб.

— Ведь Зонгар знает; что у меня есть дудка. Да и свою тут оставил как приманку. Получается, что люди, которые нас заперли, понятия не имеют о том, что никакой ужин нам ни к чему.

29

Уснули рядом, на двух матрасах, любезно предоставленных террористами. Глеб принялся расспрашивать Лару о Лемурии. Оказалось, что

континент был затоплен почти полностью, остались лишь только вершины его многочисленных гор, которые люди знают как острова архипелагов Океании. Жители погибли все, кроме горных племен, но в горах жили в основном неграмотные крестьяне и пастухи. Они не сумели возродить былую цивилизацию и просто одичали в борьбе за существование... Остров Пасхи? Да, это часть Лемурии. Его жители тупо копировали произведения предков, создавая свои статуи. Подобные изваяния были на родине Лары в большом количестве, сейчас оригиналы покоятся на океанском дне, занесенные илом. В чем смысл изваяний? Да ничего особенного. Первобытная культура: стояли в музеях, в мемориальных местах. Эхо доисторической Лемурии. Лара отвечала неохотно, заснула, как всегда, внезапно, но Глебу показалось, что она лишь притворяется спящей.

Скорее всего, так и было, поскольку наутро он не обнаружил ее рядом. Сразу почувствовал, что это неспроста: Лары вообще нет в здании. Или это было не ощущение вовсе, а просто-напросто дежа вю?

Глеб встал, чтобы осмотреть свинарник, но тут раскрылась наружная дверь, и в помещение вошли трое. Вместе с ними возник запах свежей

степной травы, выросшей за ночь. Силуэты на фоне ворот были темны, но Глеб увидел, что все эти люди держат наготове оружие.

— Где подруга? — спросил один.

Надежда, что Лару забрали на допрос, пока он спал, не оправдалась. Бежала? Нашла подходящую щель и вылезла?

— Сейчас он все мне скажет, — произнес тот же голос, но тут же другой, того человека, что сторожил свинарник, возразил:

— Приказано их не трогать. Пойду посмотрю в подсобках.

Он скрылся за внутренней дверью. Глеб оценил возможность справиться с двумя оставшимися и понял, что шансов с его солдатским ремнем против коротких автоматов Калашникова нет никаких.

— Что за... — раздался из подсобки недоуменный возглас, и часовой выскочил из двери как ошпаренный.

Он быстро подошел к своим товарищам.

— Я плана перекурил, наверное, — сказал он. — Поди-ка туда, посмотри.

Тот также зашел в подсобку, и Глеб услышал возглас изумления. Выйдя, бандит обратился к часовому:

— Ты хочешь сказать, что не отлучался с поста?

Тут и третий сходил и вернулся тем же маршрутом.

— Тебя вздрючат, — пригрозил он. — Мало того, что подруга сбежала, она еще и это сюда приволокла. Чем бы оно ни было, надо доложить командиру.

Бандиты вышли, даже не посмотрев на Глеба. Он тотчас заглянул в подсобку. То, что он там увидел, не слишком его удивило: посередине помещения, как-то зрительно умаляя его, стояла скифская баба. Лара ушла во времени. Ничего не сказала ему. Просто бросила его здесь расхлебывать все это с людьми Доцоева.

А что, если она больше не вернется? По ее собственному предположению, Зонгар раскрыл перед Доцоевым не все свои карты. Возможно, Доцоеву известно, что у Зонгара есть некий способ взорвать АЭС. «Командир» ничего не знает о перемещениях во времени, о том, кто такие Лара и сам Зонгар. Именно поэтому они и приволокли «ужин», ничего не зная о свойствах волшебной дудки.

Тогда террористы просто обвинят Глеба в том, что он помог Ларе бежать. Еще и дураком по-

считают, что ей помог, а сам остался. Да просто клиническим сумасшедшим: приволок еще зачем-то скифскую бабу и сидит с нею тут, ухмыляясь лицом идиота.

Впрочем, Глеб понимал, что Лара вернется, поскольку ей и Зонгар нужен, и Джинн, только вот вопрос: когда? Успеют ли его за это время расстрелять или повесить? Ведь если он начнет рассказывать правду... Или даже попросит самого Зонгара подтвердить... Не встанет на его сторону Зонгар, вместе со всеми будет смеяться.

Глеб припомнил кадры из фильма, как чеченские боевики режут кому-то спереди горло, словно барану. Интересно, а какой способ предпочитают русские боевики?

Глеб вдруг подумал, что все эти люди, включая их вожака, народного мстителя, не могут быть интеллектуально сильнее историка с высшим образованием. Просто не стал бы умный человек пускаться в подобную авантюру. Значит, есть еще выход, значит, он может придумать что-то, найти какие-то правильные слова, чтобы хотя бы оттянуть время до возвращения Лары...

30

Глеб не успел обдумать все это, поскольку ее смуглое лицо вдруг выглянуло из-за плеча скифской бабы: Лара вернулась из времени.

— Я хотела перепрятать его, — хмуро сказала она.

— И что?

— Его уже там не было.

— Не было — где?

— В склепе Гермона. Я думала вытащить оттуда амфору. Или его из амфоры... Но амфоры там уже не было! И репер стоит на месте.

Глеб призадумался. Что-то не сходилось.

— Постой. Но амфоры там никогда не было! Я своими руками раскопал склеп архонта Гермона... И откуда ты... Почему ты назвала склеп именно так, ведь это я придумал.

— Да он и есть склеп рода архонта: правильно ты придумал. Только не в этом дело. Амфора там была, я сама ее туда поставила. Но в какой-то момент времени Зонгар нашел ее и перепрятал. И теперь получается, что он опередил меня дважды.

— Почему же амфору нашли в скифском могильнике?

— Именно там и захоронил ее Зонгар где-то в начале новой эры. Теперь же оказывается, что он стащил ее и в четвертом веке до!

— Зачем?

— Чтобы я ее не перепрятала.

— Откуда он узнал о том, что ты ее перепрячешь?

— Люди Доцоева рассказали ему, что в свинарник кто-то приволок каменную статую. Он сразу понял, что произошло, отправился обратно и перешел мне дорогу. Думаю, на несколько часов. Нам остается только ждать, — вздохнула Лара и присела на матрас. Глеб опустился на свой.

— Я не могу понять одного: как возможны вообще эти путешествия во времени?

— Возможны, как видишь.

— Да вижу... На как вы обходите парадокс дедушки, я в толк не возьму!

— Какого еще дедушки?

Глеб придвинулся поближе. Он давно хотел выяснить с этой путешественницей некий краеугольный вопрос. Парадокс еще требовал формулировки. Глеб мысленно повторил его и озвучил с максимальной точностью:

— Допустим, я перемещаюсь во времени назад и убиваю своего собственного дедушку, когда он

еще был молодым и неженатым. Получается, что дедушка не оставил потомства, и я никогда не рождался. Кто же тогда переместился во времени и убил дедушку?

— Ты говоришь глупость, — немедленно отозвалась Лара.

— Это придумал известный ученый, человек, который во сто крат умнее тебя.

— Может быть. Великий теоретик, я понимаю. Но на практике все выглядит по-другому. На самом деле — ты просто не сможешь убить своего дедушку.

— Как это не смогу? Я возьму пистолет и выстрелю дедушке прямо в лоб.

— Пистолет даст осечку.

— Я подойду к дедушке вплотную и буду нажимать на курок, пока затвор не сработает.

— В этот момент окажется, что ты потерял все свои патроны.

— Я задушу своего дедушку! — вскричал Глеб.

— Что-нибудь да тебе помешает. В том-то и загадка путешествий. Ты сможешь сделать в прошлом только то, что не помешало бы тебе попасть в это прошлое. И, действуя в прошлом, ты сможешь изменить только будущее, которое начинается с того момента, как ты отправился в

путешествие, сечешь?

— Не совсем.

— Попробую объяснить. — Лара достала лз кармана монетку. — Что у меня в руке?

— Старинная золотая монета. Профиль царя Митридата Евпатора. Первый век нашей эры… Постой! Это же та самая. Ты вытащила ее у меня…

— Нет. Слушай сюда. — Лара сжала кулак. — Монета зажата в моей руке, мы ее не видим. Допустим, ты перелетишь во времени на минуту назад, возьмешь монету с моей ладони, где она только что лежала, спрячешь себе в карман и вернешься обратно. Где будет монета?

— У меня в кармане.

— Ответ верный. А что будет у меня в руке?

— Монета. Вторая монета!

— Ответ неверный. В моей руке не будет ничего.

Лара разжала пальцы, и Глеб увидел ее пустую ладонь.

— Это что — фокус?

— Конечно.

Лара перевернула руку, и Глеб увидел, что монетка зажата между средним и безымянным пальцами.

— Отдай мне ее обратно — это все-таки арте-

факт. И когда ты успела ее стырить?

— Я ее не тырила.

— Стоп. Монета была у меня в кармане, древняя монета из склепа. Потом ты достала ее из кармана, но уже своего. Значит, ты ее незаметно взяла у меня.

— Не значит. Монетку я подобрала в склепе. Там же, где и обронила. В том же самом времени. Я отправилась туда прямо отсюда. И вернулась — прямо сюда. Перемещение во времени всегда связано с перемещением в пространстве, и можно этим управлять. Монетка исчезла из твоего кармана в тот самый момент, когда в четвертом веке до нашей эры, по вашему исчислению, я подобрала ее с пола в склепе. Доволен?

— Ага! — воскликнул Глеб. — Ты проясняешь самое начало.

Вот для чего ты утащила из склепа монету, когда прикинулась привидением — чтобы ни я и никто другой не заподозрил, что с этим склепом что-то не так. Ведь тебе вовсе не нужно, чтобы кто-то узнал о ваших походах во времени.

— Да. Мне часто приходится подчищать время. И за собой, и за Зонгаром.

Глеба вдруг осенила внезапная догадка.

— Кое-что ты все же не успела, да? — язвитель-

но спросил он.

— Вероятно.

— Например, некие странные артефакты, которые находят невообразимо где? Следы ботинок рядом с лапами динозавров, катушки всякие в кусках угля, какие-то гальванические элементы в горшках?

— Ты о багдадской батарейке? Хоть представляешь, что это такое?

— Как же! Горшок для хранения древних свитков, приспособленный, чтобы получать электрический ток.

— То-то и оно, что для свитков. Только вот никто не обратил внимания на то, что таких горшков на руинах Парфянского царства было найдено сотни. И только один из них похож на батарейку.

— Я бы и сам мог сделать такой элемент.

— Вот и ответ.

— Ты хочешь сказать, что это твое произведение?

— Нет. Но любой знающий человек мог взять горшок, который в те времена служил вроде суперобложки для какой-то книги, выбросить оттуда книгу и вставить два куска металла. Залил немного винного уксуса — вот тебе и багдадская батарея.

Глеб улыбнулся.

— Но если ее сделала не ты, то кто же?

— Догадайся сам.

— Зонгар!

— Больше некому.

— Но зачем?

— А я почем знаю? Хотел зарядить мобильник или что-то в этом роде. Устройство надо было уничтожить, но он так и оставил загадку для сторонников палеоконтакта. Это еще ерунда, какая-то глиняная батарейка, которую никто не воспринимает всерьез. Я ж вообще растяпа, как ты уже знаешь. Мои познания в реальностях весьма условны, фрагментарны. Все, что мне надо в каком-нибудь тридцать третьем веке, — это найти и спрятать Джинна.

Глеб с любопытством уставился на нее:

— Ну и как там погода, в тридцать третьем?

— Да нормальная погода. Как сейчас. Птички щебечут, змейки на солнышке греются. Только вот людей нету ни одного.

— Как это?

— Очень просто. Нет там людей, и все.

Лара опустила глаза. Глеб понял, что она больше не собирается продолжать эту тему.

31

Нет, это уже слишком! Одно дело отвечать молчанием на какие-то частные вопросы, вроде свойств характера ее любимого Зонгара и так далее, другое — ошеломить такой чудовищной вещью. Ни фига себе: в будущем больше нет людей!

Глеб хорошо понимал, что ничего не добьется, потребовав прямого ответа, и пошел на хитрость, решив разговорить девушку.

— Расскажи мне о Лемурии, — попросил он тихим, проникновенным голосом.

Лара подняла на него усталые глаза, казавшиеся в полумраке темными.

— Лемурия... — произнесла она и замолчала надолго, затем все же заговорила, откинувшись навзничь на матрасе и глядя в потолок, где волновалась золотая пыль в солнечных лучах второго дня их заточения.

...Континент немногим уступал Австралии, его окружали многочисленные острова, два из которых были настолько большими, что Лемурию называли страной трех островов.

История уходила в прошлое очень далекое, в те времена, когда не существовало ни Египта, ни

Шумера. Первые города возникли где-то пятьдесят тысяч лет назад по нашему исчислению. После многих войн три островных государства объединились в одно, и в стране наступил покой. Лемурия процветала в тени своих садов, за гранью океанских волн. Именно так, вроде как стихами, продекламировала эту фразу Лара.

Отрезанные от остального мира, лемурийцы долгое время считали, что вся Земля — это и есть их острова, омываемые безбрежным океаном. Много раз правители отправляли флот во все четыре стороны света, но корабли либо гибли, либо исчезали бесследно. Возвратившиеся моряки рассказывали, что повсюду простирается лишь водная пустыня без малейших признаков земли.

Были среди лемурийцев и своеобразные колумбы, которые горели желанием обогнуть земной шар и возвратиться на родину с противоположной стороны, но если наш Колумб имел конкретную цель, то религия и наука Лемурии уже не допускали существования каких-то иных земель, считали этот вопрос проверенным и закрытым, а финансировать увлекательные морские прогулки никто не желал. Впрочем, как-то сами собой были открыты и Австралия, и Азия, и Америка. К тому времени территория была

перенаселена и строить отдаленные колонии уже стало просто жизненной необходимостью. Так возникли государства вне пределов Лемурии — по всему побережью Тихого океана. Все они были тесно связаны с метрополией, и когда метрополия исчезла с лица земли, их жителям пришлось начинать все сначала. Катастрофа принесла с собой и огромные разрушения: серия цунами уничтожила прибрежные города, тысячелетиями накопленный опыт был утрачен, одичавшее человечество расселялось по оставшимся материкам, где со временем развились новые цивилизации — от древнего Китая и Египта до американских империй.

— Все погибло, — с горечью проговорила Лара. — Правда, многое со временем было выстроено заново, чуть ли не в точности повторив то, что уже было.

— Например? — удивился Глеб. — Ну, пирамиды — это понятно: каждый дурак додумается до такой формы...

— Пирамиды были везде, — Лара улыбнулась, впервые за все время с их первой встречи, — кроме Лемурии. Мы ухитрились миновать эту стадию. Я говорю о другом. Сооружения, очень похожие на Тадж-Махал, Парфенон и многие

другие, существовали и у нас. Я думаю, что это то же самое, что и дежа вю времени. Более того, вы повторили самые лучшие наши книги.

— Не может быть!

— И тем не менее! Приключения грека Одиссея, история с троянским конем, месть Гамлета... Даже один роман вашего русского Достоевского существовал на лемурийском языке.

Глеб даже присвистнул от удивления, хотел было спросить, какой именно роман, но передумал.

Голос Лары звучал глухо, она вспоминала какие-то подробности, перескакивала с одного на другое: говорила то о музыке и книгах, безвозвратно утраченных, то о летательных аппаратах... Последней темой Глеб живо заинтересовался.

— У вас были даже самолеты?!

— Нет. Что-то вроде дирижаблей. Неуклюжие тихоходные машины, не способные перелететь океан.

— А я уж было подумал, что Наска — один из ваших захудалых аэропортов.

— Наска? Пустыня в горах, где на земле начертаны гигантские рисунки?

— Которые можно увидеть только с большой высоты. Явные знаки для аэропланов или космических кораблей.

— Чушь это все. Просто дикари, что жили в тех местах, рисовали свою реальность для своих же вымышленных богов. Твоя голова забита совершенно банальными мифами. Вам очень хочется, чтобы древняя цивилизация была какой-то супер. А на самом деле мы были, что называется, в бронзовом веке.

— Лара, — сказал Глеб, — а почему ты не попыталась предотвратить катастрофу? Ведь причина ее ясна, а ты можешь перемещаться во времени...

— Нет, — прервала девушка. — Я пробовала много раз. Моя Лемурия гибнет в любом из вариантов будущего. Джинн уничтожил ее.

— А человечество? Ты говорила, что в будущем нет людей...

— Увы.

— Что случилось с людьми?

— Не знаю. Все просто исчезли. Города остались. Все это зарастает травой, деревьями. Время от времени рушится какой-нибудь небоскреб. Это, конечно, потрясающее зрелище.

— Когда это произошло?

— Точно не знаю. Через десять лет все еще на месте. Через двадцать лет — тоже, но люди какие-то странные... Я пробыла там недолго, не

разобралась, в чем дело. Да и не нужно мне оно.

— В каких местах ты была через двадцать лет, в каких городах?

— Так уж я и помню! В Лондоне и в Москве — точно.

— Что же странного в тогдашних лондонцах и москвичах?

Лара нахмурилась:

— Не соображу. Вроде бы самые обыкновенные люди. Но в лицах какая-то хмурость, печаль. Будто все озабочены чем-то одним, особым.

— Ну а дальше? Лет на пятьдесят ты продвигалась?

— Лучше не вспоминать. На пятьдесят не приходилось, а вот на семьдесят — да. Стены домов, что уцелели, там полностью заросли деревьями, в этих домах живут... — Лара сморщилась. — Какие-то волосатые существа, похожие на людей, коричневые и белые, иные какие-то вообще пятнистые. Раз я видела, как двое напали на одного и сожрали его.

— Морлоки... — пробормотал Глеб. — Морлоки без эолов.

— Они, родимые. Только еще через сотню лет и их не стало. Кругом лишь заросшие руины. Много всяких птиц, зверья. Через три тысячи — вместо

городов едва заметные холмы. Все труднее найти могильник. Да и призраки из них исчезли. Все это не имеет значения, поскольку прятать Джинна уже совершенно негде.

— Гибель человечества не имеет для тебя значения?

— Имеет значение гибель моей родины. Все, что было потом, я воспринимаю как сон. Или кино.

Так вот оно что! Значит, и его, Глеба Славина, эта девушка воспринимает не иначе как некоего киногероя, эдакого и в самом деле Индиану Джонса...

Внезапно он услышал за воротами признаки активности. Какие-то люди подошли к охраннику, заговорили с ним. Тот отвечал с почтением, Глеб явно расслышал слово «командир». Похоже, настал час исторической встречи с самим Доцоевым. Зонгар тоже был за дверью: Глеб узнал его низкий голос. Лязгнул засов. Дверь пропустила только Зонгара.

— Командир не желает с нами увидеться? — спросил Глеб.

— Почему же? — дружелюбно проговорил Зонгар. — Очень даже желает.

Он подошел к Ларе и приветствовал ее, вероятно, на языке жестов лемурийцев: ладони,

раскрытые вверх и чуть вознесенные над плечами. Лара ответила тем же жестом. Затем Зонгар протянул руку, и Лара молча вложила в нее дудку, которая послужила вчера приманкой.

— Собственно, Доцоев, — произнес он, — это и есть я.

32

— Это значит, — сказала Лара после долгого молчания, — что ты решил наконец взять мировое зло в собственные грязные руки?

— Почему бы не попробовать? — ответил Зонгар. — Решил вот, так сказать, вочеловечиться. С чистыми, межпрочим, руками.

— Но ведь ты, как и я, дал клятву не желать ничего для себя!

— Я дал, я и забрал. Клятва была дана во имя безопасности людей. Теперь я так не считаю. Думаю, что пора заняться проблемой человечества в целом. Думаю, что в этом-то и была ошибка.

— Много же тебе потребовалось времени, чтобы понять это, — сказала Лара.

— Да не во времени дело, а в самом человечестве! — воскликнул Зонгар. — Все шло нормально, тысячелетиями ничего не менялось. Но буквально в последние годы что-то с ними

произошло. Люди стали портиться буквально на глазах.

— Это твои личные наблюдения? — спросил Глеб.

— Безусловно. Я многажды бывал на рубеже последних двух веков. Еще тридцать лет назад эта цивилизация была вполне сносной. Патриархат и прочее. Как и три тысячи лет назад. Но вот в нынешнее время все стремительно покатилось, словно с горы.

— Что покатилось? Почему я ничего такого не вижу?

— Да ты сам живешь только в этом времени и не замечаешь ничего изнутри. Человечество можно сравнить с неким сложным механизмом. И вот, в этом механизме сломалась какая-то важная деталь. Ты думаешь, что создатель всемогущ и совершенен? Он просто конструктор. Сделал, создал. Какое-то время это работало, теперь работать перестало.

— Но ведь он создал людей по своему образу и подобию, как говорится в религиях.

Лара хихикнула, Зонгар посмотрел на нее и ответил улыбкой. Вновь обернулся к Глебу, уже строгим лицом:

— Ты соображаешь, как нелепа эта фраза? Если

бы это было действительно так, то и каждый из вас был бы таким же, как он. То есть жил бы вечно, мог бы небрежно творить миры за шесть-семь дней... Да и вы все выглядели бы точно так же, как он.

Лара опять улыбнулась:

— Трудно представить такое человечество, полностью состоящее из богов. В том-то и дело, что он один. Мы — это всего лишь его произведения, скульптуры.

— А как же «по образу и подобию»? — протянул Глеб.

— Что ты все повторяешь, как попугай из Карленского леса? — возмутилась Лара.

— Он никогда не был в Карленском лесу, — вставил Зонгар.

— Не важно. Из какого-нибудь местного леса.

— В здешних лесах не водятся попугаи, — теперь уточнил уже Глеб.

Беседа приняла вполне дружелюбный характер, и Глеба это радовало.

— Ты же атеист, — продолжала Лара, — и хорошо понимаешь, что религии — это всего лишь книги, написанные людьми. На основе событий, которые имели место, но интерпретация их была ложной.

— Интерпретация, — вполголоса проговорил Зонгар. — Запомню и это слово.

Глеб вдруг понял, что лемуриец обучается русскому языку на ходу. Как и Лара. Он давно заметил за нею, что с каждым днем ее речь становится все более сложной и правильной. То же самое происходило и с Зонгаром, только тот учился в среде своих боевиков, а Лара — в обществе Глеба.

— При чем тут атомная электростанция? — резко спросил Глеб.

— А ты разве и сам не догадался? Кое-кто возжаждал сотворить в степи маленький пионерский костер.

— Глеб никогда не был пионером и не знает, что это такое, — напомнила Лара.

— Мне рассказывал отец... — начал Глеб, но осекся.

Меньше всего ему хотелось в этот момент думать об отце. Он сказал, не скрывая своего грубого ехидства:

— Ну, взорвете вы с Джинном эту расхлябанную станцию, ну, заявишь ты о себе как о новоявленном властелине мира — ну и что? Думаешь, на это купятся? Думаешь, сразу поверят, что если Доцоев голодными степями подобрался к одному объекту, то сможет проделать то же самое и с

другим? Или же ты собрался колесить по свету, возжигая свои пионерские костры, а затем чего-то от людей потребовать? Чего? Золота? Власти? Чего ты добиваешься-то, в конце концов?

— Может быть, золота... — неопределенно протянул Зонгар. — Может — и власти. И лучших девчонок, разумеется!

— Все это мы уже проходили. Господи! Да ты сам и проходил! Македонский захватил полмира, Гитлер то же самое. С твоей кривой помощью.

Зонгар тускло посмотрел на Глеба.

— Ошибка обоих была в том, что они не учли человеческий фактор. Но теперь будущее в моих руках.

И он хлопнул себя по карману. Только сейчас Глеб понял, что именно в этом кармане и лежит старая армейская фляжка.

33

Запор свинарника лязгнул, в помещении снова установились дымные солнечные лучи. Шаги Зонгара какое-то время были слышны по мягкости земли, затем растворились в ней.

— Он снял охрану, — задумчиво проговорил Глеб. — Я думаю, что взрыв готовится с минуты на минуту.

— Я все поняла! — вдруг вскричала Лара. — Взорвать станцию — не главная цель Зонгара. Все, что ему нужно, — это немного вещества, которое хранится в одном из этих зданий.

— Урана из реактора? Плутония?

— Что-то в этом роде. Он хочет, чтобы Джинн сварил ему зелье... Вспомнила! — вдруг вскричала Лара. — Вот что мне показалось странным в тех людях будущего. Там не было детей. Ни нянюшек с колясками, ни карапузов, ни школьников. Только люди средних лет и старики. А те чудища в развалинах... Да это как раз и были одичавшие, заросшие с головы до ног старики и старухи.

— Постой-ка! Так, значит, в какой-то момент люди перестали рожать. Все просто состарились и умерли естественной смертью. Вот почему лет через двадцать Лондон и Москва показались тебе такими странными. Города без детей. Человечество было поражено бесплодием и знало об этом.

Глеб задумался: все сходится! Если некая катастрофа произойдет в этом году, то через двадцать лет на Земле и вправду не будет детей, а через сто человечество просто-напросто вымрет.

— Это и нужно Зонгару. Для этого он и оказался в здешнем времени.

— Верно гутарите! — раздался вдруг совсем

близко низкий голос.

Никуда он не уходил, просто протопал по тропе громко, а затем на цыпочках вернулся, как хитрый ребенок.

— Мои люди, террористы, как вы их называете, — продолжал Зонгар, — уже отъехали на десяток километров и ждут взрыва. Возбуждены все, радостны. Действительно, веселый план: враз получить полное господство над миром. И все девчонки твои. Но у нас с Джинном другие планы...

Глеб услышал, как Зонгар похлопал себя по карману с фляжкой.

— Не путай сюда Джинна! — крикнула Лара солнечной щели в пылинках. — Ему давно ничего не известно ни о каких планах, — это она сказала уже Глебу.

— Слушай, не болтай ему лишнего, а? — строго сказал Зонгар и добавил несколько слов по-лемурийски.

Лара также ответила на этом певучем языке, и какое-то время Глеб искренно наслаждался музыкой их препирательства. Ему даже показалось, что он кое-что понял из диалога, поскольку все же сдавал в универе древние языки, а в лемурийском явно звучали их корни.

Так, например, он был уверен в том, что самую важную тайну Джинна Лара ему поведать вовсе не собирается, и пусть Зонгар будет спокоен на этот счет...

— Джинн не может ничего сделать сам, — сказала Лара, обернувшись к Глебу, — по той простой причине, что заклинание, созданное жрецами Зонгара, запечатывает не только сосуд, но и саму волю Джинна. Черная, неблагодарная свинья! — что-то в этом роде вскричала она через дверь уже по-лемурийски, но Глеб понял общий смысл тирады.

— Да остынь ты, девушка, — миролюбиво отозвался Зонгар. — Не он ли угробил Лемурию? Не он ли хотел изничтожить человечество вообще?

Лара молча прикусила губу.

— Я просто решил закончить его дело. Причем самым безболезненным способом. Безо всяких цунами и выдергивания заснеженных скал из коры планеты. Я все-таки не дантист, а большей частью педиатр. Все будет тихо и мирно. Над станцией вырастет скромный грибочек, а атмосфера планеты наполнится неким чудесным снадобьем, от которого люди больше не смогут творить кое-какие делишки.

— Ты это серьезно? — спросил Глеб. — Радиа-

ция, конечно, может обесплодить, но сколько ты рассчитываешь добыть ее на одной-единственной АЭС?

В ответ послышался скрипучий смешок.

— Эта одна-единственная АЭС лишь продемонстрирует Джинну свое устройство. Он поймет, что и как надо делать. И через несколько минут я распотрошу все ядерные реакторы планеты.

34

— Ты с ума сошел! — вскричал Глеб.

— Я не могу сойти с ума, даже если сам захочу, — ответил Зонгар и принялся насвистывать какую-то грустную мелодию.

— Так попроси Джинна, чтобы он снес тебе мозги! Только не смей делать этого!

Зонгар продолжал свою песнь, не обращая внимания на Глеба.

— Послушал он тебя, как же! — сказала Лара.

Глеб пододвинул к стене ящик, они выглянули наружу. Взгляд автоматически отыскал градирни АЭС, едва различимые в сиреневой дымке. Затем, будто панорамируя камерой, Глеб сфокусировался на действиях Зонгара. Тот извлек из кармана фляжку, свернул крышку, крышка брякнула об алюминий и зависла на цепочке. Раздвинул ладо-

нью траву и воткнул фляжку в землю. Опустился на колени и сложил руки под реденькой бородой. Губы его часто зашевелились.

— Нельзя допустить этого! — вскричал Глеб.

— Это уже произошло, — спокойно ответила Лара. — Я видела будущее Земли.

— Ты видела всего лишь один из его вариантов. Надо немедленно отобрать Джинна у Зонгара. Послушай, — Глеб схватил Лару за плечи и развернул к себе. — Только теперь я понял, куда и когда надо переместить его.

— Он все равно его найдет! Везде и всегда.

— Только не в этом! — вскричал Глеб и выхватил из кармана арибаллический лекиф. — Ты понимаешь, что произойдет? Если Джинна поселить в лекиф, то его не будет ни в амфоре, ни во фляжке, ни у Зонгара теперь. Ты должна немедленно отправиться в склеп Гермона, именно с этим лекифом в руках, с лекифом из нашего времени!

— Поздно, — тихо сказала Лара.

Глеб наблюдал за ее глазами и увидел, что над фляжкой, стоящей в траве подле Зонгара, уже колышется и гнется пространство.

Фигура, похожая на человеческую, возросла рядом с Зонга-ром и коротко глянула на него.

Зонгар заговорил, жестикулируя, Джинн молча слушал, опустив глаза.

Это была фигура в странной одежде, больше всего на свете напоминающей дамское вечернее платье с глубоким вырезом на спине. Но не одежда Джинна повергла Глеба в изумление, даже ни сама его материализация из ничего, а нечто совершенно другое, настолько неожиданное, что Глеб даже на время потерял интерес ко всему происходящему...

Внезапно фигура потянулась ввысь, достигла высоты пирамидального тополя. Джин будто осветился пламенем изнутри и простер руки на север, в сторону АЭС. В тот же момент Зонгар исчез, и на его месте встала скифская баба, будто бы тысячелетия покоилась здесь. А на месте градирен возгорелось второе солнце.

Нет, не это феерическое зрелище заворожило Глеба. Другое впечатление он никак не мог переварить. В какой-то момент, когда возрастающий из фляжки Джинн сравнялся размерами с Зонгаром, который стоял рядом и нервно, словно Хотгабыч, теребил свою бородку, Глеб с ужасом увидел, что у обоих — у Джинна в причудливой лемурийской одежде и у Зонгара в рваных джинсах — *одно и то же лицо.*

35

Они сидели в полной темноте, пока Глеб не отыскал в кармане фонарик. Вот, оказывается, для чего он ему был нужен: чтобы осветить полость склепа Гермона, причем за тысячи лет перед тем, как открыли электричество.

Лара тяжело дышала и странно смотрела на Глеба. Он не сразу понял этот взгляд. Дело в том, что за несколько мгновений до того, как ядерная волна смела несчастный свинарник, они крепко обнялись, дабы Хронос принял их за одно тело и слепо перенес от репера к реперу. Именно это соприкосновение и привело обоих в трепет.

Только вот с репером было все не так: баба стояла не на слое песка, как раньше, а просто на полу, а пол был совершенно чист. Да и баба была несколько другой: больше размером, грубее в обработке. Это была, если можно так сказать, «их» баба — репер, который образовался от перемещения Глеба и Лары. Все это значило, что они перенеслись в гораздо более раннее время, чем надо. Может быть, дело в массе — ведь перенестись должна была только лишь одна Лара?

С тех пор как Глеб пришел в себя, один чудовищный вопрос вертелся в его голове: перед

глазами стояло лицо Джинна, идентичное лицу Зонгара, и он прокручивал версии одну за другой, но ситуация была выше любой теории: они были погребены в запечатанном склепе, и кто-кто, а Глеб уж очень хорошо представлял размеры и тяжесть лежащих над ними камней.

Он медленно осветил окружающее пространство. Вот ступень с темно-бурым мозаичным тюльпаном, над ступенью — ниша.

— Амфоры тут нет, — сказала Лара.

— Догадываюсь.

Глеб хлопнул себя по карману: так и есть — карман пуст. Арибаллический лекиф стоял в глубине ниши. Что-то звякнуло внизу, но Глеб был так поглощен своими размышлениями, что не обратил на это внимания. Глеб взял лекиф. Поверхность была гладкой, едва подернутой пылью. Значит, его поставили здесь совсем недавно. Глеб принялся рассматривать остальные предметы.

Маленький золотой канфар шестого века до нашей эры был на месте, а вот медного половника еще не было. Половник был младше канфара лет на сто. Подняв одну, другую керамическую тарелочку, Глеб уже точно понял в каком времени они очутились — это был самый конец пятого века до нашей эры.

— Вот что мы должны сделать, Лара. Я возьму лекиф, и мы перейдем в то время, когда Джинн уже был в амфоре, за несколько часов до того, как Зонгар вытащил ее. Он сделает это, будучи уверенным, что Джинн в амфоре. Но ты переселишь его в лекиф. Когда, уже в двадцать первом веке, я расчищу нишу, то лекиф с Джинном окажется уже в наших руках. Зонгар же, проникнув в музей, обнаружит пустую амфору.

— Согласна, — сказала Лара. — Это как раз то, что предотвратит все эти катастрофы с атомными станциями. Хватайся-ка за меня покрепче... Ай! Что это? — Глеб увидел, как расширились от ужаса ее зрачки: Лара смотрела на что-то, находившееся прямо за спиной Глеба.

Он оглянулся. Догадаться не стоило никакого труда.

— Все в порядке, Лара, — сказал он. — Это просто старина Гермон.

— Первый архонт Гермонассы, предками из Митиллены, остров Лесбос, — сказала по-гречески высокая худая фигура, поднявшаяся из углубления в полу.

— Я до смерти боюсь привидений! — взвизгнула Лара.

— Да? — удивился Глеб. — Вот уж не думал...

— А также мышей, лягушек... — прогудело привидение. — Как всякая человеческая жена.

Глеб понял тираду Гермона, удивившись, что курсовой зачет, который он спихнул когда-то левой ногой, оказывается, пошел ему на пользу.

— Еще я боюсь улиток, — добавила Лара по-гречески. — Но больше всего на свете я боюсь тебя и таких, как ты. Я просто вся дрожу, когда спускаюсь во все эти колодцы, где обязательно должен быть призрак, чтобы Джинн не чувствовал себя в безопасности.

— Ты о Зевсе, которого прячешь в кувшинах?

— Да как ты его ни назови: Зевс, Юпитер, Джинн — ничего от этого не изменится.

— Я предпочитаю говорить «Зевс». Так уважительнее.

— А вот моему другу, — Лара кивнула на Глеба, — больше понятно слово «Джинн». Кстати, я вот о чем хочу тебя спросить, Гер-мон... Видел ли ты в своем почтенном могильнике других людей?

— Сколько угодно! Здесь постоянно хоронят людей моего клана. Лет через полтораста склеп заполнится, и тогда его замуруют насовсем.

— Я не об этом. Видел ли ты тут таких, как я? Или вот — как он? Которые приходили и уходили.

— Грабителей, что ли?

— Мы не грабители! — воскликнул Глеб по-русски, и Гермон покачал головой, показывая, что не понимает его реплики. Затем указал средним пальцем на Глеба:

— Его видел только один раз, кроме нынешнего, а тебя, — он перевел руку, сменив из приличия указующий перст на мизинец, — вижу уже в четвертый раз.

— Как это может быть? Ни он, ни я никогда не были здесь раньше.

— Что значит «раньше»? Я говорю о «позже». Для мертвых, каковым являюсь я, не существует времени.

— Вот как? Признаться, я удивлена. Ну да ладно. А человека с длинной, но редкой бородой ты сколько раз видел?

— Один раз. Он украл амфору, которую поставила сюда ты.

— Гермон! — встрял Глеб, и призрак обернулся, тускло блестя большими белыми газами. — Ты живешь вне времени. Но ты можешь его считать?

— Безусловно.

— Когда же это случилось? Когда человек с бородой взял амфору?

Гермон быстро произнес несколько слов, но в древнегреческих числительных Глеб был уж точно не силен. Он вопрошающе глянул на Лару.

— Я поняла, — кивнула она. — Это было восьмого сентября триста восемьдесят... В общем, не важно. Мы немедленно отправляемся туда.

36

Переход во времени похож на долгий упоительный танец. На этот раз, когда Лара шагнула к Глебу, чтобы слиться с ним в объятии, он прочитал в ее глазах многое: и желание, и знание того, что сейчас с ними произойдет, и радостное предвкушение этого. Объятие, которое длилось пусть и столетие с гаком, заняло все же минут пять. За это время любой нормальный мужчина сойдет с ума. Чтобы Хронос счел их за одно тело, им надо было слиться как можно крепче... Или не надо? Или это просто была такая игра, повод?

Они сцепились ладонями и ступнями, соединились коленями и бедрами, грудь девушки, увенчанная двумя твердыми точками, слилась с его грудью. Наконец Глеб нашарил ее губы и овладел ее языком. Будто бы и это необходимо для Хроноса.

Она знала, что он знает, что она знает... Оба

прекрасно понимали, что делают совершенно лишнее. Все вокруг было погружено в колышущую мглу. Когда она успокоилась, приняв форму стен склепа, Глеб и Лара отскочили друг от друга как ошпаренные. Лара быстро вытерла губы тыльной стороной ладони.

— Я, кажется, поняла, почему ошиблась с переходом в первый раз, — сказала она деловым тоном, но тяжело и хрипло дыша.

— Я тоже, — сказал Глеб, также тяжело дыша.

Все было очень просто, и масса переносимого во времени объекта была тут ни при чем. В объятиях мужчины Ларе не удалось сконцентрировать волю. На сей раз она учла этот фактор, и они попали туда, куда надо, с точностью до минуты.

Амфора стояла на месте. Правда, чтобы до нее добраться, да и вообще начать движение, им пришлось вытащить ноги из песка, который теперь покрывал пол склепа сантиметров на сорок.

Кости Гермона теперь лежали где-то внизу, под этим песком, скифская баба стояла в песке по пояс. Торопиться было уже некуда, и Глеб вернулся к вопросу, который мучил его уже около часа, если считать по абсолютному времени, и сколько-то там тысячелетий — по мировому. Он резко дернул фонарем и плеснул свет прямо в

лицо девушке.

— Почему ты не сказала мне раньше правду о Джинне и Зон-гаре?

— Правду — о чем?

— О том, что Джинн — это и есть Зонгар?

Лара покрутила пальцем у лба.

— Ты хоть соображаешь, о чем говоришь? Зонгар — это Зонгар, а Джинн — это Джинн.

— Да они же похожи как две капли воды, как два брата-близнеца... Гм!

Удивительная мысль пришла Глебу в голову:

— Послушай, Лара! Только ответь на сей раз честно. Зонгар и Джинн — братья?

Лара молчала.

— Один из них — сын другого?

Девушка рассмеялась:

— А вот сам догадайся, кто из них чей сын!

— Тут и догадываться нечего! — в свою очередь рассмеялся Глеб. — Джинн — отец Зонгара. Зонгар держит отца в разных кувшинах, постоянно прячет от тебя... Что-то в этом не то, а? Не пора ли сказать правду: в чем смысл всей этой тысячелетней игры?

— Да потому что мы прячем Джинна вовсе не друг от друга!

— Да от кого же? Я давно подозревал присут-

ствие некой третьей силы...

— Нет никакой третьей силы.

— От кого вы с Зонгаром прячете Джинна? — прошептал Глеб со зловещим терпением. — Только вот не молчи мне больше, не молчи! — вскричал он, потрясая пальцем.

— Да я и не молчу, — устало произнесла Лара. — Мы прячем Джинна от него же самого. Вот и весь ответ. Джинну нельзя выходить на волю. Зонгар всегда использует его, когда находит, но это очень рискованно. Поэтому я и хочу, чтобы Зонгар как можно реже выпускал Джинна. Поэтому я и прячу Джинна от Зонгара.

— Но ты же только что сказала, что прячешь Джинна от Джинна!

— Так оно и есть. Когда-то давно Джинн и Зонгар вместе правили Лемурией. Но с Джинном что-то стряслось, он стал сходить с ума. Сначала ему хотелось уничтожить человечество. Потом Лемурию. Потом и вселенную в целом.

— Разве Джинн может уничтожить вселенную?

— Джинн может сделать все, что угодно. И уничтожить и создать. В общем, он заразился вирусом суицида, и ему хочется покончить с собой. Когда Зонгар выпускает его на короткую сессию,

Джинн не успевает все это осознать, он просто делает свое дело, и все. А вот если он задумается да вспомнит кое-что о себе самом...

— Да что именно он может вспомнить? Что он отец Зонгара?

— Джин вовсе не отец Зонгара, — устало вздохнула Лара.

— Но если Джинн не отец Зонгара, то кто? И не брат...

— Ладно, — тихо сказала Лара. — Только не паникуй. Не впадай в эйфорию очередного научного открытия. Выслушай мои последние слова. Это будут действительно последние слова, больше я ничего не скажу. Потому что мне больше нечего от тебя скрывать. Но тебе придется довольно долго размышлять об этих словах.

Лара перевела дух.

— Итак, — сказала она. — Зонгар не сын Джинна. Джинн не отец Зонгара. Джинн создал Зонгара по своему образу и подобию.

Глеб так и замер на месте, будто в кино остановился кадр. А ведь эта немыслимая, ужасная правда, неожиданно открывшаяся ему, все время была на поверхности. Ему не хватало лишь одного малого усилия, чтобы понять, кто такой Джинн и кто такой Зонгар.

37

Тем временем Лара вытащила из кармана Глеба арибаллический лекиф, обтерла его платком, продула и поставила на ступень под нишей. Рядом, предварительно вывалив из нее нанос песка, водрузила амфору.

— Хоть бы помог, мужчина! — пробурчала она, но Глеб был настолько растерян, что забыл о подобной мелочи.

— Джинн сейчас в амфоре, — сказала Лара. — Как я понимаю, наша задача — перепрятать его в этот симпатичный флакончик. Зонгар об этом не узнает. Через несколько часов Зонгар перепрячет амфору в скифский могильник, а еще через несколько столетий амфору вытащат и поставят на хранение в музей. Зонгар придет туда, но никакого Джинна в амфоре не найдет. Лекиф же будет стоять где-нибудь на стеклянной полочке, и никому в голову не придет, что Джинн живет именно там. Даже я не буду помнить об этом, поскольку сработает дежа вю. И больше никто, никогда не потревожит Джинна.

Лара взяла несколько нот на волшебной дудке — чудесная древняя мелодия. Над горлышком амфоры потянулся легкий дымок, он уплотнялся,

превращаясь в крошечную фигуру в лемурийских одеждах, которая совсем буднично, по-домашнему потекла в сторону лекифа.

— Стой! — неожиданно для себя вскричал Глеб.

Джин обернулся, зависнув на лету. Лара раздраженно двинула рукой: дескать, не мешай процессу, но было уже поздно:

— Да? — ответил Джинн странно высоким голоском.

— Ты ведь и по-русски можешь говорить? — спросил Глеб.

— Да на любом языке, если хочешь. Только вопрос: хочу ли я с тобой говорить, смертный?

— Хочешь! — сказал Глеб, быстрым жестом закрыв обе горловины. Лара усмехнулась:

— Если надо, он прожжет дыры в твоих ладонях.

— Не надо, — миролюбиво сказал Джинн. — Спрашивай, что угодно, если, конечно, запомнишь, пройдя через дежа вю.

— Я знаю, кто ты такой! Но откуда ты взялся?

Реакция была неожиданной: Джинн, запрокинув маленькую голову расхохотался.

— Я всего лишь Джинн из Лемурии, но не Сфинкс из Египта. Ты задал единственный во-

прос, на который у меня нет ответа. Вот ты сам, например, можешь дать точный ответ на подобный вопрос?

— Но это же очевидно! У меня есть родители, я их знал...

— А если бы не знал? Был бы, например, подкидышем?

— Тогда все равно я был бы уверен, что у меня были какие-то родители.

— А если нет? У некоторых подкидышей развивается даже своеобразные психоз: они начинают думать, что вообще не имели никаких родителей. Считай, что у меня тот же самый психоз.

— Но существуют научные знания, и окружающие люди непременно скажут им, что у них должны быть родители.

— А если нет никаких окружающих? Если я появился, и все? И ни одного существа, подобного мне, никогда не видел? Откуда же я буду знать, кто мои родители, да и были ли они вообще? Да и возможны ли вообще существа, подобные мне?

Маленький Джинн сидел теперь на краю узкой горловины лекифа и, подоткнув полы халата, похожего на вечернее платье светской львицы, приготовился к обстоятельной беседе.

— Я могу приказать ему, чтобы он замолчал и

схоронился в лекифе, — проговорила Лара. — Почему я этого не делаю?

— Тем более что и почтенная леди достойна услышать эту недолгую, но поучительную историю, — обернулся к ней Джинн, подняв палец. — Впрочем, историю-то нелепую, как сама вселенная.

...Когда-то давно во Вселенной, как вы ее называете, с большой буквы, не было ничего. Был только один я, кого вы упорно именуете Джинном. Он летел в черном пустом пространстве, в абсолютном, чудовищном одиночестве. Он ничего не видел, потому что у него не было глаз. Тогда он создал себе глаза, и в этот момент появились звезды. То есть звезды — это и есть глаза Джинна, мои глаза. Миллионы лет он летел от звезды к звезде, любуясь каждой, и это ему также наскучило. Тогда он создал себе тело, и это тело встало на ноги, на некую твердь. То есть, создав себе осязание, Джинн отделил твердь от хляби. Так появилась Земля. Джинн населил ее великим множеством тварей, с которыми было приятно играть, ездить и плавать на них верхом.

Но одиночество и от этого не исчезло, и тогда Джинн создал Зонгара, который был врагом его. Долгие годы Джинн и Зонгар враждовали друг с

другом. Так и планета, и сама Вселенная приобрела хоть какой-то смысл.

От нечего делать Джинн слепил человечка. Это была такая игрушка, вроде плюшевого зайчика. Человечку было скучно, хотя он и жил в очень красивом месте. Джинн сотворил еще одного человечка, затем — еще и еще. Они жили на острове, строили жилища. Джинн и Зонгар даже подружились на эту тему: им нравилось играть с человечками, обучать их всяким премудростям, тем более что человечки оказались на редкость понятливые: они научились добывать и хранить огонь, шить одежды и строить дома.

Один был у них недостаток: человечки довольно быстро портились. Поначалу они были крепкими и ловкими, легко лазали по деревьям, палками сшибали плоды, резво гонялись за различным зверьем, охотились и жарили добычу на кострах. Однако спустя какое-то время кожа их морщилась, они слабели, передвигались при помощи жердочек, которые выламывали в Кар-ленском лесу. В конце концов человечки умирали.

Тогда Зонгар предложил Джинну разделить человечков подобно тому, как разделены все животные — на самцов и самок. Проблема была бы

мгновенно решена: человечки бы производили себе подобных, больше не надо было их лепить и лепить.

Джинну бы стоило наотрез отказаться, просчитав истинный замысел Зонгара, но ему настолько надоело лепить человечков, а играть с ними все же так хотелось... Недолго думая, Джинн понаделал человечков-женщин и человечков-мужчин.

Теперь Джинн и Зонгар получали в свое распоряжение армаду постоянно размножающихся людей, цивилизацию, истинная суть которой и была в этой бесконечной войне. Именно все это и просчитал Зонгар, обратившись к Джинну со своим невинным предложением.

Жизнь в Лемурии закипела сама собой, бурная, полная неожиданностей. В отличие от безмозглых животных, человечки начали на Земле свою особую деятельность, но главное было вот в чем: на чьей стороне окажется тот или иной человек — Джинна, который их создал, или Зонгара, который был их учителем? Это и была суть новой игры.

В какой-то момент Зонгару даже удалось убедить человечков в том, что никакого Джинна нет, а всех их создал он сам, Зонгар, хотя он не то чтобы мыслящее существо — Буратино бы не

смог из чурбана выстрогать. Да что там Буратино: он даже еду толком приготовить не может. Вот и пришлось сделать ему скатерть, чтобы готовила сама.

Джинн создал Зонгара по своему образу и подобию, практически точно как брата-близнеца, с одной лишь разницей: Зонгар не умел творить.

Иначе бессмысленна была бы сама идея Зонгара как вечного врага и оппонента, а в мире воцарился бы хаос.

Но хаос все же воцарился, хоть Зонгар и был лишен способности творения. Творить умели сами человечки.

38

Рассказ Джинна мало что добавил к тому, о чем Глеб уже сам размышлял. Его забавляло лишь то, что сам Создатель сидит перед ним, карикатурно маленький, и сучит ногами по керамическому ободку сосуда для дамских благовоний.

В какой, интересно, момент за три последних дня своей жизни Глеб понял, что готов увидеть и пережить что угодно? Когда сама по себе повернулась дудка? Когда Лара исчезла и появилась, выглянув из-за лика скифской бабы? Или когда сухая степь, пока еще беззвучно, вдруг принялась

сворачиваться в пышущий молниями ядерный гриб?

— В общем и целом, — закончил Джинн, — все идет правильно. Я уединюсь в своем маленьком убежище, — он стукнул ладошкой по краю лекифа, — теперь уж навсегда. А вам, дети мои, я бы пожелал совета да любви, да много-много отпрысков, дабы населяли и радовали эту землю.

Сказав так, Джин скукожился и мигом исчез в горловине лекифа. Глеб взял сосуд в руки. Керамика была теплее, чем это должно быть. Глеб посветил фонариком внутрь. Арибаллический лекиф был пуст.

— Поставь его на место, — тихо сказала Лара.

Глеб исполнил ее указание.

— Подойди ко мне, — продолжила девушка тем же ровным голосом. — Сделай то же самое еще раз.

Глеб обнял ее и поцеловал. Стены склепа исчезли и возникли вновь, освещенные полуденным солнцем. Где-то совсем близко стучала и резала лопата.

Впрочем, звук этот вскоре прекратился. Сед, опершись локтем о черенок, с удивлением взирал на вновь прибывших.

— Так и шею можно сломать, если прыгать в

яму с самого верха, — заметил он.

Глеб и Лара переглянулись и вдруг стали громко, заливисто хохотать. К их веселью присоединились и Сед, и другой копатель, который сидел на корточках в северо-западном углу и чистил что-то ножом.

— Вот что, ребята! — сказал Глеб. — Вижу, что у вас все нормально. Мы же чертовски устали, мотаясь в Краснодар. Сед остается за старшего.

Глеб и Лара пошли по грунтовой дороге в станицу.

— Понятия не имею, чем я буду теперь заниматься в жизни! — сказала девушка.

— Чему-нибудь тебя определенно научу, — ответил Глеб, обнимая ее. — Главное, это как-то вочеловечить тебя в мире, а для этого надо прежде всего выписать тебе полноценный российский паспорт.

Анатолий ГАЛКИН
ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Анатолий ГАЛКИН

ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Это был их первый совместный отпуск. После свадьбы прошел всего лишь год. А это значит, что с очень большой натяжкой их поездку в Крым можно было назвать свадебным путешествием.

Очень хотелось праздника! Но нет в мире совершенства!.. В разгар сезона владельцы приморских квартир, комнат и сарайчиков дико взвинтили цены. А молодые — Ирина Багрова и ее муж Вадим — получали в Москве обычную офицерскую зарплату. Это не так мало, но квартирка в Гурзуфе съела бы месячный оклад сыщиков уже в первые десять дней.

Да и дело не в деньгах! Хотелось романтики и уединения, а прибрежная полоса напоминала муравейник. Все постоянно куда-то бежали — на пляж и с пляжа, на обед и с обеда, в винный магазин и обратно... Вечером неугомонная толпа спешила искать новые приключения — в кино, на танцах, в ресторанах...

И тогда Ирина с Вадимом ушли в горы. Они нашли дешевую хибару намного выше виноградников Краснокаменки — того поселка, где делают знаменитый «Мускат Красного камня»... Место было тихое и во всех отношениях отличное, но кроме одной детали — страшно далеки они были от моря. Еще утром можно было спуститься к

сверкающей изумрудной воде. А вот под вечер уже никто не хотел лезть в горы. Это была почти сизифова мука! На первой четверти пути пропадало всякое удовольствие от пляжа и закипало раздражение на всё и на всех... Нет в мире совершенства!..

Сегодня «молодожены» не пошли к морю. Хватит! В конце концов, они приехали сюда отдыхать...

Их хибарка была сделана из местного ракушечника. Под Одессой этот камень желтый и рыхлый. А здесь белый и твердый, почти как мрамор... Стены были сложены из крупных блоков и без всякой внутренней штукатурки, без обоев или покраски. Просто чистые спилы благородного камня. Ночью он хранил тепло, а днем в доме было прохладно, как в английском замке...

Они отдыхали!.. Ирина стояла у окна и смотрела вдаль. А Вадик Хилькевич сидел в шатком шезлонге и читал газеты...

В домике было два окна, и оба выходили на запад. Это было плохо! Вечером заходящее солнце врывалось в светлую комнату и ослепляло, сверкая и отражаясь от всех предметов... Но зато утром из этих окон открывался чудесный вид. Справа — рыжие скалы, корявый сосновый лес

и уходящие вдаль синие горы. Прямо — виноградники и невнятные очертания Ялты. Слева внизу — оживленное шоссе, под которым Гурзуф и окутанное дымкой море.

Ирина поняла, что пейзаж за окнами притягивает и завораживает. Простая картинка никогда не была одинаковой. Она менялась каждый день, каждый час и каждую секунду. Точно так, как меняются огонь, облака и волны...

Ирина всегда считала себя крепким орешком. Но от крымского воздуха, от этих пьянящих пейзажей и от местного молодого вина она стала сентиментальной. Ей захотелось уюта, любви и ласки. Любви — не столько в том самом физическом смысле, а в романтическом виде, чтоб смотреть друг на друга и дышать одновременно...

Но Вадик Хилькевич оказался человеком практическим. Он, конечно, Ирину очень любил, но как-то без безумств, без высокого полета, без того, чтоб через год после свадьбы пылинки с нее сдувать... Ира вспомнила, что вся ее родня — волжские рыбаки. Вот она романтика — «И за борт ее бросает в набежавшую волну»... Хилькевич ничего за борт не кинет! Все его предки — крестьяне с белорусских хуторов. Куркули!..

Ирина стояла у окна и чувствовала, что готова разозлиться на мужа... Не надо пылкой страсти! Он мог бы просто встать, подойти сзади и начать приставать со всякими глупостями... Так нет! Он упорно сидит и тупо читает свои журналы... Хоть бы слово сказал!

Вадим саркастически заворчал, встал с шезлонга и начал обличительную речь.

— Все зло от журналистов! Они глупы, лживы и продажны. Сами назвали себя четвертой властью, а ведут себя как мелкие провокаторы... Ирина, ты о ней как думаешь?

— О ком?

— О Бакуниной... Вот ее статья в журнале «Истина». Она же просто дразнит Президента. Она тявкает, как Моська вокруг слона. Ей надо всем показать, какая она оппозиционная... Ты согласна, Ирина?

— Согласна... Я согласна, что Алла Бакунина волнует тебя больше, чем я... Скажи, Вадик, я больше тебя не интересую?

— В каком это смысле?

— В прямом!.. Вадим, я тебе нужна как женщина?.. Ты меня еще хочешь или уже нет?

* * *

Человек ко всему привыкает. Это только в молодости все хотят перемен, а к концу пятого десятка приятней всего стабильность. В эти годы самым лучшим кажется привычное течение жизни и устоявшийся ход событий — без войн, без катаклизмов и бурь... И чтоб никто не лез в душу!

Алла Бакунина давно привыкла жить одна. Всю свою энергию и жажду общения она выплескивала на работе. Добравшись до своей квартиры на проспекте Мира, она расслаблялась, снимая с себя стресс и все остальное... Она отдыхала от людей!

Очень давно у нее были мужья, но все исключительно гражданские. С одним она жила три года, с другим два, а с последним — всего год. И это было больше десяти лет назад...

Нет, Бакунина не жила монахиней. Она встречалась с мужчинами, но редко. И главное, что ни один из них не ночевал в этой квартире более одного раза... Она очень боялась привязанности. Да и вообще — мужчины волновали ее все меньше и меньше. Встречи с ними были чем-то вроде посещения китайского ресторана — любопытно, ярко, иногда вкусно, но не обязательно. Без этого вполне можно и обойтись.

Но сегодня утром на нее накатили воспоминания ранней молодости. И все они были на одну тему... Алла представила себя десятиклассницей, которая субботним утром поехала с друзьями на дачу. Весь день они веселились, пели под гитару, пили дешевое вино, танцевали и обнимались, уединяясь в дачных закутках и кладовках... Но к вечеру девушки заспешили в город, и ребята были вынуждены их провожать... К отходу последнего автобуса их осталось двое — сын хозяев дачи Игорь Котенков и отличница Алла Бакунина.

Смешной мальчик этот Игорек!.. В ту ночь он был такой трогательный. Было видно, что в нем кипит море страсти, но все это было прикрыто застенчивостью, робостью, неумением... Ей даже пришлось брать на себя инициативу...

В полдень Бакунина встречалась с платным информатором. Потом правила статью. Затем выступала на ТВ. А в конце дня ругалась с редактором... В водовороте ярких дел Алле некогда было вспоминать «про это». Ей даже показалось, что она начисто отвлеклась от глупых мыслей. Но это лишь показалось... И в кресле гримера на ТВ, и потом — она постоянно вспоминала Игорька Котенкова и ту ночь на даче...

Бакунина покинула редакцию в десять вече-

ра. Она собиралась домой, но колеса ее синего «Пежо» сами поехали не на проспект Мира, а на бульвар, поближе к ресторану «Зеленая сова»...

Очевидно, что в этот вечер Бакунина выбилась из привычной колеи и не могла адекватно оценивать обстановку. Алла даже не заметила парня, который следил за ней на ступеньках редакции... Когда она подходила к своему «Пежо», этот тип сунул руку за пазуху, вытащил пистолет с глушителем и стал прицеливаться. Он стоял у стены в нише, и его там никто не видел... Киллер затаил дыхание. Надо уловить паузу между биением своего сердца и тогда плавно нажать на спусковой крючок... Журналистка открыла дверцу своей машины и на секунду замерла, собираясь садиться... Пора стрелять!

Он бы выстрелил, но помешала юркая грузовая «Газель». Обнаружив свободное для парковки место, она заскрипела тормозами, развернулась и выскочила на линию стрельбы, закрыв от киллера цель.

Алла Бакунина не знала, что из-за маленького грузовика судьба сжалилась над ней, разрешив пожить еще несколько часов. И не просто пожить в трудах праведных, а ощутить многие земные удовольствия.

Ресторан «Зеленая сова» имел свою специфику, свою фишку. В него редко приходили компании или пары. И бизнесмены-мужчины сюда не заходили... Это было место отдыха для богатых женщин в старшем бальзаковском возрасте.

В последние годы Бакунина бывала здесь часто — по два-три раза в месяц. Ей нравилась спокойная обстановка без блеска и назойливости... Здесь не было огромного светлого зала, не было громкой ритмичной музыки, не было заносчивых посетителей, которые ощупывают тебя нетрезвыми взглядами... Здесь все было пристойно — закутки с уютными столиками в зеленом полумраке, тихие мелодичные блюзы и много «скромных» молодых мужчин, которые почти не смотрят в твою сторону...

Алла знала, что половина из этих смазливых парней состоит в штате ресторана и выжимает из клиенток деньги... Большая часть других — просто весельчаки, любители острых ощущений и бесплатных развлечений... Ни первых, ни вторых не надо было завоевывать и влюблять в себя. Стоило только глянуть в их сторону, поманить пальчиком, и перед тобой мужчина, готовый на все услуги.

Но в «Зеленой сове» попадалась и еще одна

категория — случайно зашедшие сюда одинокие молодые парни. Знакомство с ними не всегда завершалось успешно, но это не было игрой в поддавки. Это было как на охоте или рыбалке — то клюет одна мелочь, а то попадется такой сазан, что сердце радуется... Бакуниной часто удавалось зацепить удачный экземпляр и довести его до логического конца...

Алла прошла в дальний угол зала и заняла столик в полутемной нише. Она замерла в мягком кресле и стала наблюдать за народом... Ресторан не был пуст. В центре топтались танцующие пары, кто-то общался за щедро накрытым столом, кто-то начинал знакомство за барной стойкой.

В светлом холле у входа трое красавчиков вели светскую беседу, изредка поглядывая в зал. Всех их Алла хорошо знала. У одного из них были трусливые бегающие глазки, и Бакунина когда-то не захотела с ним общаться. А двое других уже бывали у нее дома... Но очень давно. Сейчас они уже поистрепались, и журналистка не взяла бы их ни за какие деньги...

Вот в ресторан вошел новенький. Его облик сразу чем-то привлек к себе... Мятые брюки, темная рубашка без галстука и куртка — не очень подходящий вид для похода в ресторан.

Парню было не больше тридцати. Он был красив, но без столичного лоска. Что-то вроде донского казака из «Тихого дона».

Казак был явно не из местных. Он спокойно осмотрел зал. Но от входа невозможно было увидеть тех, кто прятался в нишах под зелеными абажурами... Парень неуверенно прошел к барной стойке, а потом стал обходить все столики, искоса поглядывая на посетителей.

Алле показалось, что парень задержался около ее ниши дольше, чем у других... Это не говорило пока ни о чем, но Бакуниной вдруг стало приятно. Она решила, что он заинтересовался именно ею! И не как журналисткой, а как женщиной... Вот только какой-то он робкий — хочет познакомиться, но не может. Казак, а такой стеснительный!.. И тогда Алла сама обратилась к нему.

— Вы ищете место?

— Ищу.

— Можете сесть за мой столик... Вы не против?

— Нет, я не против.

Парень сел, но сразу оглянулся и взмахнул рукой, подзывая официанта... Это было непривычно. Обычно здесь заказывали дамы. Они же и платили...

Через час общения Бакунина уже точно знала,

что уйдет из ресторана вместе с этим парнем и что он будет ночевать у нее... А где ему еще ночевать? Он только днем приехал из Воронежа, бросил вещи на вокзале, пошел гулять по Москве... Милый мальчик! Но и сила в нем какая-то чувствовалась. И имя самое русское — Иван!.. Он явно был близок к земле. Но не так, как шахтер или тракторист, а в высоком смысле. Как герой или былинный богатырь, как Стенька Разин или Алеша Попович.

— Иван, вы пойдете ко мне ночевать?

— Неудобно как-то... Вы же меня почти не знаете. А вдруг я какой-нибудь киллер.

— Ой, не смешите меня, Иван!.. Я — журналистка. Я вижу людей насквозь... Поехали ко мне, Ваня!

— Поехали... А вы точно не передумаете?

— Ни в коем случае!.. Вот если бы ты, Ванюша, немедленно согласился, я бы засомневалась. А так — я верю тебе на двести процентов...

Алла проснулась, почувствовав, что его нет рядом... Она чуть приоткрыла глаза и улыбнулась — Иван стоял рядом с кроватью и осторожно одевался. Он делал это тихо, стараясь не разбудить ее... Как хорошо, что она пошла вчера в «Зеленую сову». Она бы могла сразу из редакции поехать

домой. И что бы было? Посмотрела бы гнусный телевизор, выпила чай с бутербродами и легла одна в холодную постель... А так — она узнала Ивана! Пусть это маленькое, но счастье!

Ей не хотелось шевелиться. Но праздник должен продолжаться! Надо сделать для Ивана что-то яркое и увлекательное. Он не должен уйти просто так!

Бакунина рывком сбросила с себя одеяло и открыла глаза... Он замер, а она ехидно смотрела на Ивана взглядом порочной библиотекарши. Она и на самом деле хотела соблазнить его еще раз...

— Что молчишь, Ваня? Как тебе эта картинка?

— Так что тут говорить? Красота, да и только... Формы ваши впечатляют. Я не люблю совсем худых. А тут — всё в самый раз!

— Ты прав... Мне и самой мое тело нравится. Иногда встану у зеркала и сама собой любуюсь... Ты куда, Ваня, собрался? Не спеши. Мы еще час можем побыть вместе...

Бакунина чуть изменила позу. Ей казалось, что Иван сейчас начнет срывать с себя одежду и в страсти бросится на нее. Но парень взял с кресла куртку, надел ее и начал застегивать молнию... Все это он делал неторопливо и сосредоточенно. Но Алла заметила, что руки его дрожат, а значит

— он волнуется... Она улыбнулась, представляя, что творится в душе молодого мужчины, сильного и страстного...

Бакунина ошибалась! Иван действительно волновался, но совсем не по тому поводу... Он засунул руку за пазуху и вытащил что-то длинное и блестящее.

Женщины не должны разбираться в оружии! И Алла толком не знала, что это такое — револьвер, пистолет или какой-нибудь наган... Она понимала самое главное — эта штука с глушителем, и она стреляет!

На Бакунину напал какой-то ступор. Она не орала, не дергалась, не делала большие глаза. Она замерла и с трудом произнесла простую фразу:

— Ты что это, Ваня?

— Я же предупреждал, что ты зря меня пригласила.». Хотя оно без разницы. Я убил бы тебя все равно.

— За что?

— За Шадринск... Накройся. Смотреть противно!

— Да, сейчас... Но одеяло на пол упало.

— Подними!

Она послушно перевернулась на живот и смешно поползла к краю кровати, за который сползло

сброшенное ею одеяло...

Вероятно, киллер медлил, видя живые глаза жертвы. А когда Бакунина повернулась к нему спиной и всем остальным, Иван поднял пистолет и, почти не целясь, дважды нажал спусковой крючок.

Звуки выстрелов были резкие, отрывистые и тихие, как обычные хлопки в ладоши. Не стрельба, а жидкие аплодисменты...

Иван подумал, что третий контрольный выстрел не нужен. Одна пуля попала под правую лопатку, другая — под левую... Было ясно, что журналистка его уже не слышит. Но он отчетливо произнес:

— Это тебе за Шадринск!

Сказал, нервно улыбнулся, прицелился и выстрелил третий раз. Теперь пуля вошла точно между лопаток...

* * *

Они и в этот день не пошли на пляж... Они не сизифы какие-нибудь, чтоб в жару бегать по горам!.. На сегодня Вадим с Ириной запланировали пикник на природе. Но не на открытом солнце, а в тенистом лесу у водопада.

За виноградниками начиналось то, что в цен-

тральной России называют сосновым бором. Две-три сотни деревьев, заросли непонятных кустов, обломки скал, поросшие мхом, и солнечная поляна в центре этой красоты.

Молодожены разместились в тени. Здесь было все, как они хотели. Правда, водопад оказался небольшим. По отвесной скале неслышно и вяло стекала тонкая струйка воды... Даже не стекала, а капала в разных местах.

Очистив поляну от шишек, Хилькевич постелил одеяло и начал раздеваться. А Ирина уже была в купальнике. Первым делом она сбросила сарафан на соседний куст с ароматными желтыми цветами.

Рядом стояли сумки с красным вином и простой закуской. Этого хватит до вечера... Одним словом, все говорило о предстоящем райском отдыхе!

Для начала они просто легли на спину и стали смотреть на чистое небо, которое синело в просветах между сосновыми ветками... Сюда не доходили звуки пляжа и шум шоссе. Но и тишины здесь не было. В скалах свистел ветерок, деревья скрипели, шурша иголками, капли водопада шлепали по лужицам... А еще запах! Он земли шел «чарующий аромат» прошлогодней прелой хвои и странных местных цветов.

Читать не хотелось... Вадим взял приемник и попытался найти подходящую музыку. Но в эфире звучала сплошная дискотека. Казалось, что одинаковые голоса производят похожие воющие звуки.

— Я чувствую, Ирина, что старею.

— Не очень заметно!

— Я не об этом... Я о музыке. Хочется спокойных мелодий, хочется классики, хочется осмысленных слов... Меня стали раздражать современные песни.

— А меня они всегда раздражали. И это не потому, что я старая. Просто у нас с тобой, Вадик, есть вкус. Мы с тобой эстеты! Мы с тобой из интеллигенции, из той тонкой прослойки, которая на радио и ТВ не делает рейтинга.

— Да, рейтинг — это у них бог и царь!

На какой-то волне начался перезвон курантов, и веселый девичий голос стал скороговоркой сообщать главные новости планеты... Сначала было сказано, что в Сочи из роддома украли младенца, потом — про русскую любовницу американского гитариста. Но третья новость могла стать сенсацией мирового масштаба.

Дикторша радостно сообщила, что сегодня утром в своей квартире была найдена журналист-

ка Алла Бакунина — убита тремя выстрелами в спину...

Хилькевич перевернулся на живот, подполз к сумкам и вытащил два сотовых телефона. Один из них он положил на живот Ирине, а другой себе.

— Не поняла тебя, Вадик!.. Ты на что намекаешь?

— Не поняла? Жаль!.. Я уж поверил, Ирина, что ты и точно из прослойки. Из тех, у кого вкус, дедукция и интуиция.

— Сейчас обижусь!.. Извиняйся!

— Извиняюсь. Ты, Ирина, очень умная. Даже слишком!.. Но вот не могла понять, что тебе сейчас будет звонить генерал Вершков.

— Так, Вадик. Я, видишь ли, свой аналитический ум в Москве оставила. Поэтому давай подробности.

— Слушай сюда... Сегодня утром убили Бакунину.

— Знаю!

— Она была очень оппозиционная журналистка.

— Знаю, Вадик. Переходи к делу.

— Перехожу... Во вчерашней газетке писали, что для Кремля Бакунина как кость в горле. И что на самом верху ее очень бы хотели убрать... Де-

лаю вывод, что западная пресса уже кричит, что лично Президент убил свободную журналистку... Ты согласна, Ирина?

— Согласна... Не хочу в Москву! Желаю еще двадцать дней лежать под соснами... Может, нам выключить телефоны?

Это был риторический вопрос. В нем были эмоции, но он не требовал ответа. Оба знали, что по первому звонку любого начальника, включая майора Муромцева, они бросят все и полетят в столицу... И это потому, что они не работают сыщиками, а служат. Большая разница!

Телефоны лежали на краю одеяла. Лежали и молчали!.. Через сорок минут Ирина уже собиралась пошутить над «прозорливостью» Вадика, но вдруг ее аппарат ожил и задрожал в виброзвонке. А через три секунды тихо прозвучал вальс Грибоедова, потом чуть громче, затем — громко и настойчиво... Ирина осторожно взяла телефон и поднесла к уху.

— Здравствуйте, товарищ генерал... Отдыхаем. Места здесь райские... Да, про Бакунину уже слышали... Какие обиды, Тимур Аркадьевич? Мы понимаем, что ситуация чрезвычайной важности, что без нас вы не справитесь... После обеда будем в Москве!.. Нам не важно, какие есть рейсы.

Если что — захватим самолет и прилетим... Это я шучу, товарищ генерал. Это нервы! Нас с мужем в первый раз из отпуска отзывают...

Ирина отключила телефон, встала и начала собираться.

Вадим тоже сразу встал и принялся натягивать брюки... Ему казалось, что жена опечалена таким поворотом событий. Свадебное путешествие — оно должно быть один раз в жизни! А тут такой облом... Хилькевичу хотелось сказать что-то доброе, ласковое.

— Я горжусь тобой, Багрова! Ты настоящий сыщик... И это правильно, что мы срочно летим в Москву. Ребятам надо помочь. Они уже наверняка в полной запарке.

— Да, особенно Муромцев и Кузькин.

— Ну, эти двое уже точно на ушах стоят!

* * *

Муромцев и Кузькин не стояли на ушах. Они просто встали в сторонке и наблюдали за действиями криминалистов. Приятно было сознавать, что у них со следственной бригадой разные задачи... Да, генерал Вершков так и сказал — пусть они пишут протоколы, а ваша цель найти настоящего убийцу.

Тело еще не увезли. Более того — известная журналистка лежала поперек кровати, демонстрируя всем три пулевых отверстия в голой спине.

Квартира не была шикарной, но и совсем не бедной. Поражало обилие цифровой техники — три компьютера, телефоны, кондиционеры, телевизоры с плазмой и всякие там принтеры-факсы в одном флаконе...

Понятые тихо сидели в коридоре. А в большой комнате, представлявшей нечто среднее между спальней и рабочим кабинетом, командовал следователь Никита Бобриков. Он примостился в углу за компьютерным столиком и громко писал протокол. Каждую фразу он произносил вслух и ждал реакции. Если никто не возражал, то следователь быстро записывал слова в бланк и начинал продумывать следующее предложение... Иногда медик, криминалист или кто-то из оперов, проводящих обыск, действительно говорили несколько слов для протокола. Часто свое мнение высказывал старый эксперт Николаев.

— Ты, Никита, кровать поподробней опиши. Вот тут две подушки, и обе примяты. А на них волосы разного цвета...

— Понятно! Оформляем как вещественные доказательства — следы от потерпевшей и улики

от убийцы.

— Возможно... Но ты не торопись с выводами, Никита. Тут волосы минимум трех человек. А если перевернуть подушку, то и еще найдется. Слухи ходили, что покойница была в этом плане активная.

— Слухи мы в протокол писать не будем... Ты, Николаев, найди что-то такое, что прямо на преступника указывает. У нас пока ничего нет! Только гильзы и какие-то волосы... Совсем непонятно, как к этому делу подходить.

На последней фразе Муромцев и Кузькин переглянулись. Они оба не смогли удержаться и ехидно засмеялись. Это было неприлично! Во-первых, в комнате находился труп, а во-вторых — Никита Бобриков. Он мог принять смешки на свой счет и обидеться.

Паша Муромцев, как старший группы, попытался разрулить ситуацию:

— Это мы тут, Никита, о своем смеемся. Лев Львович напомнил мне анекдот. Но об этом потом... Мы пойдем по соседям, разведаем обстановку.

— Конечно, Павел Ильич. Мы же вместе по делу работаем...

— Именно так!.. Если что накопаем, то сразу сообщим.

— Буду ждать... Дело какое-то странное. Пока совсем не ясно, с какого конца к нему подступать...

* * *

Для пресс-конференции выбрали огромный зал на Садовом кольце. Ожидалось, что будет не менее трехсот журналистов. А еще — дипломаты и всякие пресс-атташе, телевидение с камерами, звукооператоры с микрофонами. Короче, в зале будет две тысячи ехидных глаз, которые заранее знают, кто убил Бакунину.

Генералу Вершкову часто приходилось делать то, что он не любил. Вот и сейчас придется сидеть на сцене и изображать Иванушку-дурачка... Противно то, что журналистская братия знает правила игры и очень любит играть в кошки-мышки. Как приятно сделать из генерала мышь серую! И гонять ее потом дурацкими вопросами. А сама пресса всегда на коне. Она поучает и обличает... Коты поганые!

Вершкова успокаивало одно — первую скрипку будет играть Генеральный прокурор. Пусть принимает на себя все стрелы!.. А журналисты очень колючие! Они назовут Бакунину символом свободной прессы. Они скажут, что смерть оппозиционерки выгодна Кремлю. Они припомнят,

что Президент лично выражал неудовольствие линией журнала «Истина». Они намекнут, что знают, где искать убийц. Они заявят, что силовикам невыгодно найти истинного киллера... Коты поганые!

Вершков ехал по Садовому кольцу сумрачный и злой... Еще суток не прошло с момента убийства. Пока еще нет ни улик, ни зацепок, ни версий. Надо активно работать, а эти журналюги будут задавать вопросики и поучать...

Уже в зале Вершков узнал, что в президиуме будут еще генералы. Еще двое — оба из МВД... Это хорошо! Они будут в форме и отвлекут на себя внимание прессы.

Вершкову очень не хотелось сегодня подходить к микрофону. Пришлось бы говорить, что мы приложим все силы, что найдем убийцу, что это дело чести...

Заканчивался первый час пресс-конференции. Вершков скромно сидел на краю стола и делал вид, что ведет записи в блокноте. На самом деле он рисовал чертей в разных позах. Были фигурки спящие, бегущие, плывущие на байдарке... Сборище явно подходило к концу, и генерал, как школьник, надеялся, что сегодня его не вызовут к доске... Вызвали!

Из рядов журналистов к микрофону пробился лохматый парень в мятом костюме. У него в руках был рукописный плакатик с названием своего издания — «Народное дело»... Распорядитель был вынужден дать ему слово.

— Только представьтесь, пожалуйста... Вы откуда?

— Я из города Шадринска. Газета «Народное дело». Журналист Рихард Зоркий... Это псевдоним такой.

— Понятно... Какой у вас вопрос?

— У меня вопрос к генералу Вершкову... Вот тут все говорили о возможных версиях, про политический заказ и всякое такое. А вы не думали, что нити ведут в наш Шадринск?.. Бакунина родом из этого города. Она здесь в школе училась. Это прямо рядом с редакцией... У нас про молодость Аллы Бакуниной разные слухи ходят. Хотя все это было очень давно.

Все отвечали на вопросы сидя, а Вершков встал. За эти несколько секунд он успел продумать ответ странному журналисту, который своим псевдонимом косил под разведчика Рихарда Зорге... О Шадринске генерал слышал первый раз, но об этом никто не узнает.

— Вопрос очень важный!.. Все мы родом из

детства. И понятно, идет детальная отработка всех связей погибшей журналистки... Только наивные люди могут полагать, что у Бакуниной один противник — Кремль. Такие люди, как она, насолили очень многим. Нам надо найти всех ее врагов. И начнем мы с города Шадринска... Кстати, уважаемый Рихард, а почему с этим вопросом вы обратились ко мне?

— Так вы же курируете Службу особого назначения? Так?

— Так!.. Это не секрет.

— Но я знаю, господин Вершков, что вы распутываете самые сложные дела... Ну, если у МВД или ФСБ ничего не получается, то дело передают вам. Так?

— Если отбросить лишнюю скромность, то это так!

— Значит, и дело Бакуниной вам передадут?

— Уже передали!.. Мы, конечно, найдем убийцу... Мы приложим все силы... Это для нас дело чести...

* * *

В старых домах особенные дворы. В тени мощных деревьев прячутся добротные лавки и примитивные детские качели. Кажется, что

так было здесь и двадцать лет назад, и сорок, и шестьдесят...

Поквартирный обход ничего не дал. Так бывает — Бакунина жила в этом доме двадцать лет, а все знакомства с соседями были шапочные. Кто-то видел ее в лифте, кто-то помог ей завести машину, кто-то сообщил, что у журналистки бывали разные гости... Одним словом — никто ничего не знает. Такие вот времена! Все люди заняты своими проблемами, а на ближнего им наплевать... Прав был следователь Никита Бобриков — пока не за что зацепиться.

Муромцев и Кузькин сидели во дворе и ждали последнего свидетеля — ближайшую соседку Бакуниной... Так получилось, что многие из свидетелей указывали на нее, на женщину в шляпке.

Очевидно, ношение шляп — это сейчас особая примета. Что-то вроде шрама или татуировки... В наше время дамы носят кепки, шапки, платки, капюшоны и даже бейсболки. А вот найти женщину в элегантной шляпке — большая проблема!

Об этой моднице сыщикам сообщили следующее. Бакунина жила с ней на одной площадке — дверь в дверь. Они общались почти как подруги. Зовут «шляпку» как-то вычурно — или

Алевтина, или Анфиса. С работы она всегда приходит ровно в шесть тридцать. Хоть часы проверяй!

До прихода этой старомодной Акулины оставалось десять минут... Муромцев и Кузькин разместились возле песочницы под большим деревянным мухомором. Отсюда просматривались подворотня, дорога, ведущая к дому, и сам подъезд, возле которого стояла следственная «Газель».

День выдался суматошным. Сыщики устали. Муромцев просто молчал. А Кузькина потянуло на философскую лирику.

— Вот ты скажи мне, Паша, эта Афродита в шляпке могла сорок лет назад в этой песочнице играть?

— Вполне могла.

— Вот!.. А этот дуб и тогда шевелил над ней ветками.

— Это, Лев, не дуб, а ясень.

— Знаю, Павел Ильич! Не один ты у нас такой умный... Я про дуб сказал для поэтического сравнения. Для крепости мысли... Вот этот ясень стоит тут сто лет и усмехается: «И чего это люди суетятся?.. Все проходит. Пройдет и это».

— Умный ясень. Только это еще раньше сказал

царь Соломон... Спокойно, Лев! Вот наша «шляпка» идет... И ты смотри — ровно шесть тридцать!

Альбина Крымова шла к подъезду с заплаканными глазами. О смерти ее подруги уже давно передавали все новостные каналы... Она взглянула на сыщиков и, не читая их удостоверений, пригласила к себе.

В лифте можно было хорошо рассмотреть ее шляпку. Светло-зеленый фетровый берет с бордовой окантовкой и таким же цветком сбоку... Что-то из начала пятидесятых годов. Или поздний Сталин, или ранний Хрущев. Еще до первого спутника Земли...

Уже войдя в квартиру, в широком холле Альбина сняла свой немыслимый берет и грустно спросила:

— Вас очень интересует, почему я ношу такие немодные вещи? Я угадала ваш первый вопрос?

Кузькин действительно рассматривал шляпку в упор, как экспонат в музее. Он решил, что Альбина обращается только к нему, и начал оправдываться:

— Нам ваши головные уборы без надобности! Правда, Павел?.. Мы ищем убийцу, а вы свидетельница. Нам только это важно. А что у вас на голове — вопрос второй... Вы хоть скворечник

нацепите, только выдайте нам нужную информацию.

— Ох, как вас задел мой берет!.. И правильно. Это мой вызов общественному мнению. Это показатель моей внутренней свободы... Меня никто не понимал, кроме Аллы. Мы с ней были в оппозиции ко всему.

— Ко всему?

— Да, господин сыщик. Ко всему!.. Алла часто шутила: «Мы собой, Альбина, всегда против».

— Это такой мультфильм был: «А Баба-Яга против».

— Вы намекаете на мою внешность?.. Однако вы, господин сыщик, хам!.. Только память великой Аллы Бакуниной не дает мне выставить вас за дверь...

Муромцев в чем-то был согласен с Кузькиным по содержанию. Но по форме тот явно зарвался. И оперативная наука говорит о том, что свидетеля надо не злить, а ласкать и всячески привлекать на свою сторону... Павел попытался разрулить ситуацию.

— Хочу представить вам, Альбина, нашего сотрудника — Лев Кузькин. Он у нас тоже оппозиционер. Ничьих мнений не признает. Даже вас чуть не обидел... Но давайте переходить к делу!

Будем вместе искать убийцу Бакуниной... Вы хотите нам помочь?

— Очень!

— Насколько я знаю, Альбина, в этом доме Бакунина доверяла только вам?

— Не только в этом доме, а вообще — в этой жизни! Алла верила только мне... Разговор будет долгий, господа сыщики. Пойдемте на кухню. Вам ужин приготовить или только чай?

— Не беспокойтесь, Альбина. Мы сыты.

Это сказал Муромцев. А Кузькин, вероятно, хорошо вошел в роль свободной личности, не признающей авторитетов. Он продолжил играть сыщика без комплексов.

— А я бы чего-нибудь съел горяченького... Только не надо, хозяюшка, суетиться. Вы покажите, где холодильник, и я накормлю вас в лучшем виде...

* * *

После пресс-конференции Вершков на пять минут задержался в кулуарах. Уйти было невозможно! Генеральный прокурор пересказывал старый анекдот, веселясь, как ребенок. Генералы от МВД хохотали во весь голос. Для приличия Вершкову тоже пришлось улыбнуться... А потом

он улучил момент, сослался на дела и убежал.

Уже в машине, которая увозила его от Садового кольца, генерал понял, что поспешил. Он понял, что не сделал чего-то очень важного... Этот журналист из Шадринска намекнул, что в его городе ходят разные слухи о причинах смерти Бакуниной. Так надо было взять этого писаку за жабры и допросить по полной программе... Вдруг он прав — чем черт не шутит?

Вершков приказал шоферу развернуться и под мигалкой мчаться назад к Зубовской площади, к зданию, где проходила пресс-конференция.

В первый момент генералу показалось, что он успел... На площадке перед зданием еще толпилась пресса. Кто-то уже начал грузить аппаратуру в студийные микроавтобусы, кто-то просто курил и трепался, обсуждая прошедшую встречу.

Когда среди журналистов неожиданно появился Вершков, все оживились. Появилась надежда на дополнительные вопросы и фотографии в необычных ракурсах... Генерал поднял вверх руку, и все затихли.

— Обещаю ответить на три ваших вопроса. Но сначала вы помогите мне... Где тот парень из Шадринска? Кажется, газета «Народное дело»...

Журналисты замерли, начали что-то вспо-

минать и стали оглядываться вокруг. По их растерянным лицам Вершков понял, что человек из загадочного Шадринска не из их стаи. Он случайно залетел в Москву и неизвестно куда исчез... И только одна смешная девчонка а больших круглых очках попыталась поближе протиснуться к генералу.

— Извините, Тимур Аркадьевич, вы ищете Рихарда?

— Вот точно! Спасибо, что напомнили... Он действительно представился как Рихард Зоркий. Так где этот разведчик?

— Он сразу уехал... Рихард очень спешил на вокзал. Боялся опоздать на поезд.

— Милая девушка, вспомните — какой вокзал?

— Казанский...

— А какой поезд?

— Номера я не знаю... Но он отходит в восемь двадцать.

— Так это через десять минут!.. До Казанского не успеть.

— Не переживайте, Тимур Аркадьевич. У меня есть и его мобильный телефон, и его адрес в Шадринске.

— Откуда у вас адрес?

— Мне Рихард оставил!

— Почему?

— Приглашал приехать.

— Зачем?

— Понравилась я ему!.. Жениться предлагал!.. Только я в Шадринск не поеду. За мной и в Москве женихи толпами ходят...

* * *

Они говорили уже более двух часов. Альбина Крымова, несмотря на свои чудачества со шляпками, оказалась женщиной умной, деловой и даже грамотной в оперативном отношении. Свою трудовую жизнь она начинала машинисткой в очень секретном подразделении КГБ. А потом у нее появился жених, который привил ей тягу к свободе... Вскоре жених исчез, но тяга у Альбины осталась.

Крымова ушла из органов безопасности и примкнула к диссидентам, либералам, демократам и прочим оппозиционерам...

Но все это было давно! От всего свободолюбия у Альбины осталась дружба с журналисткой Бакуниной и шокирующие шляпки... А с сегодняшнего утра — только шляпки...

Муромцев подробно записывал ее показания... Бакунина откровенно делилась с Альбиной всем

— и конфликтами на работе, и ночными приключениями. А память у соседки была отменная. Сейчас она вспоминала десятки имен, десятки примет.

Сыщикам становилось ясно, что назревает провал. Каждого из названных Крымовой фигурантов надо подозревать, искать, проверять. А это не работа, а тихий ужас!.. Муромцев попытался зайти с другого бока.

— Скажите, Альбина, а все контакты покойной с мужчинами начинались в «Зеленой сове»?

— Если вы об амурных контактах, то да!.. Алла не меняла своих привычек... Она и меня водила в эту самую «Сову». Но — нет! Мужчины там были, но все не в моем вкусе.

— А вот вчера ночью у Бакуниной был кто-нибудь?

— Не знаю точно, но думаю, что был... Я позвонила ей около полуночи, а она в три секунды свернула разговор, сказала, что занята важным делом.

— Возможно, она статью писала?

— Не смешите меня, молодой человек! Таким дрожащим голосом статьи не пишут. Я вклинилась в самый разгар!.. Кстати, завтра я смогу проведать Аллу в морге?

— Вероятно... Но это к товарищу Кузькину. Он завтра утром едет на вскрытие, а мне предстоит встречаться с руководством «Зеленой совы»... Каждому свое!

* * *

Киллер назвал Бакуниной свое настоящее имя. Правда, не совсем настоящее, но то, которое он носил последние годы, и то, которое было у него в паспорте, — Иван... С точки зрения конспирации, это была ошибка. Но Иванов в России — пруд пруди! Да и журналистка уже никому не скажет про своего ночного гостя.

Иван вспоминал эту ночь с двойственным чувством... Ему было противно, что он так близко и с понятным удовольствием общался со своим смертельным врагом... Но с другой стороны, обычный выстрел на улице был бы для нее слишком простой смертью. А тут получилась казнь с определенной изюминкой! Сначала он довел ее до экстаза, а утром успел сказать про Шадринск и успел насладиться ее страхом... Какие живые были у нее глаза, когда она смотрела в черное отверстие на срезе глушителя! Они менялись как кадры в клипе — от сонного блаженства до панического ужаса...

Иван включил свет и вошел в кабинет. Он был огромным и напоминал рабочее место академика. Мощный письменный стол, пухлые кожаные кресла и везде, где только можно, книжные полки до потолка.

Сам киллер совсем не был похож на академика. Внешность у него неприметная. Как у манекена. Все на месте, но все среднее — не за что зацепиться.

Он прошел по старинному персидскому ковру и выложил на письменный стол пистолет, а потом глушитель и запасную обойму. Предстояло приятное занятие — полная разборка и чистка оружия... Стол тоже был не очень похож на академический. Впрочем, если здесь работал ученый-механик, то все нормально... На столе стояли тиски и маленький гравировальный прибор. А еще — большая лупа, напильники, пинцеты и всякий такой инструмент.

В комнате было тепло, да и работа предстояла жаркая... Иван скинул рубашку и сел за стол.

Прежде всего он взял пистолет, вытащил обойму и начал аккуратно вынимать патроны. Киллер любовно протирал их, осматривал под лупой и ставил на светлое место... Вот они — пять боевых патронов, и на каждом яркая гравировка. Всего

одно короткое слово — «Месть».

Теперь Иван начал вытаскивать патроны из запасной обоймы. Он ставил их отдельно, поближе к тискам... Они стояли ровно в ряд, их было восемь!.. Патроны были такие же, но не совсем. Медная пуля была чиста. А там непременно должно быть заветное слово. Обязательно!

Киллер аккуратно брал гильзу, любовно оборачивал в кожу и мягко зажимал в тиски. Затем подводил лупу и брал в правую руку бур, похожий на тот, каким работают зубные врачи. Буквы получались маленькие, но четкие — как в журнальной статье.

Он не спешил. На каждую букву уходило две минуты... Десять минут, и патрон готов... На всю обойму ушло полтора часа!

Иван усмехнулся, поняв, что осталось тринадцать патронов. Самая подходящая цифра для мести... Вот только может не хватить!. Особенно если тратить на каждый объект по три пули... Надо купить еще коробочку «маслин». Сейчас это не проблема.

* * *

Вчера вечером Муромцев созвонился с руководством «Зеленой совы» и очень нахально, угрожая

репрессиями, потребовал объявить полный «сбор труппы». Это значит, что сегодня в десять в баре должна собраться вся команда — от посудомоек до директора. И не только штатные сотрудники, а все внештатные — альфонсы и жиголо.

И только сегодня в девять утра Муромцев узнал, что в полдень на базе, на вилле «Икар», всех собирает генерал Вершков. А это значит, что Павлу для беседы в «Зеленой сове» оставалось не более часа. Придется все скомкать, выбирая для беседы двух-трех самых важных свидетелей...

В зале ресторана собралось около тридцати человек... Директор бегал вокруг Муромцева со списками, уверяя, что пришли все или почти все... А еще он просил не сообщать прессе о том, что последние часы Бакунина провела в «Зеленой сове».

— Вы поймите, господин Муромцев, у нас специфический контингент. Наши клиенты могут подумать, что и им грозит опасность... К нам перестанут ходить. Мы можем остаться без дохода!

— Обещаю, что от меня журналисты ничего не узнают.

— Вот и спасибо вам, господин полковник!

— Я — майор.

— Это пока. Уверяю вас, что вы очень скоро

станете полковником.

— Эх, ваши бы слова да генералу в уши... Итак! Все присутствующие берут бумагу и пишут признание: «Я такой-то, такой-то. Адрес, телефон... Далее — всё про Бакунину и ее связи».

В зале дружно загудели, и Павел сразу понял причину смуты.

— А если кто не знает убитую журналистку, то пусть так и пишет — не слышал, не видел и следствию помогать не хочу. Не хочу и не желаю!.. Но если я узнаю, что этот вот тип солгал, то сделаю его главным подозреваемым!

Зал опять загудел, но вяло и примирительно. А потом вдруг замолчал, ожидая дальнейших указаний... И тогда Муромцев продолжил:

— Вот и хорошо, что все всё поняли!.. Сейчас ко мне подходят те, кто в тот вечер общался с Бакуниной... А остальные взяли бумагу — и писать!.. Даю тридцать минут. Время пошло!

Толпа бросилась к столикам, занимая места, доставая ручки и беря подготовленные листы бумаги... А к Муромцеву подошли двое — бородач в ливрее, чем-то похожий на Сусанина, и официант с улыбкой лакея.

Разговор начал Сусанин:

— Моя фамилия Дубов. Очень давно был ка-

питаном милиции. Кое-что помню по части оперативно-розыскной деятельности.

— Отлично, капитан!.. Ну и борода у тебя!.. Ты в тот день Бакунину видел?

— Видел... Обычно она приходила к нам два-три раза в месяц. Знакомилась с кем-то из наших парней и с ними же уходила... Зачем — не знаю!

— Не так трудно догадаться... А в тот вечер, с кем она познакомилась. Вспоминай, капитан!

— Да я помню... Это был не наш парень. Он зашел через пять минут после Бакуниной, покрутился около бара, а потом она пригласила его к своему столику... Они сидели всего минут тридцать, а потом ушли.

— Как с фотороботом, капитан?

— Сделаю!.. Но это мало поможет.

— Почему это?

— А этот парень очень средний. Никаких особых примет. Рост средний. Ни худой, ни толстый. И так во всем — губы, нос, брови... Всё обычное, как на плакатах.

— Понятно, капитан... Но фоторобот сделать надо.

Муромцев заметил, что «лакей», второй свидетель, стал нервничать. Он очень ждал вопроса к себе, но сам не решался вклиниться в беседу двух

сыщиков... Паша сжалился над ним.

— А теперь с вами поговорим. У вас, похоже, очень важная информация... Вы официант?

— Да, я официант!.. А мы всегда ближе всех к клиенту. И я даже знаю имя убийцы.

— Откуда?

— От Бакуниной... Я крутился около столиков и услышал, как она назвала его Иваном!

— А почему вы решили, что он убийца.

— А зачем они ушли вместе?.. Затем, — чтоб провести ночь! А утром она убита... Вы чувствуете мою логику? Ежу понятно, что Иван ее и грохнул!.. А кто же еще?

* * *

Голубой «Форд» Кузькина свернул с Комсомольского проспекта в сторону Пироговки. Там на задворках медицинского института располагался морг.

Лев Кузькин был человеком деликатным. Он понимал, что поход в эту контору может быть шоком для Крымовой. На вид она человек твердый. Не всякая могла бы годами выдерживать ехидные взгляды соседей... Но тут дело не в шляпках! Морг может любого с копыт свалить...

Всю дорогу Кузькин настраивал Альбину,

развлекал ее, придумывая веселые истории из жизни патологоанатомов.

— А совсем недавно, Альбина, был у нас очень забавный случай.

— Где? Опять в морге?

— Да! И именно в том, куда мы едем... Так вот, одного преступника положили туда случайно.

— Как это «случайно»?

— А так!.. Его в драке бутылкой ударили, и он почти не дышал. Это было ночью, и сонный доктор констатировал смерть... Привезли его в морг, раздели, положили на свободный стол и прикрыли простынкой.

— Ужас!

— Это пока. Дальше, Альбина, веселей будет... Под утро молодой санитар входит в подвал, а навстречу идет синий «покойник». Идет и стучит зубами... Смешно?

— Не очень...

— Сейчас, Альбина, будет еще смешнее... Санитар падает в обморок! Преступник раздевает его и голым кладет на стол. А сам в его одежде убегает... Смешно?

— Очень весело! У вас какой-то черный юмор.

— Это потому, что все происходило ночью!.. А на рассвете приходит сменщик первого санитара

и идет в подвал... Вот, Альбина, мы уже и приехали. Вот та самая дверь, куда они входили... Теперь мы туда пойдем.

У Альбины действительно были очень крепкие нервы. Она пять минут стояла перед покойной. И без слез и причитаний... Уже на улице она спросила Кузькина:

— Это было опознание? Я должна где-то расписаться?

— Да, но потом... Вы подождите меня здесь, а я поговорю с врачом, который проводил вскрытие.

— Так вы что — резали Аллу?..

— Да, но не совсем... Самую малость. Надо было достать пули, которые внутри...

Боясь, что Крымова упадет в обморок, Лев Львович шустро убежал в морг. Он не ожидал какой-то интересной информации, но в любом случае надо забрать пули и передать их на экспертизу. Была вероятность, что пистолет уже где-то засветился, и это могло помочь розыску убийцы.

Но знакомый старик-патологоанатом встретил Кузькина ехидной усмешкой:

— Завидую тебе, Лев!.. Везунчик!

— Если вы насчет Альбины, то зря. Это не мой кадр. Она свидетельница в чистом виде.

— Я о другом... Сейчас получишь такие улики,

что пальчики оближешь! Первый сорт... Вот три пули. Эта слишком деформировалась, да и вторая — тоже. А вот эта удачно легла... Держи лупу, Лев! Держи, тебе говорят... Вот сюда смотри... Читай...

Кузькин направил лупу в нужную точку и вслух прочел короткое слово: «Месть»... Старик прав! Первосортная улика... Правда, пальцы при этом облизывать не хотелось.

Альбина вовсе не упала в обморок. Она резво ходила по двору и жадно курила... Увидев Льва, она бросилась к нему, торопясь сообщить важную новость.

— Я вспомнила! Я знаю имя убийцы.

— Ну и кто он?

— Его зовут Иван... Помните, я говорила, что в полночь звонила Алле?

— Помню... Вы позвонили, а она вас быстро отшила.

— Да, быстро... Но три коротких предложения она сказала. Примерно так: «Не могу я говорить, Альба. У меня сейчас в гостях Ваня. Очень милый мальчик...»

* * *

Совещание началось сумрачно. То, что генерал Вершков ни разу не улыбнулся, это понятно. Речь

шла о важном убийстве... Но чувствовалось, что шеф зол на весь мир. В кабинете висела предгрозовая атмосфера.

Правда, по мере докладов настроение у Вершкова улучшалось. И свое заключительное слово он начал на мажорной ноте.

— Прежде всего хочу похвалить наших молодоженов. Я не приказывал им приехать. Я только намекнул, что без них трудно, — и вот они бросили Крым и приехали... Все бы так относились к делу! Больше было бы толка!

Полковник Потемкин и Паша Муромцев на последнее замечание встали и опустили головы. Замечание Вершкова о бестолковости их работы было несправедливо. Но так в мире устроено — раз ты дорос до генерала, то можешь поносить всех, кто ниже званием.

— Работаете вы хорошо! А надо — отлично!.. Тут ведь не обычное убийство. Тут дело пахнет политическим скандалом. Иностранные журналисты прямо намекают, что смерть Бакуниной выгодна Президенту... Надо срочно найти убийцу! Из-за вашего бездействия на главу государства падает тень подозрения.

Последние слова заставили встать всех, всю оперативную группу Павла Муромцева. Все вста-

ли и склонили головы в знак осознания своей вины. Все, кроме Льва Кузькина. Он гордо смотрел прямо в глаза генерала... Неслыханная дерзость!

— Я вижу, майор Кузькин, что вы не согласны?.. Вся Европа стоит на ушах, а у вас конь не валялся!

— Европа — она такая! Она всегда у нас грязи найдет... А вот про коня я действительно не согласен. Конь у нас валялся! И даже очень.

— Хорошо, Кузькин. Давайте подробности. Разложите все по полкам.

— Раскладываю... Убийцу зовут Иван. Ему около тридцати. Есть его смутные приметы и фоторобот. Есть несколько человек, кто мог бы его опознать... На пуле гравировка со словом «Месть!». Так?

— Так. Ну и что? Как вести розыск?

— Я полагаю, что надо установить всех, кто придет на кладбище. Известно, что убийцы часто посещают похороны своих жертв... Это какой-то синдром!

— Садитесь, ребята. И вы, Кузькин, садитесь вместе со своим синдромом... Мысль вы подали хорошую. Из тех, кто был на кладбище, находим тридцатилетнего Ивана и закрываем дело — злодей найден!.. Просто до неприличия.

Тимур Аркадьевич тоже сел в председательское

кресло. Было видно, что он устал от постоянного напряжения. Генерал из внутреннего кармана вытащил записную книжку, подвинул к себе лист бумаги и начал переписывать какие-то адреса.

Минуту все напряженно молчали. Потом Вершков осмотрел всю группу Муромцева, обернулся к полковнику Потемкину и добродушно подмигнул:

— Ну как, Петр Петрович, найдем убийцу?

— Будем стараться... Будем работать самым активным образом.

— Вот и хорошо! Тогда я, с вашего разрешения, направлю Багрову с Хилькевичем догуливать отпуск. Сегодня они полетят в славный город Шадринск. Там кругом леса, там рыбалка отличная — рядом озеро Круглое и река Верба... Так вот, в гостинице «Алмаз» у наших молодоженов оплачен «люкс» из трех комнат... Как, Ирина, поедете?

— Мы, конечно, готовы... Но как же следствие?

— Это все там, в Шадринске... Бакунина родом из этого города. А местный журналист Рихард Зоркий намекнул мне, что нити могут вести туда... Вот вы и разведайте! А вдруг «Мститель» из этого Шадринска?

Вершков опять встал и осмотрел всех. Но те-

перь в его взгляде не было злости и усталости. В его глазах был азарт сыщика.

— А все остальные пока остаются в Москве... Кузькин был прав — завтра работаем вокруг похорон. Я подкину ребят с видеотехникой... Очень велика вероятность, что убийца засветится...

* * *

В обычной обстановке Альбина не обратила бы внимания на Кузькина. Это простак и увалень, а ей нравились импозантные мужчины... Правда, такие не смотрели в ее сторону.

Крымова общалась со Львом всего сутки, но в обстановке напряженной и нервной. А это очень сближает. Тут час идет за год!

Оказавшись вечером в своей одинокой квартире, Альбина начала тихо выть от одиночества. Ей вдруг показалось, что в ее жизни было всего два настоящих друга — Алла Бакунина и Лев Кузькин... Было два друга, а теперь остался только один.

Крымова бросилась к телефону и позвонила ему. Она даже не могла представить, что отрывает сыщика от семейного ужина, от жены, от детей.

Альбина назначила Кузькину встречу на

Тверском бульваре. Он не мог не прийти — она сказала, что вспомнила важную информацию.

У нее действительно были кое-какие сведения... Журналистка Бакунина была натурой скрытной, но Альбине, как заветной подружке, она выбалтывала всё и про всех...

Крымова вспоминала людей, которых Апла ненавидела или на которых она злилась. Таких было очень много, а память у Альбины была отличная. Они бродили по малолюдным московским переулкам уже полтора часа, а Крымова продолжала выдавать факты, каждый из которых мог стать основой очередной версии.

— Уже очень поздно, Лев. Вы не могли бы проводить меня домой... Я угощу вас чудесным кофе.

— Да, вы правы, Альбина, уже поздно... Я, конечно, вас провожу, но вот кофе — это в другой раз.

— Почему, Лев?.. Вы очень нерешительный мужчина.

— Вот и нет! Я решительный, но рассудительный... Что скажут о вас соседи, если вы принимаете мужчин в такое время?

— Ах, так вы о моей репутации заботитесь? Не надо! Мне совсем наплевать, что подумают о нас соседи... Тем более что они могут быть правы!

— Нет, Альбина! Спасибо за предложение, но

— не могу... Я зарок себе дал. Пока не поймаем убийцу Бакуниной, никаких прогулок налево... Вот завтра на кладбище помогите определить среди публики — кто есть кто!

— Понятно, Лев!.. Я, конечно, помогу. Но только ради памяти Аллы, а не ради вас... Я вам не «прогулка налево»! Я к вам со всей душой... Не провожайте меня, Лев! Я на вас обиделась... Вы не лев, а облезлый кот!

* * *

Гражданская панихида и весь ритуал проводов проходил в доме журналистов. Вот там народа было много. Тысячи граждан интеллигентной наружности выражали скорбь по оппозиционной журналистке... В толпе говорили, что со смертью Бакуниной из страны вообще уйдет свобода, правда, либерализм...

Но на кладбище поехали не все. В колонну выстроились десять полупустых автобусов. Сто пятьдесят человек! Ну, максимум — двести... И треть из них — всяческая охрана, включая сыщиков и присланных Вершковым фотографов. Еще треть — журналисты. А вот оставшаяся часть очень интересовала Муромцева.

На старом кладбище было тесно. На дорожке

рядом с могилой поместилось два-три десятка человек. Остальные разбрелись, печально осматривая соседние оградки и надгробия.

Павел стоял так, чтоб видеть большинство народа. Рядом с ним был журналист, долго работавший с Бакуниной. Понятно, что он не знал всех в этой толпе. Но он знал многих. И он понимал, что может интересовать сыщиков.

— Вот сейчас выступает Сичкин, шеф редакции новостей... Он хороший человек! Никому подлостей не делает. Это не он!.. А вот слева от него — Горский. Удивительная сволочь! Этот готов идти по трупам...

— Думаете, что он мог убить?

— Нет, Павел Ильич! Горский не мог. Хотел бы, но не мог — он трус и размазня... А посмотрите резко направо. Двадцать метров от могилы.

— Вы о мужчине в бежевой куртке?

— Да, тот, что стоит около дерева... Странный тип! Это не наш. И не от родственников. Вы бы проверили его, Павел Ильич.

— Да, мужчина подозрительный... Уж очень он суетится. Он какую-то бумажку третий раз к глазам подносит.

Муромцев позвонил Кузькину. Тот со своей Альбиной должен был стоять на правой дорожке.

Оттуда хорошо был виден суетливый мужик...

Минуту в трубке было тихо. Лев консультировался со своей спутницей, а потом сообщил Павлу интересную информацию.

— Значит, так, Паша, Альбина его не знает, но один раз видела в квартире Бакуниной.

— Как это?

— А так!.. Дело было два года назад. Альбина увидела приоткрытую дверь и зашла к соседке, а там Алла с этим мужиком ругаются. Тот кричит: «Убивать таких надо!..» А когда этот тип убежал, Бакунина сказала о нем нечто невнятное. Типа — «друг детства». И все!

— Ясно, Кузькин!.. Ты проверь у него документы и пригласи на беседу... Посмотри, Лев! Он уходит. Догоняй!

Муромцев понял, что опоздал со своим приказом. Мужчина в бежевой куртке в последний раз взглянул на бумажный лист, потом на часы и быстрым шагом начал уходить по дорожке. Кузькин с Альбиной бросились догонять, но им путь преграждали группы граждан. Очень не хотелось по шаткому подозрению устраивать ковбойскую погоню и разбрасывать в стороны скорбящий народ. А «бежевая куртка» ускоряла ход. Мужчина уходил не в сторону кладбищенских ворот,

а на какие-то задворки, на старую пустынную территорию...

Павел успел позвонить командиру группы наружного наблюдения и бросился догонять Кузькина. И догнал!

Лев с Альбиной стояли на развилке трех дорог. Они потеряли беглеца из вида, но не упустили его. Слева и справа был виден высокий забор. Впереди тоже проглядывался забор. Но старые могилы так заросли, что «бежевая куртка» скрылась где-то за кустами.

Муромцев прислушался. Ему показалось, что слева зазвучали голоса. Но Кузькин только пожал плечами — он ничего не слышал. Но вдруг именно там, именно слева хлестко щелкнул тихий выстрел. Глушитель делал этот звук неопределенным — его можно было принять и за треск сухой ветки, и за пощечину...

Сыщики бросились на выстрел, и только Альбина осталась ждать прихода «топтунов» — сотрудников наружного наблюдения.

Муромцев с Кузькиным могли бы догнать убийцу. Они видели, как он лезет на высокий кладбищенский забор по приставной лестнице-стремянке. Они бежали в сторону этой фигуры, но чуть не споткнулись о тело человека в бежевой

куртке. Оно лежало поперек дорожки и жалобно ныло что-то невнятное. Ну, типа: «Помогите, спасите, умираю...»

Если бы это был труп, то можно было бы спокойно перепрыгнуть и продолжить погоню. Но с раненым сыщики задержались. Всего-то на две-три секунды. Но за это время силуэт убийцы успел подтянуть стремянку и перекинуть ее за забор. А потом он и сам спрыгнул на другую сторону.

Пока Кузькин вызывал медиков, Павел подбежал к трехметровой бетонной преграде. И сразу стало ясно, что дальнейшая погоня отменяется.

Можно, конечно, подозвать Кузькина, взобраться ему на плечи, подтянуться и перевалиться через забор. Но на это уйдет минута в лучшем случае... А за забором бурлила городская жизнь — позвякивал трамвай, шуршали шинами машины. И где-то совсем рядом располагались рынок и станция метро. Кого тут искать? Солнце било в глаза, и Муромцев видел на заборе лишь фигуру, лишь невнятный силуэт...

* * *

Кузькин умел рассуждать просто, но точно. Они с Муромцевым остановили машину в тихом переулке, отъехав всего километр от кладбища.

— Давай спорить, Паша, там, на заборе, сидел Иван, убийца Бакуниной.

— Не спорю!

— Тогда предлагаю пари! Сейчас нашему раненому делают операцию. Так? Какую пулю из него извлекут?

— Не умничай, Кузькин! Коту понятно, если стрелял Иван, то на пуле будет написано «Месть»... Кстати, я взглянул на паспорт этого мужика — Игорь Котенков, пятьдесят лет, прописан в Шадринске.

— Все понятно, Паша! Киллер Иван выполнил заказ по Бакуниной, а заказчик Котенков отказался платить. Тогда Иван и его...

— Может быть... Я, Лев, очень боюсь за Котенкова. Если киллер рискнул стрелять на кладбище, то он его и в больнице достанет. Надо успеть его допросить... Едем! Его куда повезли?

— На Пироговку...

— Ранау него, похоже, не сложная... Проведем допрос, и ты, Лев, останешься его сторожить.

— Надолго?

— До утра!

* * *

Рана действительно оказалась не очень сложной. Пуля ударилась в бумажник, скользнула по ребру и застряла под кожей на плече. Врач наложил несколько швов и сообщил сыщикам, что послезавтра готов отпустить пациента. Потом хирург торжественно показал пулю.

— Думаю, что это очень вас заинтересует. Конец смылся, а вот тут читаются первые буквы — «М» и еще что-то...

— Спасибо, доктор! Это слово «Месть».

— Очень интересно... Получается, что мой больной уже не первая жертва этого «серийного мстителя»?.. И за что он им мстит?

— Если бы мы знали!

— Да... Как гласит народная мудрость: «Знал бы прикуп — жил бы в Сочи».

Допросить Котенкова удалось лишь через час. Все это время пациент стонал, отходя от легкого наркоза.

Первым делом Игорь Сергеевич попросил сто граммов коньяка. Это был гнусный ультиматум! Без глотка алкоголя он не будет отвечать на вопросы. Поскольку врача в палате не было, добрый Кузькин открыл свой кейс и вытащил блестящую

плоскую флягу.

После трех глотков больной совсем ожил.

— Слушаю вас!.. Вы из прокуратуры?

— Не совсем, но очень близко... Мы — сыщики. Мы расследуем дело об убийстве Аллы Бакуниной. А теперь еще и дело о покушении на вас.

Муромцев незаметно вытащил лист бумаги, на котором было несколько строк, написанных печатными буквами, и рисунок — схема кладбища. Эта мятая записка еще недавно лежала в кармане бежевой куртки. Жестом фокусника Павел взмахнул правой рукой над кроватью.

— Что это такое, гражданин Котенков? Отвечать быстро!

— Это?.. Это письмо. Оно было в конверте. При входе на кладбище мне его дал мальчик. Сказал, что дядя попросил.

— А почему это вам?

— Так все очень просто... Я, уважаемые сыщики, писатель. Я известная личность в Шадринске. Меня там каждая собака знает. Я — юрист, бывший судья.

— Вы не ответили на вопрос!.. Почему он написал письмо вам?

— Не знаю!.. Вчера вечером я выступал в телестудии Шадринска. Я поклялся, что найду убийц

Аллы!.. И потом сразу выехал в Москву... Вы посмотрите на записку! «Приходите. Я расскажу тайну смерти Бакуниной...» Мне показалось, что кто-то хочет мне помочь...

— Вы его видели, Игорь Сергеевич?

— Нет... Только тень за кустами. Я окликнул пару раз. Он вышел — и сразу «бах»!.. А потом удар, боль и темнота.

— Почему темнота?

— Я зажмурился!

* * *

Шадринск оказался вполне приличным городом. На центральной площади сохранился пятиглавый собор. В маленьком сквере, спиной к церкви — бронзовый Ильич на постаменте. Рукой он указывал в светлое будущее — в пятиэтажку, в бетонную коробку с множеством окон. Когда-то это был горком, а сейчас мэрия славного города Шадринска.

На Соборную площадь выходило сразу шесть улиц. И в начале одной из них стояло здание в четыре этажа. Теперь этот дом занимала гостиница «Алмаз», но казалось, что в начале двадцатого века этот дворец строили для других целей. На фасаде, в холле и в номере в глаза лезли фри-

вольные барельефы — Психеи, Амуры и разные другие Купидоны.

Возле» стола администратора назревал маленький скандал... Ирина и Вадим поставили свои чемоданы и решили переждать.

Человек в мятом костюме настойчиво добивался номера «люкс». Или, в крайнем случае, «полулюкс». Проситель явно не был хамом, и администратор стандартными фразами отбивала атаки. В конце концов клиент выдохся и отошел от стола, собираясь с силами для нового наступления. Вадим Хильке-вич встал, взял у Ирины паспорт и подошел к «хозяйке гостиницы».

— Здравствуйте... Хилькевич моя фамилия.

— Для нас зарезервирован «люкс»...

Администраторша начала улыбаться и суетиться. Этот номер был в гостинице один, и распоряжался им лично мэр. А значит, приехавшие — не просто люди, а ВИП-персоны!.. Хозяйка шустро оформляла постояльцев, а неизвестный в мятом костюме притаился за колонной и прислушивался.

Номер был действительно шикарный. Три комнаты, мебель под Людовика XVI, хрустальные люстры и старинные медные краны в огромной ванной... Странно, но горячая вода в гостинице

была!

Они ехали поездом, и Ирина ждала этой минуты. В спальне она сбросила с себя все и побежала под душ.

Когда в ванной за полузакрытой дверью зажурчала вода, кто-то постучал в номер. Хилькевич машинально открыл, и в гостиную ворвался мятый человек из холла.

— Я слышал, что вас зовут Вадим. Очень приятно! Очень... Хочу представиться — профессор Эдуард Бэр... Бэр — это такая фамилия из трех букв: Борис, Эдуард, Роман...

— Я понял... Мы вот только приехали. Я слушаю вас, товарищ профессор.

— Понимаю, Вадим, что я очень назойлив, но таковы обстоятельства... Если коротко, то на Круглом озере найдены курганы. По всем прикидкам, под ними нас ждут шедевры.

— Золото Трои?

— Почти!.. Но на раскопки нужны деньги. И в ближайшие дни мне предстоят встречи с местной знатью и всякими олигархами. А меня поселили в двухместный номер с соседом из солнечной Грузии... Вы поняли мою мысль?

— Нет, профессор... Я не очень тупой, но не понял.

— Для переговоров мне три-четыре раза в неделю будет нужна вот эта гостиная.

Профессор Бэр танцующей походкой проскакал по персидскому ковру и плюхнулся в огромное кресло рядом с настоящей пальмой. Он мельком взглянул на полуоткрытую дверь, за которой журчала вода. По этому поводу у него мелькнула какая-то мысль, но он сразу вернулся к главному.

— Я понимаю, Вадим, что причиняю вам неудобства. Но это не бесплатно!.. Студенты у нас живут в палатках. А в стороне, прямо на берегу озера построены три легких домика. С посудой и мебелью! Один из них — ваш!.. В пяти метрах пляж. Рядом рыбалка. Птички поют, бабочки летают...

— Да, но...

— Никаких «но»!.. Даже не благодарите!

— А транспорт? Скажите, профессор, как отсюда добраться туда?

— Транспорт — это вопрос! Надо думать...

И он задумчиво уставился на дверь в ванную... А там перестала журчать вода, и через двадцать секунд оттуда вышла Ирина... Из одежды на ней было короткое полотенце, наброшенное на плечи.

* * *

Вечер подкрался незаметно... Кузькин не очень верил, что киллер попытается дострелить Котенкова. Даже если Иван захочет исправить свою кладбищенскую ошибку, то он может это сделать через три дня, через неделю, через месяц.

Но Лев Львович получил приказ! Приказы не обсуждаются, а выполняются — четко и, желательно, с инициативой!

Если тупо делать свое дело, то надо было всю ночь охранять писателя из Шадринска. Всю ночь с пистолетом в руке смотреть на ручку входной двери. Всю ночь прислушиваться и не спать!.. А Кузькин с вечера зевал и протирал глаза.

Чтоб взбодриться, Лев начал знакомиться с медсестрами из ночной смены. Они только что заступили на свои посты. Они были бодры, веселы и игривы... Если тебе за сорок, то не так просто вести флирт с молодыми девочками! А Кузькин умел это делать в совершенстве. Ему казалось, что перед ним ни одна не может устоять.

Начал он, естественно, с дежурной по этажу. Она тоже была молода и этим прекрасна!.. Хотя глаза ее были серые и блеклые, веснушки слишком крупные, нос слишком курносый. И звали ее

просто — Наташа.

— Красивое у вас имя... И редкое. Сейчас не так много настоящих Наташ!

— Ой уж! Редкое имя? У нас даже в группе было еще три Наташки.

— Нет, у них было другое имя. Пишется оно вроде бы и так, но звучит грубо и зло. Как шипение кобры — Наташа!.. А ваше имя? Вы вслушайтесь, как звучит! Это музыка, это полонез Огинского!.. Наташа...

— Ой... И правда...

— Дайте свою ручку, Наталия. Я умею гадать... Ах, какие линии!.. Но вы одиноки. И вам еще никто не говорил правду. А почему?

— Почему?

— Вас боятся! Все трепещут перед вашей красотой!.. Вот вам говорили, что у вас прекрасные, колдовские, волшебные глаза?

— Нет... Вернее — девчонки говорили про глаза, но совсем другое.

— Врали! Боялись вас и завидовали... У вас глаза, как синее небо! Нет — как прохладные озера в жаркий полдень. Хочется нырнуть в них и никогда не выплывать.

— Вы прямо поэт, Лев Львович... А вот веснушки меня портят!

— Нет!.. Они как луга ромашек вокруг голубых озер...

— Это точно! Как аптечные ромашки — яркие, крупные и желтые... А как же вы спать будете, Лев Львович? В шестой палате у раненого всего одна кровать.

— А я, Натали, вовсе не буду спать. Мне велено сторожить клиента. Вдруг ночью кто-то попробует застрелить его окончательно.

— Как интересно!.. А если вас спрятать? Я так в кино видела... В ординаторской два дивана. Я вас туда обоих запускаю и запираю... А в шестой палате на кровать кладем куклу из одеял...

— Отличный план! Вы, Наталья, не только красивы, но и умны... Но если киллер появится, то вы сразу звоните в ординаторскую! Договорились?

— Есть, товарищ командир!

План и действительно был хорош, но только в общих чертах. Он не учитывал маленькой мелочи. А классики учат, что дьявол всегда прячется в мелочах. Так вот, этот план не учитывал, что бывший судья Котенков в свое время часто ночевал в кабинетах. И он привык на ночь отключать телефоны.

Вот и сейчас, когда Кузькин уже спал, Игорь Сергеевич дошел до стола и выдернул провод из

телефонного аппарата...

Иван пришел в час ночи. Он уже знал, что Котенков в одноместной палате номер шесть. Он проник в больницу через люк прачечной. Потом поднялся наверх и, крадучись, пошел по длинному коридору. Еще издали он заметил, что на посту горит свет и какая-то медсестра склонилась над книгой.

Киллер не собирался убивать девушку. Пусть себе сидит и читает. Но он и сам не знал, как поступит, если медсестра встанет и преградит ему путь.

Но Наташа не встала! Она хотела, но испуг приковал ее к стулу. Она только тихо прошептала ему вслед: «Вы куда, гражданин?..» И от страха веснушки у нее стали яркими, желтыми и крупными, как цветки аптечной ромашки... «Гражданин» не ответил и пошел дальше. Наташа заметила, как он зашел в шестую палату. И вот тогда она начала звонить в ординаторскую.

Номер был занят! Наташа сразу поняла, что этого быть не может. Проще просто встать и добежать до маленького холла, где в закутке красовались две двери — начальника отделения и ординаторской... Но встать Наталья все еще не могла.

И вот в больничной тиши раздались два хлопка. Медсестра регулярно смотрела сериалы! Она знала, что киллеры стреляют из пистолетов с глушителями. А значит, два хлопка — это два выстрела в куклу на кровати!.. Вот сейчас убийца увидит, что вместо крови во все стороны летит пух, перья и обрывки казенных одеял. Он все поймет, разозлится, выскочит в коридор и начнет стрелять всех, кто попадется под руку... А кто ему попадется первым?

Наташка сорвалась со стула и, стуча каблуками, побежала в сторону запертой ординаторской. У двери она никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Она тряслась и, то громко, то тихо, кричала одно странное для больницы слово: «Лев! Лев! Лев...»

Наконец ключ провернулся, дверь распахнулась, и в коридор выскочил Лев Кузькин — босой, в трусах и с пистолетом... И в своей спешке он был прав! Натянуть брюки — пять секунд, но тогда бы сыщик не успел заметить в конце коридора спину убегающего Ивана... Атак — успел!

Кузькин бежал по следам киллера, отставая на десять-пятнадцать секунд. Он бежал, своим видом распугивая сонных сестер с других этажей. Бежал, пока не уперся в дверь, за которой скрылся

киллер.

Это было где-то в подвале... Лев четко слышал, что за дверью кто-то скрипит и скрежещет. Он направил пистолет в сторону хилого замка и выстрелил!.. Потом — еще! Еще! Еще!..

После пятой пули замок не выдержал...

Это был склад грязного белья. Часть его была свалена в куче, а часть упакована в мешки. Кузькин понял, что мешки периодически вывозят, выгружая их через люк, который сейчас настежь открыт.

Лев подошел к стене, забрался на три ступеньки и выглянул наружу. Сверху беззвездное московское небо. Справа заросли больничного парка, а слева забор, за которым взвыл двигатель какой-то иномарки. Машина сорвалась с места и понеслась по ночному городу.

Через десять секунд звук мотора затих. Кузькин был уверен, что за рулем ночного гонщика был Иван, а значит, и догонять его бесполезно... Можно было объявить план «Перехват», но кого перехватывать? Нет ни цвета машины, ни марки, ни номера...

Лев услышал сзади звук шагов и скрип разбитой им двери. Он обернулся.

Вошла Наташа. В одной руке она держала ста-

рые туфли Кузькина, а в другой — его же брюки...

* * *

У Муромцева была странная манера вести совещания. Трудно было понять — когда он шутит, а когда говорит серьезно... Именно поэтому он мог устроить опытному Льву Кузькину выволочку, указывая на его непрофессионализм.

— Ну и как же это понимать, товарищ майор?.. Позор! Для всей нашей службы — пятно!.. Упустил, Лев, киллера?

— Да, тут я упустил... Аты скажи, Паша, кто злодея на кладбище проворонил?

— Вот тут мы вместе оплошали... Значит, так! Завтра Котенков на своей машине собирается ехать в Шадринск.

— Боится в Москве оставаться?

— Да, боится... И здесь он прав! Но дело в другом. Покушение на Котенкова явно показывает, что концы ведут в Шадринск...

— Послушай, Паша, а может, мне сопроводить Котенкова. Вдруг его по дороге шлепнут?

— Мысль очень правильная! Только сопровождать клиента поеду я... А ты, брат Кузькин, завершай проверки в Москве и через пару дней подгребай к нам в Шадринск... Я нюхом чую, что

там крупная заварушка может начаться.

* * *

Профессор Бэр оказался мужчиной стеснительным и стыдливым. Мало того, что он не мог смотреть Ирине в глаза, он извинялся перед ней при каждом удобном случае. И тогда при их первом знакомстве в номере «люкс», и в холле гостиницы «Алмаз», и в салоне черной «Волги», которая везла всю компанию на место раскопок, на озеро Круглое...

Два часа, которые прошли после приезда в Шадринск, оказались очень результативными. И не только из-за эпизода с Эдуардом Бэром...

Не успела Ирина одеться и выслушать извинения профессора, как в номер позвонил полковник Малько — это местный начальник УВД. По каким-то каналам ему сообщили, что генерал Вершков из Кремля просил содействовать паре сыщиков из Москвы... Первым подарком Павла Ивановича была черная служебная «Волга», прикрепленная на все время командировки.

Потом Багрова придумала оригинальный способ для установления контакта с корреспондентом Рихардом Зорким. Она позвонила главному редактору шадринского «Народного дела», пред-

ставилась академиком и сообщила, что вместе с профессором Бэром готова дать газете эксклюзивное интервью об уникальных раскопках на Круглом озере. И это при одном условии — редакция должна прислать известного журналиста Зоркого... Примитивно, но сработало. Через сорок минут лохматый Рихард был около гостиницы.

По пути на озеро Круглое каждый занимался своим делом. Рихард пытался наладить диктофон, Хилькевич обозревал окрестности, Ирина наблюдала за журналистом, а профессор пытался рассказать что-то о курганах. При этом он сбивался и успел три раза извиниться перед Багровой.

— Так сегодня неудобно получилось... Ирочка, я просто чувствую себя хамом. Простите меня, ради бога!.. Вы вполне могли принять за маньяка... Товарищ журналист, в вашем милом Шадринске были когда-нибудь настоящие маньяки?

— Были, профессор... Но всего один раз, и очень давно. Это было двадцать лет назад.

Багровой показалось, что Рихард слишком серьезно воспринял вопрос профессора. Так, будто это касалось его самого или его близких.

Озеро и действительно было круглым. Как огромная цирковая арена или фонтан. Студенты галдели на курганах вдали от домиков, в одном из

которых жил Эдуард Бэр. А в соседнем щитовом сарайчике профессор поселил Ирину с Вадимом.

Новоселье заняло пять минут, а потом Багрова утащила журналиста к воде, где на широких мостках, построенных для рыбалки, стояла скамейка. Рядом с берегом не было очень глубоко. Было видно песчаное дно, крупные ракушки-перловицы и водоросли, которые красиво колыхались. Все сверкало, переливалось, манило. Правильно говорят, что можно бесконечно смотреть на воду, на огонь, на бегущие облака. И при этом человек становится душевнее, добрее и разговорчивей.

— Красивые здесь места, Рихард. Да и сам Шадринск приятный город... Вот только вы нас маньяком испугали.

— Не бойтесь, Ирина. Это давно было... Я тогда маленьким мальчиком был. Сам бы не вспомнил. Да вот последние события напомнили.

— Вы про убийство Бакуниной? Оно как-то связано с этим маньяком?

— Да... Но как вы догадались?.. Я понял, Ирина! Вы — сыщики. И прислал вас генерал Вершков... Это правда?

— Правда!.. А сюда на озеро я вас заманила, чтоб спокойно поговорить о ваших подозрениях.

— Подозрения есть! И не у меня, а у моей ба-

бушки. Она лучше помнит то время... Ирина, у вас есть диктофон?

— Есть.

— Включайте!

— Он давно включен...

— Ясно!.. Да, со спецслужбами шутки плохи... Тогда, Ирина, слушайте...

В рассказе Рихарда было много любопытного, но не было главного. Не было доказательств и прямых улик против кого-нибудь.

Дело было так... Двадцать лет назад в Шадринске произошло убийство десятиклассницы. Преступление гнусное и грязное! Но следов осталось очень мало. И милиция взялась за дело без энтузиазма. Они думали, что город пошумит немного и успокоится. А через десять дней нашли вторую убитую школьницу. Через неделю — еще одну девушку.

Самым страшным показалось то, что все жертвы были из одной школы!.. Более того — из одного класса!.. А бабушка Рихарда, Мария Ивановна Зотова, в те годы была директором этой школы.

— Постойте, Рихард... Ваша бабушка — Зотова. А вы?

— Правильно догадались, Ирина... Рихард Зоркий — это мой псевдоним. А так я просто Роман

Зотов...

— Нормально... Я тебя, Рома, буду всегда звать Рихардом. Это круто!

— Да не очень круто. У меня с тем разведчиком только инициалы и совпадают... Слушайте дальше, Ирина...

Дальше начиналось самое интересное... После третьего убийства в свой родной город Шадринск приехала Аила Бакунина. Тогда она была начинающей московской журналисткой. Известной, но в очень узких кругах. Не было у нее своей темы, своей ниши...

Уже через два дня после ее приезда в центральной газете появилась первая статья о шадринском маньяке. Бакунина смело критиковала местные партийные органы, городскую милицию, руководство школы... А через три дня арестовали маньяка. Им оказался Дмитрий Асадов, учитель этой школы. Но, мало того — член бюро горкома.

И вот тут Алла сочинила статью, которая прогремела по всей стране. Это был ее звездный час. Это было рождение оппозиционной журналистки Бакуниной — «Золотого пера России»... Потом были статьи про следствие, про суд, про гнев народа и про вину системы...

— Рихард, а почему твоя бабушка считает, что

убийство Бакуниной связано с тем маньяком?

— Я тоже ее спросил... Она у меня с юмором. Она ответила одним словом: «Интуиция».

* * *

Котенков вел машину осторожно. Мешало перевязанное плечо. Оно не болело — оно заживало, но при этом ныло и назойливо чесалось.

Они выехали утром. Расстояние от Москвы до Шадринска было нормальное — не далеко и не близко.

Муромцев ехал сзади, наблюдая за обстановкой... Они договорились, что каждые полтора часа будут сворачивать в лес и устраивать «большую перемену» — разминаться, пить кофе и все такое прочее.

На первой же стоянке Котенков расслабился и начал говорить то, о чем молчал в больнице.

— Я знал Аллу очень хорошо. Мы с ней учились в одном классе... Она уже тогда выделялась из всех. Она искрилась, как сноп бенгальских огней... Очень яркая девочка! Все были влюблены в Бакунину.

— И вы?

— И я! А вы плохо представляете меня влюбленным мальчиком? И напрасно! Я, Павел Ильич,

был очень симпатичным парнем... И куда все делось?

— Ну а как сама Бакунина к вам относилась?

— Как? Очень положительно... Мы с ней дружили!

— В каком смысле, Игорь Сергеевич?

— В том самом, Павел... У нас была любовь по полной программе. Ну, естественно, со ссылкой на возраст и неопытность... Так что я для Аллы не чужой человек.

— А что было дальше?

— Дальше был выпускной вечер. Потом — проводы Бакуниной в Москву... Она поступила в МГУ, а меня забрали в армию. Вот и вся любовь!

— Неужели вы ее больше не видели?

— Видел, Паша!.. Двадцать лет назад она приехала, когда в Шадринске появился маньяк. Но у меня уже была жена и двое детей... Это совсем другая история!.. Поехали, Павел Ильич! Переменка кончилась.

Муромцев понимал, что давить на Котенкова бесполезно. Он сам все расскажет через день или два.

На следующих остановках Игорь Сергеевич не возобновлял воспоминания о школьных годах и о последнем приезде Бакуниной в Шадринск.

Но зато Котенков вспомнил медсестру, которая в больнице делала ему последний укол.

— Странная она какая-то!.. Колола дольше, чем обычно, и все время спрашивала: когда уезжаю, куда, с кем, какой дорогой...

— Возможно, она спрашивала это машинально. Так, для поддержания беседы.

— Какая беседа, когда я лежал, выставив голый зад!.. Нет, Павел, я чувствую, что был у нее какой-то интерес... Вот какой?

— Приедем в Шадринск — там все узнаем.

— Узнаем... Это если приедем...

Шадринск находился в стороне от основной трассы. За тридцать километров до города пришлось свернуть на тихое шоссе, большая часть которого проходила через лес.

Дорога нервировала Муромцева. Раздолбанный асфальт, постоянные повороты, высокие кусты у самой обочины... Если и делать засаду на бедного Котенкова — то это здесь!..

Они проехали поселок с красивым названием Кирпичный. На окраине стоял пост ГАИ — бетонная будка с окном, смотрящим на дорогу... Муромцев глянул в зеркало заднего вида и обнаружил странное совпадение — сразу после их проезда из будки выскочило двое ментов. Один

оседлал мотоцикл, а другой бросился за руль служебных «Жигулей».

Через километр начался лес. И в этот момент сзади противно завыла милицейская сирена. Идущий впереди Котенков не мог ее не услышать. И в ответ на этот призывный гул он просто увеличил скорость. Ему помогало то, что участок шоссе от Кирпичного до Шадринска недавно ремонтировали. Здесь не было евроасфальта, но вполне можно было разогнаться до ста двадцати...

Муромцев не мог отпустить Котенкова и, естественно, тоже увеличил скорость!

Менты чуть отстали, но через минуту включили форсаж и стали приближаться, выжимая все из наших родных моторов... Там, где основная дорога делала петлю, огибая холм, мотоциклист свернул на боковой проселок. Он гнал вперед, срезая дорогу...

Через три минуты Муромцев увидел посреди дороги лейтенанта, соскочившего с мотоцикла... Котенков успел проехать, а Павлу пришлось, сжигая шины, резко тормозить. А что делать? Мент стоял с автоматом и с решительным выражением лица. Еще стрельбы здесь не хватало!

Муромцев остановился за двадцать метров до мотоциклиста, спокойно вышел из машины,

улыбнулся и полез за удостоверением. Но лейтенант оказался из пугливых. Он вскинул автомат и дал короткую очередь в асфальт. Пули легли совсем рядом, и каменные крошки больно ударили Павла по коленям.

Сзади заскрипели тормоза «Жигулей». Ясно, что это чуть отставшая милицейская машина. Павел оглянулся — так и есть! Открылась дверца, и на дорогу вышел крупный мужик в форме сержанта. И самое противное заключалось в том, что и этот громила был тоже с автоматом.

Муромцев попытался начать переговоры. Он обращался сразу к обоим:

— Ребята, вы зря это делаете. Я — свой!.. У меня документы в кармане.

Но очевидно, что лейтенант был на взводе. Он начал кричать что-то несуразное:

— Молчать!.. Лечь на землю!.. Руки вверх!

Муромцев замолчал, лег грудью на асфальт, но вот поднять при этом руки не смог. Почти сразу на него навалился сержант. Этот бугай надавил коленкой на поясницу и, звеня наручниками, начал заламывать руки.

Павел решил обратиться к начальству:

— Лейтенант, я официально предупреждаю: ты срываешь операцию... Нет, ну просто мыльная

опера!.. Я — майор Муромцев из Службы особого назначения.

— Нет, ты послушай, Казанцев, он врет точно так, как говорили... Нам все известно, задержанный! Колись, гад, где наркотики?!

— Дурак ты, лейтенант!.. Ты сначала личность мою установи, а потом ори... Удостоверение во внутреннем кармане. Там и пистолет наградной. Посмотри — от кого!

— Ты действительно, Казанцев, сразу начал руки заламывать... Посмотри, что там у него во внутреннем кармане.

Через пять минут они уже смеялись над «удачным задержанием наркокурьера». Оказалось, что час назад кто-то позвонил в УВД Шадринска. И не просто в Управление, а лично начальнику — полковнику Малько. Позвонивший аноним сообщил о переброске в город наркотиков. Он дал номер машины Муромцева, его приметы и время, когда тот проедет Кирпичный. Все совпало!

Более того, аноним сообщил, что наркокурьер будет врать, что он сотрудник спецслужб, что сопровождает писателя Котенкова. И это совпало!

Сначала перестал смеяться Муромцев. Потом — лейтенант. Затем — громила, сержант Казанцев. Все почти одновременно поняли, что кому-то

очень надо было выключить из игры Павла, который охранял Котенкова. Кому это надо? Ответ напрашивался сам собой!

Все трое бросились к своим машинам. Приключение с захватом Муромцева длилось пятнадцать минут. Если Котенков не снижал скорость, то он мог проскочить более двадцати километров и уже быть на окраине Шадринска. Мог, но не успел!

Через пять километров они наткнулись на машину, съехавшую с дороги и уткнувшуюся в березу. Сам писатель сидел у другой березы. По красному пятну на груди и по всему его внешнему виду угадывалось, что доктор Котенкову уже не нужен.

Сержант прощупал тело — пульса не было...

Лейтенант обратился к Муромцеву:

— Я думаю, что надо нашего судебного медэксперта вызывать. И криминалистов — пусть поищут следы... Вы как думаете?

— Все правильно, только толку от этого не будет...

* * *

Кузькин приехал утренним поездом. Его встретил Вадик Хилькевич и сразу отвез в гостиницу

«Алмаз». Теперь стало понятно, почему генерал заказал трехкомнатный номер. Для оперативной группы из четырех человек не так уж просторно.

Вместо большого совещания Муромцев ограничился тремя фразами. И так всем ясно, что убийство Бакуниной связано с Шадринском. Более того — убийца где-то здесь. Или в городе, или рядом с ним. Надо искать!.. Первый шаг — визит к Павлу Ивановичу Малько, местному начальнику УВД.

Вчера вечером Муромцев так и не смог встретиться с Малько... Когда приехала оперативная группа, Павел быстро дал показания и уехал в Шадринск. А полковник в это время сам приехал на место убийства Котенкова.

И только сегодня утром они договорились о встрече. Машина была не нужна. Группа Муромцева спокойно прошла до УВД пешком — надо было лишь пересечь Соборную площадь.

Малько был в таком возрасте, когда полковнику ничего не страшно. Он заработал полную пенсию!.. Вот сотрудников, кто прослужил десять, пятнадцать, семнадцать лет, можно было припугнуть увольнением. А при календарном стаже в тридцать пять лет — ничего не страшно. Но в любом случае, гостей из Москвы надо принимать

с предельной вежливостью.

— Проходите, ребята, садитесь... Сейчас, как говорится, принесут чай-кофе и легкие закуски.

— Спасибо, товарищ полковник, мы завтракали.

— Так есть не обязательно. Это все для антуража, для создания домашней обстановки... И никаких «полковников»!.. Ты, Муромцев, просто Паша, мой тезка. А я для вас — Павел Иванович... Я вас всех знаю. Ирочка Багрова, Лев Кузькин и Вадим Хилькевич. Все — корифеи! Сыщики-асы!

Начало беседы было многообещающим. Первые полчаса Малько говорил о случаях из жизни, о рыбалке на Круглом озере, о красотах Шадринска... Муромцев три раза пытался перевести стрелки в деловое русло, но полковник умело выруливал на свою колею.

Наконец Паша не выдержал и встал.

— Вы извините, Павел Иванович, у нас со временем туго... Хотелось бы посмотреть документы по убийству Котенкова... Мы бы хотели присутствовать при обыске на его квартире, поговорить с людьми на его бывшей работе... Он же пять лет назад был судьей?

— Да, пять лет назад... Но я вас, ребята, не пойму! Нет! Так у нас не пойдет... Я получил указание

содействовать вам по убийству Бакуниной. Вот тут я готов всей душой... А Котенков — наш человек! И убит он у нас! И расследовать дело будем мы. И только мы!

— Но, Павел Иванович, в этих убийствах явная связь прослеживается... Нам можно посмотреть старое дело по маньяку в Шадринске? Об этом деле как раз много писала Бакунина...

— Так это когда было!.. И опять я вас не пойму. Вы не путайте мне котлеты с мухами! Котенков — отдельно, Бакунина — отдельно, а «маньяк» совсем с другого боку-припеку... Вы, ребятки, налегайте на бутерброды. Замечательная ветчина! Местный производитель...

— Но мы, Павел Иванович...

— Никаких «но»... Бакунина была известным в городе человеком. Сходите в местный музей — там про нее стенд есть... Расследуйте, одним словом...

На обратном пути все молчали. И не только от злости, а и от размышлений. Ясно, что Малько играет какую-то свою игру. Он хитрая бестия, но мы видали и похитрее!

Они задержались в сквере, в центре Соборной площади. Все ждали выводов Муромцева, но он начал с вопросов:

— Мы где сейчас были? Это УВД или что такое?.. Это был театр! Малько устроил нам представление на манер мыльной оперы... Ладно, проехали! Надо работать... Я еду в школу, где работал тот маньяк. Мне кажется, что этот эпизод в центре клубка... Слушай, Лев!

— Слушаю внимательно!

— За тобой Городской суд. Кто работал вместе с Котенковым, вел ли он дела, из которых могла родиться эта «Месть»?.. Ну, ты сам все понимаешь...

— Нет вопросов!

— Так... Вадим, за тобой морг. Результаты вскрытия, пуля и все такое... А ты, Ирина, посмотри окружение Котенкова в последнее время... Если нет вопросов, то разбежались!

И Муромцев решительным шагом пошел искать школу, где двадцать лет назад учил детей Дмитрий Астахов, которого потом осудили как маньяка, как серийного убийцу...

Кузыщн, оставшись за старшего, решил дать советы:

— Тебе, Вадим, официально в морге ничего не дадут. Я думаю, что Малько уже постарался предупредить... Ты узнай, кто там судмедэксперт. Если женщина, то я тебе помогу. Тут у меня никогда сбоев не было...

* * *

Московские школы в новых районах не очень уютные. Они все очень одинаковые и скучные. А вот седьмая школа Шадринска была построена сто лет назад. При открытии она называлась «Классическая гимназия».

Понятно, что в разные годы здание перестраивали, многократно меняли вывески, портреты на стенах и стенды в холле. Но во всех помещениях витал дух тех, кто здесь работал, кто учил и учился... Первый выпуск гимназистов прошел в самый разгар революции. А потом здесь было общежитие, курсы военных связистов, текстильный техникум. И уже сорок лет — нормальная «Средняя школа номер семь».

Алла Бакунина окончила это заведение тридцать лет назад. Очень мало осталось тех, кто учил ее, кто учился с ней и кто ее помнил. Но Паше Муромцеву повезло. На входе он уткнулся в пожилого охранника, предъявил ему удостоверение и сразу встретил радушный прием.

— Это вы по поводу Аллы Бакуниной?.. Угадал?

— Да. Мы расследуем это дело... Тут нет большого секрета!

— Какой секрет! Уже пятый день все в школе

шушукаются насчет ее убийства... Все знают, что она здесь училась, а детали про нее никто не помнит. Никто, кроме меня!.. Я не представился?.. Беднов Максим Борисович, бывший майор...

— А какого рода войск, если не секрет?

— Не секрет, конечно... Я служил в МВД... Зам начальника ГАИ города... Так вот, я вместе с Бакуниной учился. Но когда я заканчивал школу, а она еще в пятом классе была... Но вот моя жена с Аллой до выпускного на одной парте сидела... Подружки были — не разлей вода!

— А где сейчас ваша жена?

— Дома! И она очень много знает!.. Могу ее сюда вызвать, если хотите? Или допросите ее на квартире? Наш дом рядышком — три квартала отсюда... Как скажете, товарищ Муромцев...

Пока Павел искал квартиру Бедновых, хозяйка в спешном порядке переодевалась, причесывалась и наводила порядок в гостиной, которую она смешно называла «залой».

— Ой, товарищ Муромцев, вы уже пришли, а у меня зала не убрана... Я последние дни так переживала по Аллочке. Думала, что меня сразу будут допрашивать. А наши лопухи не дернулись, даже когда Игорька застрелили.

— А вам, Зоя Федоровна, есть что сказать?

— Ой, товарищ Муромцев, у меня есть масса версий. Я вам сейчас разложу их по всем полочкам...

Версий у Зои Бедновой оказалось не так много — всего одна!.. И это даже не версия, а набор интересной информации из школьной жизни Аллы Бакуниной и Игоря Котенкова...

Эти двое, как и Зоя Беднова, учились в одном классе. Начиналась последняя школьная весна. Дело шло к выпускным экзаменам. И вдруг у Аллы и Игоря случилась любовь... Это был бурный роман, о котором знала вся школа, включая уборщиц и учителей.

Невольно в этой истории Зоя сыграла роль провокатора — она передала Алле ключи от теплой зимней дачи. И влюбленные провели там воскресенье... Все бы ничего, но у идиота Котенкова был с собой фотоаппарат. И он запечатлел сначала одну Бакунину как Венеру, а потом и их обоих в позах скульптур Родена...

Случайно так получилось, что эти фотографии стали гулять по школе. Поговаривали, что это сама Алла покрасоваться решила... И все это произошло перед Первомаем! Назревал не просто скандал, а скандал с политическим оттенком. Директор школы Зотова пыталась историю замять,

ссылаясь на Ромео с Джульеттой. Но комсомольский лидер Дима Асадов раскрутил все по полной программе. Правда, из комсомола ребят не исключили, но заставили прилюдно покаяться и обоим закатили строгача с занесением...

— А через десять лет Димка Асадов оказался маньяком. И Аллочка в статьях его так пропечатала, что мало никому не показалось!

— Понятно... А какая у вас версия, Зоя Федоровна?

— Ой, товарищ Муромцев, если бы я знала... Я думаю, что Бакунину из мести мог убить Асадов, но зачем ему Котенков — не ясно... А если ее убил Котенков, то кто убил его?.. Я совсем запуталась!

— Да, Зоя Федоровна, это дело запутанное... Но спасибо вам за информацию!

* * *

Хирургом, проводившим вскрытие Котенкова, оказалась женщина средних лет. Вадим Хилькевич побоялся выходить с ней на контакт. Он боялся провалить дело. Тут нужен крупный специалист по тонкой женской душе... Тут нужен Лев Кузькин!..

Оперативник должен уметь перевоплощаться... Кузькин всегда таскал с собой парик, очки,

усы и всякий шпионский грим. Сегодня все это понадобилось. За пять минут у Вадика появились противные усики, синяк под глазом и другие атрибуты городского хулигана...

Черная «Волга» притаилась у морга... Ирина сидела за рулем и на всякий случай не глушила двигатель. Кузькин инструктировал Хилькевича, а тот морально готовился к совершению нехороших поступков. Ему предстояло и словом, и делом оскорбить незнакомую женщину...

Патологоанатом Дарья Носова всегда с работы ходила пешком. Для этого было много причин. Первая — Шадринск город маленький, и за полчаса его можно пройти из конца в конец. Вторая — банальная экономия денег. Третья — при такой «убойной» работе вечерние прогулки очень полезны для нервов. И последняя — в пустой квартире Дарью никто не ждал, и она оттягивала время прихода домой.

Ей было сорок. Она слышала, что в этом возрасте жизнь только начинается. Она очень надеялась и верила в это, но никаких приятных событий не происходило. Не только принц на белом коне не встречался — вообще не было никаких знакомств. Почти каждый день сослуживцы привозили к ней новых мужчин, но это были

трупы, которые она кромсала вдоль и поперек.

Сегодня Дарья вышла совсем поздно. Уже смеркалось, и она решила не идти через парк, а прогуляться по освещенной улице. Правда, в этом случае в конце пути ей придется идти через пустырь, а потом и проходными дворами.

Вначале она шла медленно, разглядывая знакомые витрины. И «Волга» двигалась за ней рывками — двадцать метров пути, короткая остановка, и опять вперед.

Когда Дарья свернула направо, на улице стало меньше витрин и прохожих. А потом и фонарей стало меньше — начался пустырь...

Хилькевич вышел первым. «Волга» промчалась вперед, обогнав судмедэксперта Дашу Носову. Где-то за кустами машина притормозила, из нее выскочил Кузькин и стал ждать развития событий...

Вадим с азартным настроем уже догонял женщину. Он угрожал ей и невнятно ругался... Дарья ускорила шаг, но и «хулиган» резво побежал. Он догнал ее, схватил за плечи и злобно прокричал: «Деньги давай! Или убью».

Носова попыталась вырваться, но у Хилькевича была железная хватка. Он ждал, пока появится Кузькин. А тот уже бежал навстречу с криком:

«Отпусти ее, гад! Не трогай женщину...» Потом началась потасовка и активный обмен ударами. В результате преступник с позором бежал, а Лев Кузькин лежал на траве и стонал. Понятно, что Дарья не могла бросить своего спасителя.

— Что с вами? Вам очень больно?

— Больно, но не смертельно... Ребра он мне немного помял и брюки порвал.

— Пойдемте ко мне. Я врач. Я вас осмотрю, а потом брюки зашью... Спасибо вам! Я как-то совсем растерялась... Спасибо!

— Пустяки... Вот брюки зашить — это хорошо бы. Я только что из Москвы в командировку приехал, а в гостинице мест нет. Мне еще ночлег искать, а с такими брюками это просто тихий ужас...

— Простите, но переночевать вы можете у меня... Вы же мой спаситель!

— Но неудобно как-то. А если ваш муж будет против?

— Нет, муж не будет против... У меня нет пока мужа.

Последние слова Дарьи взбодрили Кузькина. Даже когда он сидел в трусах, прикрывая колени пледом, а хозяйка пыталась зашить огромную дыру в его штанах, и тогда он обсуждал эту про-

блему.

— Не пойму я, Даша, современных мужчин! Куда они смотрят?.. Вот вы — красавица!

— Ну что вы, Лев... Я, конечно, не уродка, но...

— Не возражайте, Дарья! Вы — красавица. Вы — умница и человек чистой души... Вы — ангел, а мужики — дураки безмозглые! Упустить такой бриллиант!

— Вы, Лев, подхалим и льстец... Но мне приятно... У меня все готово! Надевайте ваши брюки и разливайте вино. А я пойду быстро приготовлю ужин. Будем праздновать наше знакомство!

Дарья с загадочной улыбкой убежала на кухню, а Кузькин быстро выполнил все, что она велела — натянул штаны и наполнил бокалы красным вином «Мерло» местного завода. Теперь оставалось последнее действие. Лев достал свой кошелек, где среди монет лежала маленькая плоская коробочка. А в ней — три таблетки...

Лев чувствовал, что делает гадость. Но он знал, что есть профессии, где очень напряженно с добротой и моралью. И адвокат, и врач, и сыщик, и финансовый инспектор — все они ради высокой цели могут сделать очень плохо конкретному человеку. И Кузькин сделал это! Он взял одну таблетку и опустил в бокал, стоявший перед креслом

медицинского эксперта Носовой...

Он что-то шутил, а Даша смеялась и с восторгом смотрела на Кузькина. А ему от этого становилось тошно на душе — вот сейчас эта доверчивая женщина выпьет и вырубится на час.

— Лев, мы еще не выпили ни разу!.. У меня тост — «За удачный день»!

— Я понял, Даша! Сегодня вас наградили орденом?.. Вы, вообще, в какой сфере трудитесь?

— Я медик, хирург...

— И сегодня вы кого-то оперировали? Кого-то вытащили из лап смерти?.. Угадал?

— Да, но не совсем... Я сегодня, Лев, вытащила пулю из одного человека, и этим помогла следствию. Мне сам начальник УВД звонил, обещал завтра заехать и забрать.

— Так, значит, она пока у вас?

— Кто?.. Пуля?.. Да, она у меня в сейфе...

— Вот и отлично, Дарьюшка!.. Тогда пора пить. Но не просто, а на брудершафт... Это так — пьем до дна, целуемся и переходим на «ты».

— Отличная идея... Я согласна...

Они скрестили руки с бокалами, торопливо выпили все вино и стали целоваться. Дарья со студенческих лет не занималась этим делом. Она забыла, как это хорошо. Она забыла, как от этого

кружится голова... И не только кружится голова, но и очень хочется спать...

— Лёвушка, ты просто сводишь меня с ума... У меня коленки ватные и мысли путаются.

— А ты отдохни... Давай я тебя на диван положу.

— Ой, зачем так сразу?

— Да я не в этом смысле. Ты поспи пять минут, и все пройдет...

Лев уложил Дарью на диван, и она мгновенно заснула... Тогда он вынул из ее сумки связку ключей и открыл входную дверь. Там на площадке, нервно переминаясь с ноги на ногу, его ждал Вадик Хилькевич.

— Держи, Вадим, ключи... У вас сорок минут. Пуля в ее сейфе... И не надо там ее фотографировать. Подмени — и все дела!

— Ну ты скажешь, Лев! Чем можно подменить пулю?

— Другой пулей... Я неделю назад в тире был. Вот в кармане завалялось несколько штук. Выбирай!

* * *

Им и раньше приходилось проводить ночные нелегальные обыски. Но это было в квартирах, на

дачах или в офисах фирм. Морг трудно назвать офисом. Тем более морг Шадринска...

Они оставили машину за сто метров до объекта.

Времени было мало, и пришлось действовать без разведки. Впрочем, свет в морге горел, но лишь в одном окошке — в сторожке у входа. Это был полуподвал, и надо было наклониться, чтоб заглянуть внутрь.

Вадим наклонился и заглянул... В низенькой светелке беззвучно работал телевизор, а вахтер спал на диване, повернувшись задом к информационной программе «Вечерний Шадринск».

Пока все складывалось удачно. Хилькевич работал над замком всего минуту, и «сезам» открыл свои сокровища. Ирина, которая до этого стояла «на стрёме», вошла первая и включила фонарик. И слева, и справа шли полуподвальные коридоры. Всего около дюжины дверей. И среди них надо было найти кабинет Носовой.

На связке было три ключа. Один из них — явно сейфовый. А вот два других вполне могут подходить к обычной двери... Они начали с дальнего конца левого коридора. Ирина светила в замочную скважину, а Вадим пробовал оба ключа.

Третья дверь открылась... Это было холодное

помещение с облупившимся светлым кафелем. Вдоль стен — сверкающие шкафы со стеклянными дверцами и столы со столешницами из нержавейки. А в центре — операционный стол, на котором лежало нечто, прикрытое простыней.

— Вадим, это точно не кабинет Носовой.

— Похоже, что так... А кто там на столе лежит?

— Откуда я знаю!.. Но может быть, это и есть Котенков.

— Ты представь, Ирина, был он судьей, потом писателем, а сейчас лежит здесь, как... Пойдем отсюда. Не люблю, когда смертью пахнет...

Они вышли и заперли дверь. Теперь у них оставался один ключ и меньше десяти дверей.

Им повезло — открылась пятая дверь. И это действительно был кабинет — со шкафом, с письменным столом, с сейфом и цветком на подоконнике.

Замок сейфа тихо лязгнул, а вот дверь открылась с ужасным скрипом. Возможно, днем среди уличного шума этот звук не был бы так заметен, но в ночной тиши сейфовые петли лязгали, как танки на Курской дуге... Такой скрежет мог разбудить кого угодно. Даже вахтера, спавшего в соседней комнате... И он его разбудил!

Пуля лежала в открытой коробочке на самом

видном месте. Вадим схватил ее, подложил похожую из тех, что дал ему Кузькин, закрыл и запер сейф. И в этот момент где-то хлопнула дверь. Стало ясно, что в коридор вышел проснувшийся вахтер. Обычно это хилые мужики, но им выдают безотказные наганы!

Ирина рванулась к двери и ножкой стула заклинила ее. Так они делали еще в школе, когда запирались в классе...

Хилькевич уже работал у окна. Он, как вандал, сбросил с подоконника цветок и торопливо отпирал шпингалеты. А вахтер начал дергать за ручку и стучать в дверь. И при этом он не очень цензурно ругался.

«Налетчики» уже вылезали через полуподвальное окно, когда послышался грозный крик сторожа: «Сдавайтесь! Руки вверх! Стреляю на поражение...»

Вадим с Ириной мчались к машине, а за их спиной звучали выстрелы из револьвера системы «Наган»... И чувствовалось, как рикошетят от замка пули, как крошится дерево старой двери и как дрожит стул, висящий на хлипкой ручке...

* * *

Кузькин услышал стук в дверь — три коротких и два длинных. Он открыл, выслушал торопливый рассказ Хилькевича, взял у него ключи и вернулся к Даше Носовой. Она уже начала шевелиться.

Ключи вернулись в ее сумочку, а Лев присел на диван и стал говорить ласковые слова... Дарья улыбнулась и открыла глаза.

— Что это со мной было?.. Это я от вина отключилась. Давно не пила.

— А когда ты последний раз целовалась?

— Давно не пила и давно не целовалась. Вот меня и разморило... И долго я спала?

— Пять минут!.. Или семь... Влюбленные часов не наблюдают!

— Так уж и влюбленный?.. Что-то мне ужинать расхотелось. Давай, Лев, спать ложиться... Тебе отдельно стелить?

— Я даже и не знаю. Тут такой интимный вопрос...

— Так вместе или врозь?

— Ты, Дарья, хозяйка! Тебе и решать.

— Тогда, значит, вместе...

Где-то в час ночи их разбудил звонок... Сонная

Даша взяла трубку.

Звонил сам Малько. Прежде всего он спросил о ключах от сейфа. Дарья проверила и сообщила, что они все время были в ее сумке. И тогда полковник сообщил о налете на ее кабинет, о разбитой двери, о стрельбе. А в последний момент Павел Иванович сказал, что храброго вахтера увезли на «скорой» с сердечным приступом. И последнее:

— Надо бы, товарищ Носова, срочно приехать в морг. Хотелось бы все проверить в вашем столе, в шкафу, в сейфе... Зачем-то он полез к вам! И именно к вам...

— А до утра это не подождет?

— Нет! Это вопрос жизни и смерти! Надо ковать железо, пока оно тепленькое... Жду вас немедленно!

Дарья с тоской посмотрела на кровать... Впервые за многие годы она решилась провести ночь с мужчиной. Можно сказать, с любимым человеком!.. И вдруг из-за ночного грабителя такой облом!

К двум часам ночи под присмотром Малько Дарья в кабинете перебрала все свои вещи — все было на месте. Перед закрытием сейфа она положила на место коробочку с пулей. Но потом взяла ее и начала рассматривать чуть смятый

кусочек меди.

— Товарищ полковник, это не та пуля. Похожая, но не та... На той по ободу была четкая гравировка. Я точно помню! Четко читалось слово «Месть»...

* * *

При первой встрече Малько вручил всем свои визитки. И сыщики, как и положено в таких случаях, вручили полковнику свои карточки, в которых были номера мобильных телефонов, доступных в Шадринске... Сегодня утром Малько обзвонил всех! Взволнованным голосом он просил каждого приехать в полдень на пристань. А оттуда он повезет группу Муромцева на рыбалку.

На сборы оставалось всего полтора часа. И дела начали с обсуждения этих странных звонков начальника УВД. Нормальные люди приглашают на рыбалку под вечер. Днем нет клева! И у самой рыбалки не тот антураж. Хорошо, когда луна, когда искры над костром, когда дружеские тосты и откровенные разговоры... Но самое главное, все согласились, что Павел Иванович был не просто взволнован, а находился в каком-то шоке, в ступоре... Что его выбило из колеи? Вряд ли вчерашний эпизод в морге...

В УВД был отличный катер. Он мог спокойно вместить и десять человек, и даже больше. А река Верба в районе Шадринска была полноводна и широка. Это не Яуза, не Клязьма и даже не Москва-река. Это что-то вроде Оки в районе Коломны.

Отплывали в спешке и в суматохе. Малько сразу заскочил в каюту и не высовывался, пока корабль не вышел на середину реки.

Рыбалкой должен был руководить улыбчивый бородач, который представился кличкой «Боцман». Это потом стало ясно, что у него есть майорское звание, и формально он служит в местной ГАИ.

Боцман стоял у штурвала и весело отвечал на вопросы по теме охота-рыбалка. Стало ясно, что у него есть охотничий домик на той стороне реки, что выше по течению бродят кабаны, что в заводях стоят сазаны, а в омутах — сомы в пуд весом...

Шадринск остался далеко за кормой, а после поворота реки и совсем исчез. Когда они причалили, Малько приказал Боцману ловить рыбу, а сам увел всех в рубленый дом. Здесь, вдали от города, он перестал нервничать и начал внятно соображать.

— Садитесь все за стол... Прошлый раз, ребята, я не очень правильно с вами разговаривал. Мне нужна ваша помощь... Очень нужна!

Дальше Малько начал рассказывать, что произошло с ним в последние часы. Ему позвонили ночью. Очень не хотелось просыпаться. Он долго не брал трубку, но потом рывком рванулся к тумбочке и дотянулся до телефона. Но в этот момент звякнуло разбитое оконное стекло, вспучилась подушка и из нее вверх полетели пух и пыль. Несмотря на сонное состояние, реакция у полковника была отличная. За доли секунды он понял, что это снайперский выстрел — попали туда, где секунду назад лежала его голова. Малько сделал еще один рывок и скатился за кровать.

Теперь его не было видно из окна, а значит, можно поговорить по телефону. Звонил дежурный. Он сообщил, что пять минут назад было совершено нападение на морг.

Удивительно, но полковник нашел пулю, которая предназначалась ему. Она прорвала подушку, прошила матрац и застряла в ковре. Пуля почти не деформировалась, и на ней свободно читалось слово «Месть».

Потом Малько рассказал о ночной поездке в морг, о вызове туда Дарьи Носовой, о подмене

пули, извлеченной из Котенкова...

Последние слова полковник обращал только к Муромцеву, как к старшему группы:

— Спасите меня!.. Это группа мстителей, и они охотятся за мной... Сначала убили Аллу, потом Игоря, а теперь моя очередь.

— Я не понял, почему вы решили, что это группа.

— Их несколько человек, Муромцев! Я их вычислил. Налет на морг был за пять минут до выстрела в меня. Так?.. А между нами — пятнадцать верст! Этот мститель не Фигаро, чтоб быть и тут, и там... Их трое, или больше... Кто-то стрелял в меня, а двое были в морге.

— Но вы кого-то подозреваете?

— Еще вчера подозревал одного типа. А сегодня подозреваю всех!.. Вы слышали о нашем местном маньяке?

— Тот, который двадцать лет назад? Котенков его судил, а Алла Бакунина писала статьи?

— Да, Муромцев, это Дмитрий Асадов... Так вот, в этом деле я был следователем. Значит — я первая скрипка.

— Скажите, Павел Иванович, а этот Асадов действительно был маньяком? Он был виноват?

— Нет, Муромцев, он был не совсем виноват.

— Как это?

— Асадов совсем не виноват! Меня попросили, и пришлось подтянуть улики... У любого следователя таких случаев — пруд пруди!

— А кто вас просил?

— Не важно, Муромцев! Важно то, что Асадов в лагере погиб. Мне только вчера об этом сообщили... У нас с Котенковым десятки врагов. И Бакунина за эти годы многократно писала о Шадринске. «Мстителей» — предостаточно!.. Муромцев, прошу, придумай, как меня спасти.

— Мы подумаем... Павел Иванович, вы посидите, а мы погуляем, посовещаемся.

— Нет! Это вы сидите и обсуждайте, а я по окрестностям погуляю.

Нельзя сказать, что Малько вел себя подобострастно. Но он не смотрелся полковником в компании майоров и капитанов. Он вел себя как младший лейтенант. Он вскочил и быстрым шагом покинул комнату. Через окно было видно, что он пошел к реке. Но не туда, где рыбачил Боцман, а к березовой роще у причала...

Среди берез Малько немного успокоился. Он почему-то вспомнил, как в студенческие годы гулял с девушками по лесу, как обнимал их и тихо читал Есенина... Он подошел к дереву, при-

жался к стволу и начал вспоминать подходящие строчки. Но память переклинило — в голову назойливо лезла лишь одна фраза: «...как жену чужую, обнимал березку...»

Выстрела он не слышал. Но рядом с ухом задрожал и загудел ствол дерева. Малько отпрянул от березы и сразу увидел в белой коре идеально круглое пулевое отверстие. Пять сантиметров левее, и эта дырка была бы в его голове.

Полковник пригнулся, присел и рванулся к реке. Судя по всему, в него стреляли из ореховой рощи. Оттуда совсем не видна пристань, но Малько бежал зигзагами, путая следы.

Через минуту он уже запускал двигатель яхты...

* * *

Редактор «Народного дела» Семен Резников пытался изобразить злость, но это ему не удавалось. Он предвкушал успех и всенародную популярность. Таких сенсаций за всю жизнь журналиста — одна, две и обчелся!.. Но многое зависит от этого лохматого увальня, который стоит у дверей с понурой головой... Этот Зоркий совсем слепой! Он не умеет ловить удачу за хвост.

— Проходи поближе, Рихард. Садись к столу.

Нечего дверь подпирать.

— Ничего, Семен. Я так постою.

— Ну, как знаешь. Была бы честь предложена... Твои статьи по убийству Бакуниной сделаны нормально. Но мне сорока на хвосте принесла, что у нас работают сыщики из Москвы. И они связывают с этим делом смерть Котенкова... Так, товарищ Рихард?

— Так! Я это знаю. Я даже знаком с московскими сыщиками. Но пока из этических соображений не даю все сведения в печать.

— Из этических соображений?!.. Думай, что говоришь! В нашей профессии — нет морали и нет этики! Ты должен душу заложить ради нескольких строчек в газете... Короче! Ты знаешь, что три часа назад похитили нашего начальника УВД?

— Кто похитил?

— Слабо соображаешь, Рихард... Бандиты его похитили!

— Где?

— Прямо в лесу... Малько был на рыбалке. Его скрутили, погрузили в служебный катер и вывезли в неизвестном направлении... Во — сюжет!

— Да, просто дикий Запад.

— Хуже!.. Что стоишь, Рихард? Беги к своим сыщикам, собирай материал. И — пиши, пиши,

пиши!.. Завтра — вся первая полоса твоя...

* * *

Малько вел свою старую «Ниву» по заросшим лесным дорогам. Он был в шоке и каждую минуту повторял фразу из «Чапаева»: «Врешь! Не возьмешь...»

Оснований для шока было более чем достаточно! Два покушения в одни сутки — это явный перебор. Как-то день не задался...

«Нива» шла тяжело. Она была нагружена полезным товаром выше крыши. Матрац, одеяла, подушку, теплую одежду, посуду — все это он взял дома. В магазине пришлось покупать лишь свечи, еду и всякое питье.

Малько ехал в свой тайный «блиндаж», в свою берлогу... Пять лет назад на него напала хандра. Предстоял отпуск, а полковник не хотел даже думать о санатории или о других культурных местах отдыха. И тогда он погрузил в эту же «Ниву» палатку, инструменты, припасы — и поехал в дремучий лес... За месяц Малько избавился от своей меланхолии, самолично построил у ручья приличную хибару — покруче, чем у Робинзона Крузо.

Берлога Малько располагалась всего в трид-

цати километрах севернее Шадринска. Но об этой лесной сторожке не знал никто. Или почти никто... Несколько раз полковник использовал точку как место интимных встреч под шашлык. Женщины сюда приезжали разные, но все были взволнованы и даже возбуждены. Вряд ли они запомнили эти лесные дороги...

Малько подъехал вплотную к сторожке. Уже начало темнеть. Надо зажечь керосиновую лампу и начать выгрузку.

А вечером можно спокойно подумать, просматривая документы. Полковник прихватил с собой несколько старых дел, включая три тома следствия по «маньяку». Вчера ему подтвердили — бывший учитель Дмитрий Асадов точно погиб на лесоповале. Это видели двадцать зэков и пять охранников. Хоть и есть у Асадова повод для мести, но это не он!

Нет! Пока москвичи не поймают «мстителя», Малько носа не высунет из леса. Лучше здесь зимовать, чем ехать в Шадринск под прицел снайпера...

* * *

Группа Муромцева вместе с местными криминалистами до вечера работала в окрестностях

охотничьего домика. Если Малько действительно похитили, то кто, как и каким образом... А утром московских сыщиков срочно вызвали в прокуратуру Шадринска, в кабинет самого Юрия Савушкина.

В приемной секретарь городского прокурора вскочил, открывая перед ними дверь. В кабинете их ждала странная картина: за центральным столом сидел генерал Вершков, слева — полковник Потемкин, а справа — абсолютно лысый и грузный мужчина. Это был, вероятно, хозяин кабинета, прокурор Савушкин.

Появление Вершкова в Шадринске было неожиданным. Можно было ожидать генеральского разноса, и Муромцев вышел вперед, защищая своих бойцов.

— Готов доложить, товарищ генерал!..

— Не надо! Я в курсе дел... Два дня назад под вашим носом застрелили Котенкова, а вчера из-под вашего носа выкрали начальника УВД. Такой вот результат вашей работы... И это при том, что вы должны расследовать убийство в Москве, а не в Шадринске.

— Но эти события связаны...

— Знаю! Слышал, что Бакунина и Котенков застрелены из одного пистолета. Но при чем

здесь Малько?

И тут на передний план вышел Кузькин, в руках которого была тяжелая сумка. Он вытащил оттуда часть березового ствола и поставил этот сувенир перед Вершковым.

— Это что такое, Кузькин?

— Это бревно... В смысле, полено. Спил березы с застрявшей уликой... Вот здесь дырка от пули. В натуре она была на высоте метр семьдесят два. Точно там, где затылок Малько... Вы поняли, товарищ генерал?

— Ничего не понял. Но очень интересно... Продолжай, Кузькин.

— Короче, Малько стоял около этой березы. И вдруг «бах»! Привет из ореховой рощи!.. «Мститель» стрелял, как в тире, с тридцати метров.

— И что дальше?

— Это вопрос, товарищ генерал... Или Малько свалился в обморок и его уволокли на катер... Или он сам сбежал!

— Как это, Кузькин?

— Очень просто, товарищ генерал... Я думаю, что после выстрела Малько пригнулся «низенько-низенько» и побежал на катер.

Вершков подтащил полено поближе, осмотрел входное отверстие и поковырял в нем пальцем.

Потом он перевернул бревно — еще одной дырки не было.

— Так это что получается, Кузькин, пуля еще там?

— Там, товарищ генерал!.. Мы прямо здесь полено вскроем! Это если прокурор не будет возражать...

Городской прокурор Савушкин что-то промямлил, но Кузькин его не слушал. Он водрузил полено в центр кабинета, вытащил из сумки топор, размахнулся и рубанул!.. Потом еще раз и еще... После третьего удара чурбак раскололся в нужном месте и обнажил пулю в середине ствола.

Кузькин поднял обрубок, ковырнул из него пулю, присмотрелся и торжественно положил медную улику перед Вершковым.

— Читайте, товарищ генерал... Пулька немного примялась, но свободно читается по ободу слово «Месть».

— Да, что-то такое можно разобрать... С этим все ясно! Вы доказали, что убийство Бакуниной связано с Шадринском, что убийца вчера был здесь и стрелял в березу.

— Не в березу. Он стрелял в затылок Малько.

— Какая, Кузькин, разница... Вы, ребята, сади-

тесь к столу... Ты, Муромцев, хотел доложить? Докладывай!.. У вас есть подозреваемый?

— Есть наметки, Тимур Аркадьевич... Всё крутится вокруг старого дела о шадринском маньяке Асадове. Дело было липовым, но Бакунина писала разоблачительные статьи, Малько формировал улики, а Котенков судил... «Мстителем» может быть или сам Асадов, если он не погиб в лагере, или кто-то из его друзей.

— Ясно... А скажи мне, Муромцев, ты полагаешь, что будут еще трупы?

— Могут быть!.. Я вот хотел спросить прокурора. Юрий Иванович, а кто поддерживал обвинение по делу Асадова? Этот человек в опасности... Вы его знаете?

— Знаю...

— Кто это?

— Это я!

* * *

В Шадринске было три адвокатских конторы — две в центре города и одна на отшибе, в Заречном районе. Естественно, что первые две имели денежных клиентов, а последняя прозябала на копеечных делах.

Шеф «Зареченского адвокатского бюро» Эдуард

Парнас во всем винил судьбу и свой пятый пункт. Он давно уже ждал везения. Ему представлялось, что вдруг появится дело, победив в котором, он прогремит на всю Россию. И даже на некоторые страны СНГ.

Эдуард Борисович сегодня отпустил свою секретаршу. Это плохо! Придется самому готовить кофе для важного гостя — сотрудника «Народного дела» Рихарда Зоркого.

Статьи этого журналиста Парнас читал, но знаком с ним не был. А сотрудник главной шадринской газеты — это фигура! При желании он может так раскрутить зареченского адвоката, что он выйдет на первое место в городе и снимет офис на Соборной площади. Вдруг этот Зоркий и есть его фортуна — удача, которую так долго ждал Эдуард Борисович?..

Рихард пришел ровно в пять. Было видно, что он очень озабочен. Похоже, что сегодня он провел уже несколько важных встреч, и адвокат — одна из них.

— Эдуард Борисович, вы хотите вести дело о похищении Малько?

— Очень хочу!.. А его уже похитили?

— Да! Начальник УВД исчез вчера. Официально все молчат, но у меня все ходы-выходы. Я устрою

вам это громкое дело. И вообще — я раскручу вашу контору в газете... Хотите?

— Очень хочу, господин Зоркий!.. А чем я за это буду платить?

— Правдой!.. Немного информации — и вы в шоколаде... Согласны, Эдуард Борисович?

— И вы еще спрашиваете?.. Считайте, что я ваше справочное бюро. Ваш вопрос — мой ответ... Кофейку не хотите?

— Не откажусь...

Пришлось сделать маленький перерыв, поскольку Парнас совсем не умел готовить кофе. Теоретически он знал, что зерна надо молоть и заваривать, но практически это был темный лес.

Пришлось Рихарду провести мастер-класс! Он приготовил литр кофе тремя разными способами. И только после этого продолжилась их беседа.

— Эдуард Борисович, это вы защищали маньяка Асадова?

— Я!.. Но когда это было? Страшно вспомнить!

— Это было липовое дело!

— Скажу вам честно, Рихард, это было сплошное надувательство. Это было юридическое жульничество... Я бы мог блестяще выиграть процесс. Но я проиграл дело!

— Почему?

— Мне стыдно признаться, но я испугался. Тогда мне было столько лет, как вам сейчас. И ко мне пришел большой человек, инструктор горкома партии. Он сказал: «Есть мнение, что Асадова надо наказать. Защищайте его, но без лишнего усердия...» И я испугался! Мне мама всегда говорила: «Ты еврей, Эдик! Нам нельзя ссориться с начальством. Иначе они нас скушают...»

Парнас резко замолчал. Он понял, что сказал много лишнего. Если журналист напишет все дословно, то адвокат будет выглядеть бледно — жалкий трус и предатель своего клиента... Надо как-то разрулить ситуацию.

— Послушайте, Рихард! Я понял ваш интерес. Я много знаю по этому поводу. Но вы обещайте не использовать мою откровенность в обратном смысле... Я делаю хорошо вам, а вы мне!

— Я вам это обещаю, Эдуард Борисович... Я даже клянусь!

— Я верю... Так вот, раз Асадов не преступник, то значит, что где-то был настоящий маньяк... Логично?

— Очень логично.

— Слушайте сюда, Рихард... Перед судом ко мне приходила очень молодая дама, которая лично видела настоящего маньяка. И это, понятно, не

Асадов... Она была бы идеальным свидетелем защиты.

— И что дальше?

— А ничего... Как сейчас говорят, этой девушке сделали предложение, от которого она не смогла отказаться. Ее перевели в Москву, в министерство. Мало того, в столице этой фифочке дали квартиру... Вот, Рихард, ее адрес.

— А имя у нее красивое — Тамара...

* * *

Вершков даже не ночевал в Шадринске. Он улетел, но обещал прислать подарки. Утром Кузькину пришлось тащиться в аэропорт. И было бы за чем!.. Генерал переслал три легких современных бронежилета. В записке Вершков сообщал, что прежде всего надо защитить прокурора Савушкина. А другие жилеты — для других «мишеней» киллера...

Приказы генерала надо выполнять быстро!.. Муромцев решил поехать к Савушкину вместе с Ириной. Вся процедура могла занять не больше получаса. Трехэтажное здание городской прокуратуры было совсем рядом, в старом районе, где теснились усадьбы с мансардами и палисадниками.

В кабинете прокурора сразу бросилась в глаза перестановка. Юрий Иванович перенес свой стол подальше от окна. И это правильно!

По общей атмосфере и по каменному лицу Савушкина чувствовалось, что его испуг еще не прошел. Еще бы! Когда тебя называют очередной жертвой киллера, тут и у героя затрясутся поджилки...

Ирина попыталась разрядить обстановку. Она начала суетиться и кокетливо щебетать, чего раньше за ней не замечалось.

— А мы к вам, Юрий Иванович, с подарочком. Генерал Вершков из Москвы прислал... Очень полезная вещица!

— Что это?

— Жилет... Если точнее — бронежилет. Легкий и элегантный.

— Понятно... Значит, и в Москве считают, что моя жизнь в опасности?

— Нет, это так, для страховки... Вы примерьте, Юрий Иванович.

Савушкин встал и вдоль дальней стены подошел к Ирине. Он осторожно взял у нее жилет, нацепил на себя, застегнул и осторожно пошел к большому зеркалу.

Дело в том, что старинное резное трюмо распо-

лагалось между окнами. Но тяжелый бронежилет придавал уверенности. Покрутившись у зеркала, прокурор подошел к окну и храбро раздернул шторы, впуская в кабинет солнечный свет...

Выстрела никто не услышал! И стекло не разбилось. Оно только звякнуло и треснуло. И в это же мгновение мощная сила отбросила Савушкина от окна. Он отлетел на метр, упал спиной на длинный стол для совещаний и проскользил по нему до самой стены.

Муромцев выхватил пистолет и бросился к окну. В двадцати метрах через улицу была видна крыша, по которой бежал некто в черном. Павел вскинул «Макаров», намереваясь стрелять прямо через два оконных стекла. Но киллер уже скатился на крышу соседней одноэтажки и пропал из виду.

Дежурный по прокуратуре долго не отвечал. А когда Ирина сообщила ему о происшествии, то он замолчал, не зная, что делать. И он был прав — сейчас поздно что-либо делать! Киллер ушел капитально.

А в это время Муромцев осматривал прокурора. Похоже, тот отделался шоком и синяком в центре груди... Савушкин был в сознании. Он попеременно повторял две фразы: «Спрячьте меня

где-нибудь... Передайте «Большое спасибо» генералу Вершкову... Спрячьте меня где-нибудь...»

* * *

Уже на второй день оперативники УВД нашли продавщицу, которая видела Малько через два часа после «похищения». Она запомнила его по нервозности и странному набору товаров. Полковник сумками закупал консервы, крупы, чай и водку... Из этого факта следовал простой вывод: Малько не крали. Он сам сбежал и залег на дно. Вот только где его берлога?

Кузькин все утро вел допросы сотрудников УВД. Вернее, сотрудниц. Интуиция подсказала Льву, что если у Малько есть тайное пристанище, то он вполне мог не выдержать и пригласить туда лейтенанта или майора в юбке.

Уже все знали, что шеф исчез. И женщинам даже не надо было задавать вопросы. Они выкладывали свои версии по всем направлениям. К полудню у Льва был точный список «подозрительных» личностей, с кем у Малько были особые отношения. И первой в этом списке стояла сотрудница архива капитан Евгения Злобина. Ее Кузькин вызвал во второй раз.

— Вы, Женя, не понимаете всей сложности обстановки... Из-за Малько все как на иголках сидят! Это просто тихий ужас!.. А вы не осознали глубину ответственности.

— Я все осознала, товарищ Кузькин... Да, я сознаюсь, что Павел Иванович относился ко мне с особым интересом. Но сплетен про нас намного больше, чем было на самом деле.

— Так, Евгения, попались! Значит, что-то все-таки было! А прошлый раз говорили: «Ничего не было».

— Я говорила, что не было ничего серьезного... У нас было-то всего три раза. Вы мне верите?

— Верю, Женя! Верю... Но нужны подробности: когда, где, как?

— А муж?

— А мы ему не скажем. Клянусь честью!.. Вспоминайте, Женя.

— Так... Началось это в апреле. Он стал чаще заходить ко мне и намекать про это. А в мае в конце рабочего дня пригласил к себе в кабинет с отчетом. Ну, тут и началось это самое...

— Ясно!

— А потом через неделю еще раз пригласил... А в конце мая сказал, что организует пикник для двоих. Сказал, что у него есть берлога в лесу, что

на природе очень романтично...

— Так, Евгения! А ты стеснялась... «Берлога» — это то, что нам надо!.. Где она?

— Не помню, товарищ Кузькин... Все, что было в лесу, отлично помню. А вот дорогу — смутно... Но если я поеду вместе с вами, то могу вспомнить!

— Вас понял, Евгения. Спасибо вам. Мы завтра утром и поедем... А как же муж?

— А мы ему не скажем!

* * *

«Мститель», судя по всем его действиям, был очень настойчивой личностью. Можно было не сомневаться, что, начав стрелять в прокурора Савушкина, он успешно завершит свое черное дело. Не завтра, так послезавтра!

Было решено тайно вывезти Юрия Ивановича и поселить в домике на озере Круглое. На исторические раскопки местные жители не приезжали. Не те времена!.. Да и сама дачка, предоставленная профессором Бэром, находилась на отшибе. Если не отходить от нее далеко, то тут можно долго скрываться. Как Ленин в Разливе...

По дороге Савушкин начал откровенничать. Он сидел с Ириной на заднем сиденье черной «Волги» и выкладывал ей, как спасительнице,

многие интересные детали.

— Послушайте, Ирина, я знаю, кто убил Бакунину и Котенкова!.. Скажу вам под большим секретом — у него был сын!

— У кого?

— У Дмитрия Асадова.

— У маньяка?

— Нет, Ирочка! Он такой же маньяк, как я или вы... Он был полностью невиновен. Но он был очень удобной для всех фигурой.

— Почему?

— Объясняю... Очень давно он чуть не исключил из комсомола Аллу и Игорька Котенкова. И те, естественно, имели на него зуб... А другим это было тоже выгодно — Малько сразу раскрывал громкое дело, а Бакунина сочиняла яркие статьи против члена бюро горкома.

— А вам, Юрий Иванович, зачем надо было поддерживать липовое обвинение?

— А меня, Ирина, попросил уважаемый человек — Фирсов Николай Петрович.

— Мэр?

— Это сейчас он мэр. А тогда был секретарем горкома... Я думаю, что он и Малько просил повесить все на Асадова. И с Котенковым он беседовал, и с другими.

— Я не пойму, Юрий Иванович, а зачем это надо было Фирсову?

— Я не выяснял, Ирочка, но Малько мне намекнул, что все это из-за сына мэра... Сейчас он известный в городе человек — Феликс Фирсов.

Потом Савушкин замолчал и стал смотреть на дорогу. Ирина не хотела его торопить, боясь спугнуть воспоминания. Она была уверена, что он не сможет молчать.

До Круглого озера оставалось три километра. И Савушкин заговорил:

— А Фирсов обрадовался, когда Асадова посадили на двадцать лет. Он всех наградил! И Малько, и его оперативников, и Котенкова, и свидетелей...

— А вас?

— Да, Ира. Каюсь, но и я выиграл от этой подлости... Через месяц после суда жену Асадова затравили, и она отравилась. А вот что случилось с его сыном — не знаю. Парнем занимался Малько... Помню, что звали его Василий.

— И сколько ему лет?

— Тогда было десять, а сейчас тридцать... Если это он мстит, то молодец! Поступает как граф Монтекристо... Но вы поймайте его! Очень не хочется умирать.

И прокурор Савушкин опять замолчал...

Когда «Волга» подъехала к домику, солнце зашло за горизонт, и как-то сразу стемнело. Совсем рядом послышались крики, смех и старинные песни. На Круглом озере творилось что-то невообразимое. Прямо у воды горели костры. В центре поляны был воткнут шест с черепом лошади наверху. А рядом какие-то огородные чучела с ритуальными масками. Но самое поразительное было в облике студентов.

Сорок человек были одеты в белые рубища, холщовые рубахи до колен. У ребят одежда была покороче, но они были в портках, а у девушек и их не было. И вся эта современная молодежь прыгала через костры, молилась истуканам, бросала в воду венки, орала хоровые песни времен гусляра Садко.

Профессор Бэр шел к «Волге» быстрым шагом. За ним бежал молодой мужчина в очках. Оба были в восторге и в возбуждении от славянского шабаша. Оба были в холщовых рубахах и таких же «бермудах».

Профессор не просто улыбался. Он искрился от доброты и радушия.

— Приветствую вас, друзья... Особенно рад видеть вас, Ирина Романовна... А мы вот решили студентам устроить праздник.

— Замечательно, профессор! Очень увлекательно. Чувствуется дух Древней Руси.

— Именно так!.. Все это придумал мой коллега. Знакомьтесь — доцент Фрибус Иван Францевич.

Доценту было не больше тридцати. У него была безликая внешность и какие-то наивные беспомощные глаза. Он был похож на ученого из старых фильмов... Он скромно поздоровался и отошел в сторону. А Бэр продолжил беседу с Багровой.

— Я, Ирина Романовна, предлагаю подключиться к нашему празднику. Один прыжок через костер, и все как рукой снимет.

— Что снимет?

— Все!.. Грусть, печаль, грехи всякие... Ирина, познакомьте меня со своим спутником.

— Это Савушкин Юрий Иванович... Он юрист.

— Вот вчера нам нужен был юрист! Представляете — угнали нашу моторную лодку... А сегодня днем нашли. И где? На реке Вербе.

— Как это? Перевезли?

— Нет, Ирина!.. Оказывается, наше Круглое — не совсем озеро. Там вдали, где камыши, есть протоки, переходящие в речную заводь... Кто-то увел нашу моторку, поплавал по реке и бросил.

* * *

Не было никакой уверенности, что архивист Женя Зотова найдет тот сарай в лесу, куда ее возил Малько. И не было уверенности, что полковник скрывается там, а не в какой-то другой «берлоге». Именно поэтому Кузькин никого с собой не взял — ни Муромцева, ни оперативников из УВД, ни бойцов ОМОНа. Они поехали только вдвоем — он и Евгения.

Зотова имела отличную зрительную память. Она внимательно смотрела на дорогу и в нужных местах сообщала Кузькину: «Вот за этой будкой мы повернули налево... Прямо в роще будет правый поворот на лесную дорогу... Осторожно — впереди овраг...»

В какой-то момент Женя попросила ехать тише. Она и сама перешла на шепот. Было ясно, что, по ее представлению, они приближаются к бункеру Малько.

Дорога кончилась уже давно. Кузькин вел машину по лесу, лавируя между соснами. Евгения подняла вверх руку, призывая к осторожности. Потом она дала отмашку, и Лев затормозил.

Они оставили машину и пошли, стараясь не говорить громко и не наступать на сухие ветки.

Вскоре послышался явный запах костра. Пахло не просто дымом, а еще каким-то варевом — супчиком с тушенкой, картошкой и лавровым листом. Когда появился силуэт сарая, Кузькин вытащил пистолет и приказал пригнуться.

На последних метрах они передвигались короткими перебежками, прячась за кустами. Совсем неожиданно в кустах возникла «Нива» Малько, костер на полянке и сам полковник, стоявший спиной и наблюдавший за котелком с похлебкой.

На всякий случай Кузькин не стал прятать пистолет. Он подошел на три метра и окликнул Малько.

— Далеко забрались, Павел Иванович...

— Нашли-таки!.. Никуда от вас не спрятаться... Не зря говорят, что в Москве лучшие сыщики.

— Да, мы такие... Угостили бы супом, полковник. Аромат от него обалденный!

— Садитесь. На троих хватит... Думал на вечер оставить, но вы же меня в Шадринск повезете?

— Зачем так мрачно — «повезете»... Нет! Мы просто поедем вместе. Но сначала поговорим...

Говорить они начали после обеда, когда Евгения ушла к ручью мыть посуду. У Малько не пропал страх перед «Мстителем», и возвращаться

в город он не хотел. Полковник, как в американских фильмах, предложил сделку. Он готов сотрудничать со следствием, но...

— Ты пойми меня правильно, Кузькин. Нельзя мне возвращаться в Шадринск. На меня идет охота с двух сторон. И «Мститель» — это, скорее всего, сын Асадова. И настоящий убийца двадцатилетней давности. Он совсем не маньяк. И он не один...

— Кто это?

— Вот ты сначала спрячь меня, Кузькин... Если я успокоюсь и поверю в свою безопасность, то выдам тебе и убийцу Бакуниной, и того старого маньяка... Он сейчас в городе.

* * *

За последнюю неделю Рихард второй раз приезжал в Москву. Первый приезд был связан с убийством землячки Аллы Бакуниной. А сейчас он искал некую Тамару Водкину — свидетельницу по делу о «шадринском маньяке». Если не соврал адвокат Парнас, то Тамара видела маньяка и запомнила его.

Очевидно, фамилия дается человеку не просто так. Рихард Зоркий нашел ее на рабочем месте. Водкина была хозяйкой магазина, торгующего

спиртными напитками. Ей было всего тридцать пять или чуть больше. А значит, во времена маньяка она была ровесницей тех несчастных девочек — жертв убийцы.

С самого начала разговор не клеился. Тамара отрицала почти все — даже то, что она жила когда-то в Шадринске. Но профессия журналиста очень похожа на ремесло оперативника, вербующего свою агентуру. Надо внушить объекту полное доверие. Надо создать атмосферу, чтоб человек сам захотел завербоваться...

Рихарду удалось очень многое, но не все.

Тамара созналась, что видела маньяка, и даже не одного.

— Их было трое. Они меня поймали, и я сразу впала в транс — не сопротивлялась, а хихикала, как дурочка... И даже очень правильно делала. Начала бы кричать — они бы меня прибили. А так они сделали свое дело, расслабились, а я раз — и убежала в темноту...

— Вы узнали кого-нибудь? Это не Асадов?

— Конечно, не он!.. Я только одного из тех ребят узнала. И опять мне повезло. Его отец в московский институт меня определил, квартиру сделал... Потом вот с работой помог.

— Так кто это?

— Хитрый ты, Рихард! Так я тебе и сказала!.. Мне человек добро сделал, а я его предать должна?.. Вот тебе кто про меня сказал?

— А я, Тамара, не скрываю. Мне дал твой адрес адвокат Парнас.

— Вот и иди к своему Парнасу!

Больше Водкина ничего не сказала. К ней в кабинет пришли люди, и она отвлеклась, ругая поставщиков своей продукции, потребителей и всех остальных, которые непьющие...

Уже поздно вечером, лежа в кровати, Тамара набрала телефонный номер с кодом города Шадринска.

— Николай Петрович, ко мне приходил журналист Зоркий из «Народного дела». Он все выспрашивал о вашем сыне... Нет, не конкретно о Феликсе, а вообще о том известном вам эпизоде. Но я ничего ему не сказала. Молчала, как партизанка... А Зоркий прокололся! Он сказал, что мой адрес ему дал адвокат Парнас...

* * *

Мэр Шадринска Фирсов уже двадцать лет жил с этой бедой. Когда весь город гудел известиями о маньяке, Николай Петрович знал имена преступников. Следователь Малько сразу вышел на

след этих отморозков. Трое молодых шалопаев, у которых играли гормоны и которые считали, что им все позволено. Двоих вполне можно было посадить или даже подвести под «вышку». Но третьим в этой компании был Феликс Фирсов... Это сын! Его надо было спасти в любом случае!

За двадцать лет рана зажила, и мэра не мучили кошмары или угрызения. Но после убийства Бакуниной появилась тревога. А когда застрелили Котенкова, мудрый Николай Фирсов понял, что какой-то Монтекристо начал охоту.

Странно, но мэр не испугался такого поворота событий, а даже обрадовался. Последние годы Фирсов постоянно чувствовал приближающуюся старость. Вся жизнь шла по укатанной колее. Все вокруг было тихим и пресным. Не хватало драйва! Хотелось остроты и живинки...

После звонка Тамары пришлось срочно вызвать сына вместе с теми двумя. Мэр знал о них все, помогал пробиваться наверх, но старался не встречаться. Вот и сейчас он дал команду охране:

— Скоро приедет Феликс. А с ним, возможно, Долидзе и Грязнов... Сына сразу пропустите, а эти двое пусть подождут. Я приму их позже. Или потом...

Николай Фирсов был прагматиком. Зачем тратить нервы, если это не ведет к полезному результату?.. Серьезный разговор с сыном у него был, но давно — двадцать лет назад. А потом они не говорили об этом эпизоде. Ни слова о его разгульной жизни, ни слова об убитых девушках, ни слова о загубленной семье Асадовых...

Но теперь уже нельзя было молчать! Теперь надо защищаться... Мэр подошел к окну и долго смотрел на площадку перед входом.

Три машины подкатили к зданию мэрии и четко развернулись, как на параде. Первым ехал Феликс. За ним Гурген Долидзе — владелец трех ресторанов в городе. А замыкал колонну Илья Грязнов — хозяин местного пивного заводика. Если смотреть из окна второго этажа, то все трое выглядели очень представительно. Три бизнесмена приехали решать свои вопросы с руководством города.

Николай Петрович резким движением задернул штору, отошел от окна, сел в свое шикарное кресло и стал ждать.

Сын вошел тихо. По телефонному разговору он понял, что назревает скандал. А еще было странным то, что отец пригласил Илью с Гургеном. До сих пор он делал вид, что их не существует.

Конечно, Феликс Фирсов за эти годы немного остепенился. Появилась семья, подросли дети, и бизнес оказался увлекательной игрой. Но в глазах его сохранялось напряжение — злость на всех и зависть ко всем. Мэр общался с сыном регулярно, но не часто. Эти встречи не приносили ему радости.

— Ну что, сын, доигрался?.. Двадцать лет я контролировал процесс, и вдруг как прорвало!

— Ты имеешь в виду убийство этой журналистки? И этого, который судья?

— Да, погибли Бакунина и Котенков!.. Только мог бы запомнить их фамилии. В свое время эти люди спасли тебя!

— Как это?

— А вот так, сынок!.. Это Алла придумала свалить все на Асадова. И с уликами она помогла. А Котенков осудил невиновного... Но сейчас не о них речь! Позвонила Тамара — свидетельница, которую вы втроем... Ну, та, которую я тогда купил. Так вот, она сказала, что тобой стал интересоваться наш журналист Рихард Зоркий.

— Знаю такого! Хороший парень.

— Дурак ты, Феликс!.. Я знаю, что часть информации о вас Рихарду дал адвокат Парнас. Он первый в очереди... Но я думаю, что мог прого-

вориться и Савушкин. Прокурор большой трус и слишком честный для такого дела. Он каждый год ноет, что, мол, совесть его замучила и всякое такое... Савушкин звонил мне утром. Он в домике на Круглом озере. В том, который поближе к раскопкам.

— И что же ты будешь делать?

— Это не я буду делать! Это вы должны постараться... Пошалили детки двадцать лет назад — теперь разгребайте...

— Мы, отец, готовы! Ты только скажи.

— Друзья твои пришли?

— Да! Их бы надо позвать. А то они внизу ждут.

— Подождут!.. Этот твой Гурген, кажется, в спецназе служил? Он еще не разучился с динамитом работать?..

* * *

Гурген служил не просто в спецназе. Это была какая-то очень секретная часть, где готовили диверсантов для работы в горячих точках. Поэтому для бывшего сержанта Долидзе сделать хорошее взрывное устройство было не трудно. Не сложнее, чем приготовить шашлык...

Они решили никого не вмешивать в это дело. Любые помощники — это лишние свидетели!..

Да и первое дело было весьма простым. Адвокат Парнас не прятался за забором с охраной.

Их машины были слишком приметны в старомодном Шадринске. А они старались не бросаться в глаза. Пришлось оставить навороченные иномарки в разных переулках недалеко от конторы Эдуарда Парнаса.

Час назад Илья Грязнов звонил адвокату и просил о встрече на десять вечера. Но беспечный Парнас сообщил, что покинет свой офис ровно в девять — ни минутой раньше, ни секундой позже.

Сейчас было двадцать сорок пять. Все трое были одеты в одежду среднего класса. Даже ниже среднего — какие-то серые куртки и мятые бейсболки. Они разместились в скверике, откуда была видна входная дверь конторы Парнаса. У каждого для конспирации в руках была невскрытая банка с пивом. Если вечером трое мужиков собираются на лавочке, то это не может вызвать подозрения.

Вообще-то эту работу мог сделать один человек. Но они сразу договорились о круговой поруке. Гурген изготовил мину, Илья заложит ее, а Феликс нажмет на кнопку. Все очень справедливо!

По всем криминальным законам, магнитную мину в полкило тротила надо было класть под

автомобиль. Или под танк — заряда хватило бы... Но перед офисом стояло много машин. А Феликс не успел узнать, на каком авто ездит адвокат. Пришлось на ходу менять план...

Илья Грязнов встал и пошел к дому, у входа в который стояла старая бетонная урна с ведром внутри... Он шел, «допивая» остатки пива из большой металлической банки. Рукой Илья придерживал антенные проводки, тянувшиеся из алюминиевого сосуда... Он шел, пошатываясь, и вообще — роль свою играл великолепно. Любой Станиславский четко сказал бы: «Верю!» И был бы прав.

Илья подошел к входу в контору Парнаса, в одно касание аккуратно опустил в урну банку и расправил проводки, свисавшие наружу. Потом поглубже надвинул бейсболку, развернулся и нетрезвым шагом возвратился на лавочку. До девяти вечера оставалось пять минут!

Феликс уже держал руку на кнопке. Но никто не ожидал, что к урне направится бомжиха с мешком. Это была обычная нормальная сборщица алюминиевой тары. Сначала она вытащила на свет божий две маленькие легкие банки, бросила их на асфальт, смяла ногой и отправила в мешок.

Затем она вынула ее — мину!.. Банка была тяжелой, и бомжиха подумала, что нашла клад с монетами. Но ее смущали усики, торчавшие из нестандартной крышки. Она потрясла банку и приложила ее к уху, надеясь услышать приятный звон.

Адвокат оказался очень пунктуальным. Ровно в девять вечера он распахнул дверь офиса и чуть не сшиб странную даму неопределенного возраста. Бомжиха протянула Парнасу пивную банку с проводками и многозначительно сказала:

— Вот оно какое!.. И с усиками... Зачем?

Парнас размышлял две секунды. Больше у него просто не осталось времени.

Когда Феликс нажал на кнопку, до троицы в скверике сразу же долетела яркая вспышка. А через мгновение — грохот взрыва. И уже чуть позже их накрыла волна пыли, в которой летали мелкие ошметки — или от одежды, или от мешка из-под алюминиевых банок...

* * *

Муромцев решил и Малько отвезти на озеро Круглое. Здесь можно было спрятаться без большого риска, поскольку раскопки совсем не интересовали жителей Шадринска.

Все знали, что профессор Бэр никогда не раскопает здесь Трою с кладом Приама. А найдет он ржавый меч, десяток наконечников и сотню черепков... И стоило ли из-за этого лопатить тонны земли?

По дороге к Круглому озеру Малько взглянул на часы и попросил Кузькина, сидевшего впереди:

— Уже девять вечера. Хорошо бы включить «Голос Шадринска»... Неспокойно мне что-то.

Лев включил радио и быстро нашел нужную волну. Первое время диктор говорил о всякой важной ерунде — об оползне на реке Вербе, о пуске нового трамвая, о видах на урожай... Но в конце пятой минуты тон ведущего резко изменился:

— Дорогие слушатели! Нам поступило срочное сообщение о взрыве в Зареченском районе. Есть многочисленные жертвы — не менее двух человек... Взрывное устройство сработало рядом с известной адвокатской конторой Эдуарда Парнаса. Погиб сам адвокат и еще кто-то из его клиентов... Только что в УВД нам сообщили, что принято решение о заведении уголовного дела... И еще — получена важная информация! Сотрудник оперативной бригады сообщил нам, что у сыщиков уже сложились две версии. Первая — это умышленное покушение. Вторая — неумышленное...

Муромцев съехал с дороги, вырулил на поляну и остановился. Все молчали и смотрели на Малько. Первым не выдержал Кузькин:

— Как это понимать, Павел Иванович?.. Парнас — это адвокат Асадова?

— Да, ребята... еще одного взорвали.

— Как вы думаете, Павел Иванович, это сделал «Мститель»?

— Конечно, нет! Этот тип не взрывает. Ему нужен символ мести — меченые пули... Я знаю, кто взрывники. Их трое. Это те самые «маньяки», за которых Асадов пострадал... Двадцать лет назад я их сразу вычислил. Но один из них был сыном Фирсова, первого секретаря горкома.

— Понятно... Кто предложил свалить все на Асадова?

— Алла Бакунина! Она была зла на этого учителя еще со школьных времен...

Они стояли на поляне рядом с пустынным шоссе. Никто не ожидал, но мимо на большой скорости пролетели три иномарки. Малько взглянул на них, присел и сжался в комок.

— Вы их видели?.. По шоссе прошли три машины?

— Нуда? Кажется, черный «БМВ» и две «Вольво».

— Точно, Кузькин... Это машины Феликса Фирсова и его сообщников. Кажется, Ильи Грязнова и третьего типа с грузинской фамилией... Угадайте с трех раз — куда они поехали?

— Зачем угадывать? По карте эта дорога упирается в Круглое озеро... Атам Савушкин...

* * *

Они волновались только первые минуты. Но после взрыва никто за ними не гнался. Казалось, что их вообще никто не видел. Они поняли, что сделали дело первоклассно!.. А это рождало радость, гордость и самоуверенность. Они начали шутить, вспоминая отдельные эпизоды. И действительно, это прикольно: хотели грохнуть только адвоката, а еще прихватили случайную старушку. Вот пусть менты разбираются, на кого покушались...

Еще утром Феликс выяснил в редакции «Народного дела», что журналист Зоркий в Москве. Он вернется лишь завтра утром. И значит, проживет еще одну ночь...

Еще до первого взрыва они решили, что если все пойдет успешно, то они сразу возьмутся за Савушкина. Нехорошо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Машины оставили в роще за триста метров до озера. Они точно знали, что Савушкин живет в крайнем доме, в том, который ближе к раскопкам. Было уже темно, но свет в этом «особняке» еще не зажигали. И это даже хорошо! Можно спокойно подготовиться к встрече объекта. Прокурор сейчас мог веселиться со студентками, или ловить рыбу, или, в худшем случае, спать.

Прячась за кустами, они подошли поближе к домику и залегли между холмиков, поросших ароматной дурманящей травой. Или это полынь, или какая-то белена. Крыльца они не видели. Но это и не нужно.

Илья взял очередную мину, подготовленную Гургеном, и, согнувшись в три погибели, двинулся к фазенде прокурора Савушкина. Долидзе не отличался оригинальностью. И это взрывное устройство он поместил в большую алюминиевую банку. Правда, не от светлого пива, а от темного. Но из крышки так же торчали усики антенн, готовые принять последний сигнал...

Грязнов влез на крыльцо и вежливо постучал. Тишина!..

Он дернул за ручку — дверь и открылась. В домике было пусто и тихо. Не было слышно ни вздохов, ни шорохов, ни храпа.

В темноте трудно найти удобное место для мины. Да и зачем? Как только прокурор включит свет, Феликс сразу нажмет на кнопку. Жахнет так, что от этой дачи только щепки останутся!

Игорь поставил банку на стол в центре комнаты и быстро выскочил на волю. Он обогнул дом и, уже не прячась, побежал к своим. Он не мог заметить, что на крыльцо вполз еще кто-то. И Феликс с Гургеном этого не видели. Они смотрели на окна и ждали, когда Савушкин зажжет свет в своем доме...

* * *

Муромцев вполз на крыльцо. Он знал, что взрывники расположились с другой стороны и не должны его видеть. В маленькой прихожей Павел поднялся во весь рост. Надо было влезть в шкуру Ильи Грязнова. Этот гад пробыл в домике всего девять секунд. Что можно сделать за это время?.. Надо оглядеться и прислушаться — это три секунды!.. До стола в гостиной пять шагов — это еще три секунды... Остается лишь развернуться и бежать!

Павел подошел к столу, на котором одиноко стояла странная пивная банка. Странная она была тем, что из крышки торчали провода. Это

было видно даже в мерцающем лунном свете. Нет, обычные банки не такие!

Рука с трудом подняла алюминиевый сосуд — он оказался тяжелее, чем ожидалось. Сомнений больше не было!

Муромцев выбежал на крыльцо, прижимая к груди пивную банку. Ему пришлось бежать к озеру, а потом лощиной, огибая место, где притаились взрывники. Кузькин догнал его у дороги.

— Ну ты и лось, Паша! Тебя не догнать... А куда бежим?

— Слушай, Лев! Это мина.

— Понял.

— Аккуратно положи ее под «БМВ» и сразу позвони мне. Этот «бумер», кажется, в центре стоит, между двух «Вольво».

— Понял.

— Сразу уводи всех за сто метров от стоянки и готовься к захвату. Как рванет, так начинаем!

— Понял.

— Ты, Лев, видел, где эта троица спряталась?

— А то нет?.. Эти балбесы только думают, что они великие конспираторы. Просто тихий ужас!.. Я пойду, Муромцев, а то вдруг эти отморозки раньше времени нажмут кнопку...

Павел опять пробежал овражком. Недалеко от

крыльца он замер, ожидая звонка... И Кузькин позвонил! Теперь можно идти в домик и зажигать свет. И если взрывник принес в фазенду одну банку «пива», то хорошо. А если под кроватью лежит еще один сосуд?..

Имитируя походку Савушкина, Муромцев поднялся на крыльцо и оставил дверь открытой... Войдя в гостиную, он нащупал выключатель и развернулся лицом к выходу.

Паша безнадежно вздохнул, принял позу спринтера, включил свет и рванулся в сторону озера. Через три секунды он уже лежал, уткнувшись лицом в мокрый песок. И в это мгновенье раздался взрыв. Но на воздух взлетел не домик, а что-то далеко позади него.

Когда Муромцев встал, небо осветили еще две вспышки — это, вероятно, взорвались бензобаки соседних «Вольво»...

Сыщики бежали с разных сторон, но захват бандитов был до смешного прост. Эти три придурка стояли в полный рост и вертели головами, смотря или на целый домик, или на столб огня там, где стояли их машины...

Когда Малько уводил задержанных, появился игривый прокурор Савушкин с группой студенток. Из всех присутствующих он удостоил

вниманием только Ирину Багрову.

— Добрый вечер, Ирочка!.. Мы тут с девочками у костра чай пили, плюшками баловались. А оно как жахнет!.. Что это было? Тунгусский метеорит?

— Что-то вроде метеорита. Только размером поменьше.

— Как ведро?

— Нет... Как пивная банка...

* * *

Фирсов усадил гостей, приказал секретарше приготовить кофе и всякие закуски, а сам нервно ходил вдоль стены, не решаясь начать разговор. Он с трудом подобрал первые слова. Обращался он к Муромцеву, как к человеку из Москвы.

— Я просто раздавлен этим сообщением. Сыну уже под сорок — и на тебе! Хулиган, связался с дурной компанией... Дурацкие шутки с этими петардами.

— Петарды?.. Это вам, Николай Петрович, не мыльная опера! Это качественные взрывные устройства.

— Да... Очень мощные петарды... Я думаю, Павел Ильич, что у мальчика крыша немножко поехала. Переходный период среднего возраста...

Его бы нашим врачам показать — и на два года в санаторий!

— Мы поняли вас, Николай Петрович... Но на этих троих лежит ответственность за старые убийства девушек.

— Это было давно и неправда... Это невозможно доказать!

— Докажем... В Москве живет свидетель Тамара Водкина...

— Я все понял, Павел Ильич. Но моему сыну надо лечиться... Давайте так — вы помогаете мне, а я выдаю вам убийцу Аллы Бакуниной.

В шахматах это называется рокировкой — две важные фигуры поменялись местами. Фирсов сел за председательское кресло, а Муромцев встал и начал ходить вдоль стены. Наконец он ответил:

— Хорошо, Николай Петрович. Пусть психиатрическую экспертизу проводят ваши врачи. А там — как карта ляжет... Так кто у нас «Мститель»?

— Я сам его искал! Я знал, что это сын Асадова, но следы его потерялись...

Следы потерялись потому, что двадцать лет назад Фирсов спешно заметал следы. После самоубийства жены Асадова остался сиротой десятилетний мальчик Вася. Все понимали, что в Шадринске ему жизни не будет.

Фирсов распорядился, и в загсе парню выдали новую метрику — он стал Иваном Ивановым. А потом с инструктором горкома его направили в детский дом куда-то за Урал...

— Я только сегодня узнал его судьбу. Ивана, который Вася Асадов, очень давно усыновили. Причем очень удачно. Его взяла интеллигентная семья из Москвы... И найти его будет легко. Теперь этому парню около тридцати. И фамилия у него редкая — Иван Фрибус.

В кабинете все, кроме Малько, резко встали и подошли к столу Савушкина. Самой эмоциональной оказалась Ирина Багрова.

— Как вы сказали?.. Не может быть!

— Почему не может? У меня все записано... Вот — Фрибус Иван Францевич. А его приемный отец — известный на то время ученый, историк. Даже точнее — археолог... Этого Ивана легко найти в Москве.

— Его надо искать не в Москве. Он на раскопках... На Круглом озере... Там, где сейчас Савушкин!

* * *

Они мчались на пяти машинах. Малько за несколько минут обеспечил и транспорт, и сбор-

ную группу захвата.

Уже подъезжая к Круглому озеру договорились, что командовать операцией будет не начальник УВД, а пришлый майор из Москвы по фамилии Муромцев. Почти всех людей Павел отправил в оцепление. Одного киллера лучше брать вдвоем или втроем. Иначе своих можно перестрелять...

Они шли вдоль озера. Поближе к раскопкам Муромцев и Ирина стали изображать влюбленную парочку. Они больше смотрели друг на друга, чем на дорогу... Кузькин шел первым. Он двигался неторопливо и вразвалочку. Он отдыхал, любуясь природой и студентками, которые во фривольных нарядах искали черепки на раскопе.

— Здорово, девчата!.. Много трудитесь. Пора отдыхать!

— Привет вам!.. А работать полезно. Это еще Дарвин сказал.

— Это что, в смысле превращения в человека? Так вы уже такие красавицы, что просто венец творения. Дальше ехать некуда... А где наш дорогой товарищ Савушкин?

— Это прокурор? Так Юрий Иванович на ту сторону озера пошел. Он рыбачить любит.

— А вас, девчата, он что — не любит?.. Он — шалун.

— Это точно, еще тот шалун! Но с нами — где сядешь, там и слезешь!

— Верю, девушки! Я сам такой... А где ваш начальник, такой красавец? Доцент Фрибус?

— Ой уж — красавец!.. Иван Францевич тоже пошел рыбу ловить. Только что ушел... Да вон он в рощу заходит.

Они бросились бежать, стараясь не привлечь внимания Фрибуса. Войдя в лес, они разбрелись веером.

Вот уже видна поваленная береза у самой воды. На ней примостился Савушкин с тремя самодельными удочками. Сыщики присели и замерли, вслушиваясь в шуршащую тишину леса.

Звуков здесь оказалось больше, чем представлялось на первый взгляд. Постоянно скрипели стволы берез, где-то наверху в ветках свистел ветер, чирикали птахи и звонко звенели цикады.

Кузькину повезло больше других. Слева от него хрустнула ветка, мелькнул силуэт... Иван Фрибус шел к озеру с пистолетом в руке. С пятидесяти метров трудно попасть наверняка, и доцент выходил на линию огня, как в обычном тире — двадцать пять метров.

Очевидно, «Мститель» настроился на Савушкина, а в остальном отключился — ничего не вижу,

ничего не слышу, ничего никому не скажу... Иван не замечал, как кошачьими прыжками его догоняет Лев Кузькин.

Фрибус быстро нашел стрелковую позицию. От него до прокурора препятствий больше не было, а дистанция — не больше двадцати шагов... Он вскинул пистолет и крикнул:

— Савушкин, оглянись!.. Это я — Вася Асадов. Я за тобой пришел...

В конце этой красивой фразы Лев прыгнул! Он кинулся на Фрибуса, как вратарь на мяч, летящий в девятку.

Падая, Иван успел выстрелить. Но пуля ушла куда-то в небо, в белое облако...

Когда Муромцев надевал на Фрибуса наручники, доцент совсем не выглядел сумасшедшим, злым, тупым киллером. Но он был очень раздосадован. Он шепотом в разных сочетаниях повторял три слова:

— Не успел всех... Успел не всех... Не всех успел...

* * *

Эту пресс-конференцию генерал Вершков решил провести сам — без высоких чинов из

Генеральной прокуратуры и смежных силовых структур. Пусть все узнают, кто раскрыл убийство Бакуниной.

Ему предлагали разные залы, но он настоял на том самом, что на Садовом кольце, возле Зубовской площади. Пусть журналисты вспомнят, как они торжествовали здесь десять дней назад. Они специально задавали каверзные вопросы *с* подтекстом: «Все равно не найдете преступника! Вы не сыщики, а лоботрясы, лохи и продажные бестии...» Теперь Вершкову предстояло отыграться. Он с удовольствием ждал этого часа.

В машине он успел просмотреть список журналистов, заявивших об участии во встрече. Где-то в конце значилось имя Рихарда Зоркого... И Вершков понял, как он начнет.

Зал гудел!.. Кто-то пустил слух, что произойдет сенсация, и журналисты выдвигали свои версии. Некоторые «шутники» вбрасывали фантастическую информацию из разряда черного юмора. Например, так: «Это был розыгрыш! Убили не Бакунину, а ее двойника. И сегодня пресс-конференцию проведет настоящая Алла...» Или еще так: «Убийца пойман! Им оказался любовник Аллы — один из министров, из силовиков...»

Когда генерал появился на сцене, в зале момен-

тально замолкли. Сенсацией было уже то, что он вышел один и сел в председательское кресло... Журналисты замерли, ожидая чего-то важного и любопытного. И Вершков начал их удивлять.

— Мне нужен помощник. Я попрошу одного из вас. Я выберу лучшего журналиста, который ищет правду, а не ловит газетных уток... Я прошу на трибуну Рихарда Зоркого из шадринской газеты.

Рихард встал, не зная, что делать. Раздались жидкие аплодисменты, кто-то подтолкнул его в спину, и он пошел.

На сцене Вершков демонстративно и долго жал Зоркому руку, пережидая, пока затихнут вспышки фотокамер. Потом он усадил журналиста, а сам вышел на авансцену.

— Вот он, ваш коллега из шадринского «Народного дела», сразу понял, что убитая Алла Бакунина не только оппозиционер. Она была человеком с большими недостатками и даже со своими скелетами в шкафу... В прямом смысле! В погоне за славой двадцать лет назад Бакунина в Шадринске погубила семью учителя Асадова.

Зал замер, переживая сказанное. Последние дни Бакунину называли борцом за демократию, символом свободы или жертвой реакционных сил. А этот шустрый генерал впрямую назвал ее

убийцей... Журналисты загудели. Кто-то снимал возмущенных коллег, кто-то пытался связаться с редакцией, кто-то наговаривал на диктофон срочную статью...

Генерал поднял руку и громко произнес:

— Тихо, граждане!.. Я понимаю, что о покойных сложно говорить такое. Но вам нужна правда или сладкая водичка?.. А правда в том, что двадцать лет назад Бакунина совершила подлость, без срока давности. И судьба вынесла ей приговор, который обжалованию не подлежит!

Журналисты слушали внимательно. Речь была яркой, но пока это были общие слова... Все ждали интересненького. Были нужны конкретные факты.

— Мы задержали убийцу! Вам будет неприятно узнать, но в этом деле нет никакой политики и тем более нет «Руки Кремля»... Киллер — ученый-археолог Иван Францевич Фрибус. Он же — Василий Асадов... Мне жаль этого человека! Он, конечно, преступник и будет сидеть в тюрьме. Его нельзя простить, но можно понять. Он мстил тем, кто убил его родителей и разрушил его судьбу... Но я чувствую, что вам нужны факты?

Зал одобрительно загудел, собираясь принять конкретную информацию.

— А о фактах вам расскажет Рихард Зоркий... Он полностью в курсе дела! Более того — он принимал участие в некоторых операциях... Главное, что ваш коллега Зоркий не гонялся за популярностью. Рейтинг, конечно, большая сила, но бог не в силе, а в правде!.. Прошу на трибуну, Рихард...

Владимир ЛЕБЕДЕВ

ЗАГАДКА УЗНИКА ЛЬВИНОЙ СКАЛЫ

Кто же такой Будда, то есть «Просветленный», «Пробужденный», как переводится его имя. Где-то на границе северной Индии и Непала жил в 623–544 годах до нашей эры Сиддхартха Гаутама, происходивший, по преданию, из царского рода Шакьев. Поэтому одно из его имен было «Шакья-Муни», то есть «отшельник из Шакьев». Еще молодым царевич отказался от дворцовых развлечений, сытой жизни и отправился на поиски «конца человеческих страданий».

Став странником, Будда много путешествовал по Индии, наблюдал жизнь простых людей и, считается, трижды побывал на Шри-Ланке, оставив даже след ноги на вершине горы Шри Пада, которую еще называют «пик Адама».

Я не знаю, посетил ли Будда крепость Сигирию, но именно буддисты первыми обосновались в этом месте, в пещерах на огромнейшей скале, которая своими размерами и удивительной историей о царе Кашапе поразила мое воображение.

Просто не верится, что я наконец-то оказался

у подножия крепости Сигирия, взметнувшейся над зеленым морем джунглей на гигантском монолите красной скалы. Эту цитадель стремятся увидеть все, кто попадает на Шри-Ланку. Одна из самых ярких достопримечательностей острова, она по достоинству могла бы занять место среди выдающихся чудес света.

Мы проходим по аллеям фонтанного сада, пожалуй, самого старого во всей Азии, разбитого у подножия крепости-дворца. Когда-то здесь прогуливались многочисленные жены короля.

Сингал Абеи, мой переводчик и верный спутник в путешествии по острову, подводит к огромным валунам, где высечены надписи. Они свидетельствуют о том, что в глубокой древности здесь находили приют буддийские монахи.

— Знаете, как появился буддизм на острове? Об этом у сингалов имеется интересная легенда, — начинает эпическим тоном Абеи, — я ее расскажу, чтобы вам было понятно, почему буддизм так быстро распространился по острову.

Мы гуляем по аллеям, и Абеи, знаток истории своего народа, повествует о его обращении в буддизм.

— Ашока, великий правитель Индии, был страстным приверженцем буддизма и послал

на Ланку своего сына Махинду, отличавшегося необыкновенным умом, для обращения сингалов в истинную веру. Прибыв на корабле, Махинда убедился, что большая часть острова объединена в сильное государство царем Деванампиятиссой, правившим сингалами в III веке до нашей эры. Расспросив стражников дворца в столице Анурадхапуре, сын Ашоки узнал, что царь охотится на оленей, и отправился вслед за ним.

Царь находился в нескольких километрах от столицы. Внезапно он заметил необычайно грациозного оленя-сампхара, который в зарослях щипал молодые побеги кустарника. В погоне за оленем Деванампиятисса поднялся на вершину холма и тут вместо сампхара увидел тера-мудреца. Мудрец обратился к царю по имени и задал ему загадку: как отыскать в лесу манговое дерево? Правитель отгадал. «А ты умен, царь», — удовлетворенно произнес Махинда и посвятил его в буддийское братство. А в это время к берегам Шри-Ланки подходил еще один корабль, на котором дочь индийского правителя Сингхамитта везла золотой кувшин. Царь Ашока вдогонку своему сыну, мудрейшему Махинде, решил послать побег священного баньяна (не случайно именуемого на ученой латыни Ficus religiosa),

под которым Будда начал медитировать, открыл «золотую середину», или уход от крайностей в страстях и желаниях, и стал Просветленным. Было это около Бенареса. Сингхамитта посадила побег в кувшин, берегла его как зеницу ока во время плавания и торжественно вручила золотой кувшин жителям Анурадхапуры. По этому поводу состоялась пышная церемония, царь сингалов лично высадил побег в своем саду, где баньян произрастает до сегодняшнего дня, являясь святыней для миллионов буддистов. А поскольку баньян под Бенаресом уже погиб, то саженец в Шри-Ланке остался самым священным из всех известных и почитаемых верующими деревьев.

— Так вот, я скажу, — продолжает Абеи, — передача побега баньяна — это важнейшее событие в истории острова, оказавшее огромное влияние на развитие буддизма.

Мы уже приблизились к подножию цитадели Сигирия. Чудо-крепость с красивейшим дворцовым ансамблем вознеслась на Львиной скале пятнадцать веков назад.

Только подойдя к входу в цитадель, мы сообразили, почему скалу назвали «Львиной». По бокам площадки, открывавшей вход на лестницу, покоились огромные каменные когтистые

лапы. Когда-то вход заслоняла гигантская фигура льва, высеченная в монолите скалы, и попасть на лестницу можно было только через раскрытую пасть царя зверей.

И это была лишь одна из преград на пути во дворец. Скалу окружали рвы с водой и высокие кирпичные стены. Слои земли с них сняли английские археологи, начавшие раскопки в Сигирии в конце XIX века. Несмотря на то что сингалы помогали прорубать дорогу в джунглях, работа шла медленно. На экспедицию нападали дикие животные. Тогда здесь еще водились слоны и даже леопарды. Изматывали приступы малярии, но ученые упорно трудились и сделали много ценных находок, спасая древность от разграбления. В местном музее хранятся, например, удивительные терракотовые скульптурки — настоящие полуобнаженные женские модели, по которым можно изучать моды V века.

Не успеваем мы преодолеть несколько десятков ступеней, как утыкаемся в два громадных обломка скалы; проникнуть между ними можно лишь через узкий проход. Его могли защищать от нападения всего несколько вооруженных воинов.

Видно, крепко боялся своих врагов царь Кашапа, сильно мучила его нечистая совесть, если из

прекрасного дворца он создал такую неприступную крепость и, переехав сюда со всем двором из роскошных дворцов Анурадхапуры, добровольно заточил себя в ней.

Путь на вершину скалы нелегок. Приходится не только подниматься по длинным и коротким лесенкам, одолевая сотни ступеней, но и крепко держаться руками за перила — ветер буквально сбивает с ног. Кепочку, прикрывающую голову от прямых лучей беспощадного солнца, приходится сунуть в карман.

Впереди нас ждет еще одна достопримечательность цитадели — «зеркальная стена». Мы оказываемся в коридоре между нею и скалой, добравшись до помоста на высоте многоэтажного дома. Вероятно, ее возвели, чтобы защитить проход вдоль скалы. Она оштукатурена, как объясняет нам Абеи, сложным составом из извести и гипса, замешенном на меде и яйцах, с добавкой рисовой шелухи. Мастера отполировали до блеска ее внутреннюю поверхность. Для чего? Возможно, чтобы увековечить, по желанию царя, описания великолепных покоев дворца, красоту гаремных наложниц, богатство их нарядов, причесок и украшений. Вязь старых надписей проглядывает сквозь полированную поверх-

ность; рядом автографы посещавших Сигирию, например арабов, которые прибыли на Серендиб (так по-арабски звучит название острова) вместе с Марко Поло. До чего же неисповедимы пути Господни: мы идем по следам великого венецианского путешественника, видим то, что созерцал сам Поло!

Наверняка он больше всего любовался здесь знаменитыми фресками, которые видим и мы, поднявшись еще выше по узкой лесенке, огражденной металлической сеткой. Возможно, фрески хорошо сохранились не только благодаря ровному климату, но и потому, что были защищены от дождя и ветра: художники писали их на внутренних стенах пещер.

Сами художники занимали нижние пещеры, обжитые еще буддийскими монахами. Там живописцы смешивали и растирали яркие растительные краски: желтые, зеленые, оранжевые, красные. Так что краски были долговечные и тоже способствовали сохранению наскальной росписи. Фрески Сигирии, известные во всем мире, — выдающиеся образцы древней сингальской живописи. У них много общего с фресками Аджанты и Эллоры в Индии, хотя эта цейлонская работа, конечно, глубоко самобытна. До сих пор

тайны храмовой и наскальной росписи переходят по наследству в семьях мастеров кисти. Сейчас этим занимается лишь небольшая группа народных художников, называемых «ситтару». Они же расписывают и деревянные маски для обрядовых церемоний. Сюжеты фресок — буддийские предания и легенды, реже — светская тематика.

Необычность фресок Сигирии еще и в том, что на стенах пещер были запечатлены полуобнаженные девушки-наложницы в изысканных нарядах. Они задумчиво смотрели на нас большими глазами из-под длинных ресниц.

— Многих девушек из царского гарема, — показывая на фрески, говорит Абеи, — ожидала печальная участь: надоевших наложниц царь Кашапа сбрасывал со скалы, на которой был устроен бассейн. Сейчас мы туда поднимемся.

Пройдя по нескольким металлическим лесенкам, вмурованным в скальные стены, Абеи садится на камень и вытирает панамкой со лба капли пота.

— Что-то я с вами притомился, — произносит он тихим голосом, смущенно улыбаясь. — Давайте, я расскажу вам историю царя Кашапы. Прежде всего: вы знаете почему он здесь поселился? Ведь

Сигирия задумывалась как дворцовый ансамбль на вершине скалы. В неприступную крепость ее превратил Кашапа.

Он боялся, что престол отца перейдет к его младшему сводному брату Могаллану, мать которого происходила из царской семьи. А мать Кашапы была простолюдинкой. Чтобы упредить такое развитие событий, Кашапа захватил трон и заточил брата в темницу (позже тому удалось бежать в Индию).

От своего отца Дхатусена юный узурпатор потребовал отдать все сокровища. Кашапа был уверен, что властитель Анурадхапуры немало накопил их за долгие годы правления. В ответ Дхатусена предложил сыну отправиться с ним к искусственному огромному водоему. Там у дамбы жил в уединении старый монах, с детства воспитывавший и учивший царя.

Дхатусена обвел рукой гладь водохранилища, указал на старую хижину своего учителя и, повернувшись к сыну, сказал:

«Вот все мои сокровища, накопленные за долгую жизнь».

«Смерть обманщику!» — завопил Кашапа, обращаясь к стражникам. Те схватили царя и замуровали живьем в каменное надгробие его

могилы.

Кашапа захватил трон в 477 году, но уже через семь лет, мучимый совестью и ожиданием возмездия от бежавшего в Индию брата, преследуемый видениями заживо погребенного отца, возвел цитадель на скале и переехал в Сигирию. Но и там отцеубийца не мог найти успокоения, тираня своих подданных. Никакие забавы и развлечения, пиры и наложницы не могли прогнать черные мысли о неотвратимом отмщении. И оно наступило.

Спустя одиннадцать лет добровольного заточения на Львиной скале, ему все же пришлось покинуть неприступное убежище. Гордыня не позволяла ему избежать встречи со своим братом...

Оставив Абеи отдыхать на площадке, я иду на последний приступ вершины. Железные лестницы ведут вверх по почти отвесной скале. Следом, не отставая от меня, поднимаются буддийские монахи. Абеи успел уже перемолвиться с ними и сообщил мне, что это послушники из дальнего монастыря. Для них Сигирия — святое место...

От непрерывного подъема начинают дрожать ноги. Хорошо, что есть перила, можно и опереться на них — передохнуть. Солнце слепит глаза,

по спине текут струйки пота. И вот наконец-то последние ступеньки. Ура! Я на самой вершине.

Свет заливает зеленую площадку, кустарник. Как ни странно, сюда ветром, а то и птицами, занесены земля и семена. А высота-то, высота: не шутка — вершина поднимается на 475 метров над уровнем моря. На верхней площадке заметен фундамент дворца и до сих пор поблескивает водная гладь бассейна. Это здесь резвились наяды из гарема царя Кашапы, и отсюда сбрасывал злодей со скалы не угодивших наложниц.

На такой высоте ветер бьет в лицо, а внизу — тихо, не шелохнутся ветви деревьев. Отсюда видно далеко-далеко. Пожалуй, можно даже рассмотреть ту долину, в которой находится деревня Хабарана. Там встретились воины Кашапы и его брата, прибывшего с войском из Индии.

Братья сражались на боевых слонах. Поединок длился долго: у Кашапы сломался лук, кончились стрелы и у его брата. Но вот слон Кашапы шагнул на край болота, оступился, заревел и повернул назад. Воины царя, увидев, что их предводитель бежит, тоже бросились врассыпную. Кашапа остался один. Надменный и властный, он не перенес бы унижений плена и выбрал единственно приемлемый для своей необузданной натуры

путь: выхватил из ножен меч и перерезал себе горло. В одной из легенд говорится, что Кашапа еще успел поднять меч и угрожающе потрясти им в воздухе.

Так бесславно кончилось царствование Кашапы, хотя после себя, как, впрочем, многие тираны, он оставил удивительный дворец на Львиной скале, одно из чудес «благословенной земли» — Шри-Ланки. Его брат Могаллан стал после победы царем и вернул столицу в Анурадхапуру, а Сигирию вновь отдал монахам, и они там основали монастырь. Поэтому рядом с нами на вершине стоят послушники в оранжевых одеяниях и смотрят, как от подножия скалы уходят вдаль зеленые волны джунглей, скрывая тайну гибели царя-отцеубийцы.

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО ГОРОДА

Золотая лихорадка началась в XVI веке с того, что испанский путешественник Гонсало Фернандес де Овьедо поведал о церемонии посвящения в вожди племени индейцев муисков на озере Гуатавита. Он слышал этот рассказ от аборигенов во время своего пребывания в Южной Америке с 1535 по 1548 год.

Более 300 лет Эльдорадо как магнитом притягивает к себе искателей золота, их даже не останавливает то, что в лучшем случае они теряют свои деньги, а в худшем — жизни.

Посвящение в вожди

Обряд посвящения в правители индейцев муисков проходил у озера Гуатавита. Прежде чем кандидата провозглашали вождем, он несколько месяцев проводил в одиночестве в пещере вдали от озера. Все это время он не должен был употреблять в пищу соль, перец, не имел права выходить из пещеры при дневном свете и обходился без общества женщин. Затем претендент совершал

пеший поход к озеру, предлагал озерному духу дары и вел с ним разговоры. У лагуны озера Гуатавита, где совершался священный обряд, собиралось взрослое население индейцев муисков. Мужчины сооружали из тростника огромный плот. По краям его устанавливали четыре медные чаши, наполненные сухим мхом, изюмом и различными душистыми растениями. Мужчины и женщины украшали себя длинными разноцветными перьями, надевали золотые цепи, причудливые головные уборы, затем садились в лодки и ждали начала обряда.

На плоту в медных чашах раскуривали благовония, что и служило знаком начала обряда посвящения в вожди. В этот момент и на берегу, и на ложах начинали жечь костры до тех пор, пока дым не скрывал собой дневной свет. Несколько мужчин раздевали будущего вождя догола и натирали его золотой пылью до тех пор, пока все его тело не становилось похожим на статуэтку из драгоценного металла. После этого усаживали его на плот, нагруженный золотыми изделиями, который вместе с избранником и четырьмя его помощниками отчаливал от берега. Процессия останавливалась в центре озера, затем вождь и его помощники сбрасывали сокровища с плота

в озеро. Этот процесс занимал не менее часа, потому что золота было очень много. Когда драгоценный груз поглощался водой, нового вождя приветствовали радостными возгласами и музыкой. Так в XVI веке описывали обряд посвящения в вожди племени муисков.

Где находится Эльдорадо?

С тех пор Эльдорадо не дает покоя искателям приключений и наживы. Золотой город ищут по всей Южной Америке: на земле, под землей и под водой. Причем одни кладоискатели считают, что Эльдорадо находится на дне озера Титикака, другие уверяют, что в горах Чили, третьи ищут его в лесах Бразилии. У каждого из золотоискателей свое представление об Эльдорадо.

Чтобы быть поближе к золоту индейцев, испанцы построили на земле муисков город Санта-Фе-де-Богота, откуда в глубь непроходимых джунглей, высоко в горы стали отправляться одна за другой экспедиции. Случалось, что из многочисленного отряда возвращались живыми всего несколько человек. Страшные рассказы вернувшихся лишь ненадолго отрезвляли алчных золотоискателей.

В 1545 году один из подчиненных лейтенан-

та Эрнана Переса де Кесады — прославленного испанского военачальника — подбил его на авантюру. Молодой Лазаро Фонте, услышав легенду о «золотом человеке» с озера Гуатавита, пришел к выводу, что золото со дна озера можно достать, вычерпав воду ведрами. Эта мысль пришлась по душе и его начальнику де Кесаде.

Фонте, собрав сотни солдат и крестьян, принялся за работу. Люди протянулись цепочками от озера к испепеленным солнцем полянам и по 16–20 часов в сутки занимались их «орошением». Работали до изнеможения, так как лентяев секли плетьми, а то и казнили. Через три месяца выяснилось, что уровень воды в озере опустился всего на три метра. Этого было достаточно, чтобы обследовать обнажившиеся берега, но не дно, где, согласно легенде, покоились тонны золота. На обмелевших берегах Гуатавиты было найдено золотых изделий на 4000 песо. Крупная по тем временам сумма. Но она не стоила унесенных жизней.

Как искали золото индейцев

В 1580 году испанский торговец Сепульведа, обосновавшийся в Санта-Фе-де-Боготе, предпринял еще одну попытку достать золото индейцев

со дна Гуатавиты. Он даже построил на берегу озера дом, в котором поселился вместе с семьей, чтобы находиться поближе от работ по добыче золота. Прежде всего он приказал осмотреть дно озера с лодок. Затем 8000 рабочих-индейцев вырыли у берега озера глубокий и широкий котлован, в который в дальнейшем по специальным каналам сливалась озерная вода. Уровень удалось снизить почти на двадцать метров, но земляная переборка, отделявшая котлован от озера, не выдержала давления и обрушилась. В результате потоки воды и обвалившаяся земля похоронили в котловане почти всех рабочих. Эта катастрофа вынудила Сепульведу временно прекратить работы.

Однако в архивах имеются документы, датированные 1586 годом, согласно которым Сепульведа отправил в Мадрид испанскому королю Филиппу II корабль с золотом, а также редкий по величине изумруд. Оказалось, что между ними был заключен договор, по которому негоциант обязался в случае успеха предприятия перечислить определенную часть золота королю.

Среди находок Сепульведы были золотые латы, нагрудные диски весом до 9 килограммов, статуэтки, украшения, драгоценные камни размером

с куриное яйцо.

Получив свою долю золота, торговец решил пустить все состояние на новую попытку обогащения. Эту жадность понять трудно — по словам его близкого друга, Сепульведа был богаче самого короля. Его отговаривали от этой затеи и жена, и друзья, но он был упрям как осел.

Сепульведа сооружал на Гуатавите котлован за котлованом, но их один за другим разрушало водой, а уровень воды в озере не понижался. Гибли люди, а новые рабочие, зная, что их ожидает верная смерть под очередным завалом, отказывались трудиться на обезумевшего золотоискателя. В конце концов Сепульведа подхватил лихорадку и умер, не осуществив своей мечты.

Что нашли на дне озера?

Известный немецкий ученый Александр фон Гумбольдт прибыл на озеро Гуатавита в 1801 году. Он измерил вырытые котлованы, каналы, уровень воды в озере и взял образцы горных пород. Вернувшись в Париж, ученый подсчитал количество золота, находящегося, по его мнению, на дне Гуатавиты. По его расчетам выходило, что за сто лет к озеру совершили паломничество тысяча человек. Каждый из них опускал в воду минимум

пять золотых предметов. Получалось, что на дне находится 500 тысяч золотых предметов на сумму 300 миллионов долларов. На такие деньги тогда можно было купить триста Алясок.

В 1825 году ученый парижского Королевского института господин де ля Кьер исследовал почти все доступные тогда документы, касающиеся озера Гуатавита, и объявил на весь мир, что на дне лежит золота и бриллиантов на сумму 1 миллиард 120 миллионов фунтов стерлингов. На такие деньги тогда можно было купить 1120 Алясок!

В 1898 году была организована кампания по разработке дна озера Гуатавита, которая вскоре передала свои права на поисковые работы одной лондонской фирме. Ответственным за выполнение контракта был назначен британский представитель компании в Колумбии Хартли Ноулз. Он намеревался прорыть тоннель к центру озера и через него откачать воду, построить шлюз, регулирующий отток воды из водоема, и при помощи ртутного экрана определить участки дна с наибольшей концентрацией золота и драгоценных камней.

Несмотря на все трудности, план удалось осуществить. Тоннель прорыли, шлюз установили, воду откачали. Но тут выяснилось, что дно покры-

то трехметровым слоем жидкой глины и извести. В такое болото никто не решился погрузиться. Стояла жаркая погода, а когда через несколько солнечных дней инженеры вновь спустились к озеру, то обнаружили, что дно зацементировалось. Смесь глины и извести блокировала шлюз и уничтожила тоннель. Вода вновь стала наполнять лагуну.

Золото нашли, но немного — всего на сумму 500 фунтов стерлингов — и продали на аукционе «Сотби». Фирма не хотела сдаваться и продолжала работы, но в 1929 году окончательно обанкротилась.

Попытки пробить панцирь из глины и извести над золотым хранилищем предпринимались множество раз. Использовали механические драги, всевозможные буровые установки, пневматические подъемники и многое другое. Но до сих пор из этого ничего не получилось. В 1965 году колумбийское правительство объявило озеро Гуатавита историческим заповедником.

ЧЕРЕП БОГА СМЕРТИ

В музеях мира собраны скульптурные черепа всевозможных форм, от совсем маленьких до натуральной величины. Все они выполнены из разных видов природного кварца, мастерство исполнения характерно для древних камнерезов.

Человеческие искусственные черепа, символ смерти, очень популярная тема в искусстве майя.

Истинное происхождение этих черепов не установлено из-за отсутствия точных археологических сведений. Известно лишь, что все они найдены в Мексике, Центральной и Южной Америке — зоне распространения древних цивилизаций ацтеков, инков и майя. Предположительно черепа имеют тысячелетний возраст, но точно установить дату их создания крайне сложно, так как метода определения возраста кварца пока не существует.

Из чистого кварца сделан найденный в Гватемале череп «Мах». Хрустальный череп, хранящийся в Музее человека в Париже, изображает ацтекского бога смерти. В 1889 году был найден череп «ЕТ»,

который находится в Лондоне, в Британском музее. Он сделан из дымчатого кварца. Кстати, череп «ET» не похож ни на один из черепов представителей рас, обитающих сегодня на планете. У него верхняя челюсть и глазницы имеют совершенно необычную форму. Но поистине одним из самых загадочных является череп «Mitchell-Hedges», который назван так в честь известного ученого Фредерика Митчелла-Хеджеса и его приемной дочери Анны Легюйон Митчелл-Хеджес. Этот череп вызвал множество догадок относительно своего происхождения.

Находка в цитадели майя

Археолог Фредерик А. Митчелл-Хеджес проводил в 1927 году раскопки Лубаантуна — «Города упавших камней», цитадели майя в джунглях Британского Гондураса. С помощью приемной дочери Анны он разбирал остатки массивной стены, рухнувшей на алтарь в одном из храмов. Археолог уже собирался отправиться в свою палатку, как вдруг сквозь отверстия в стене упал луч заходящего солнца, и среди щебня ярко засверкал какой-то предмет. Моментально были забыты усталость и ободранные в кровь пальцы. Неужели золотое украшение? Митчелл-Хеджес

принялся осторожно, по камешку, разбирать завал. Нет, не золото. А куда более ценное — женский череп из полированного хрусталя!

Так археолог описывает находку самого известного и самого красивого хрустального черепа. Череп был очень похож на тот, что приобрел Британский музей. За исключением одной детали: его нижняя челюсть легко двигалась, как у человека.

В книге «Опасность — моя подруга» Митчелл-Хеджес писал, что черепу по меньшей мере 3600 лет: «Как гласит легенда, он использовался Верховным жрецом майя во время эзотерических обрядов. Говорят, что, когда он, глядя на череп, желал кому-то смерти, человек вскоре неизбежно умирал».

После смерти Митчелл-Хеджеса артефакт перешел к его приемной дочери Анне, которая быстро сообразила, что на этом можно заработать. Чтобы отбиться от притязаний других родственников, она стала рассказывать, будто бы сама выкопала хрустальный череп из-под развалин города майя. Дочь Митчелл-Хеджеса показывала его за большие деньги. Поэтому лишь несколько ученых видели и изучали этот череп.

В начале 1970-х годов артефакт осмотрел рестав-

ратор Фрэнк Дорланд, который дал заключение, что хрусталь шлифовали вручную смесью песка и кварцевой крошки. Дорланд считал, что данный череп сделали в Древнем Египте или Вавилоне, а потом привезли в Центральную Америку.

«Можно представить, какой эффект создавал висящий в полутьме над алтарем череп со сверкающими глазницами, двигающий челюстью и изрекающий повеления богов. В нем можно увидеть любые предметы — лица людей, горы, зверей — и плоды собственного воображения в переливчатой игре туманных пятен. Я лично наблюдал эффект, который он оказывает на впечатлительных людей. У одних учащался пульс, другие ощущали различные запахи, а некоторые даже теряли сознание», — утверждал реставратор.

Дорланд передал череп фирме «Хьюлетт-Паккард» для того, чтобы установить, выточен ли он из единого куска или собран из нескольких частей. Эксперты из лаборатории ответили, что череп и подвижная нижняя челюсть сделаны из одного куска кварца. Тут же появилась версия, будто специалисты этой фирмы определили возраст черепа в 12 000 лет. Но на самом деле датировкой они не занимались.

Но есть другая версия появления черепа: Митчелл-Хеджес купил его как будто бы в 1943 году на аукционе «Сотби» за 400 фунтов стерлингов. На аукцион хрустальный череп выставил антиквар Сидни Берни, владевший им с 1933 года.

Археолог Норман Хэммонд, изучавший череп Митчелл-Хеджеса, обнаружил, что отверстия в его нижней части проделаны металлическим сверлом с высокой скоростью вращения. К тому же выводу пришел и профессор Дистельбергер из Музея истории искусств в Вене. А антрополог Джейн Макларен Уолш считает, что ни этот, ни другие известные хрустальные черепа не имеют характерных черт, свойственных скульптурным изображениям, распространенным у ацтеков, майя или их предшественников — тольтеков и миштеков. Узнав об этом мнении антрополога, Анна Митчелл-Хеджес перестала давать череп в руки ученым.

Тайна изготовления шедевров

Сегодня многие ученые пытаются найти ответ на вопрос о происхождении хрустальных черепов и способе их изготовления.

Череп Митчеллов-Хеджесов — это идеально выполненная копия черепа в натуральную вели-

чину, высеченная, как предполагают, из цельного кристалла кварца. Череп весит более 5 килограммов, его высота и ширина приблизительно 12,7 сантиметров, а длина 18 сантиметров. Этот артефакт является анатомически правильной, точной копией человеческого черепа. Внутри кварц довольно неоднороден, видны разные примеси и прожилки. Удивительно, что череп ни разу не треснул — поверхность его совершенно гладкая! Он изучался в калифорнийской кристаллофизической лаборатории. Исследования показали, что череп был выточен без учета молекулярной симметрии кристалла и чрезвычайной хрупкости материала. Это невозможно сделать, не раскрошив кристалл, даже при помощи лазера. Странным является также то, что на черепе нет ни одной микроскопической царапины от инструментов, которыми он был вырезан. В итоге один исследователь заявил: «Эта чертова вещь просто не должна существовать!»

Ученые пришли к выводу, что ни одна из известных современных технологий не может служить основой для создания точной копии человеческого черепа из цельного куска кварца. Они даже отказались от полумиллиона долларов, которые предлагались тому, кто выполнит копию

подобного черепа.

Кварц — исключительно твердый материал. Его прочность не намного отличается от алмаза. Любой резец обязательно оставил бы следы на поверхности. У майя не могло быть специальных приспособлений для обработки. Если изготавливать такой череп вручную, используя песок и воду, ушло бы много лет. Кварц можно расплавить при высоких температурах, но вряд ли для создания черепа применялся этот метод. Может быть, майя использовали какую-то пасту, изготовленную по древнему рецепту? Высказывали предположения, что такая секретная паста содержала сок какого-то редкого растения, который мог разъедать или размягчать кварц.

На этом все варианты, которые можно признать разумными, заканчиваются, и дальше начинаются предположения о каких-то неведомых технологиях, изобретенных учеными древней Атлантиды, а то и вообще внеземных цивилизаций. Одно несомненно, что признают все специалисты, — это необъяснимое мастерство создателей хрустальных черепов.

Магическая сила

Кварц, из которого сделаны все черепа, известен как минерал, который имеет природное свойство усиления электрической энергии. Вследствие того, что наше тело обладает электромагнитным полем, кварц в состоянии усиливать это поле. Поэтому с хрустальными черепами связан ряд необъяснимых феноменов. Многие люди чувствуют прилив энергии, исходящей от них. На некоторых эта энергия оказывает исключительное влияние.

Личные свидетельства людей, которые соприкоснулись с черепом, подтверждали, что он оказывает глубокое воздействие на сознание. Согласно этим показаниям, многие люди пережили необычные состояния сознания. Есть люди, утверждающие, что видят в хрустальной глубине странные образы и даже ощущают исходящую от черепа притягательную силу.

Череп обладает поразительными оптическими свойствами. В его полости и на дне глазных впадин размещены мастерски изготовленные линзы и призмы, позволяющие передавать изображения предметов. Скуловые дуги лица действуют как световые трубки, вроде современных опти-

ческих волокон. Они проводят свет от основания черепа к глазным впадинам, где заканчиваются двумя миниатюрными линзами. Два выступа в основании черепа имеют форму маленьких пирамид.

При направлении светового луча в полость черепа глазные впадины начинают сверкать. Если направить луч света в область носовой полости, череп начинает светиться полностью и вокруг него возникает радужный ореол.

Специалисты предполагают, что череп использовали жрецы майя во время ритуальных церемоний, когда призматические «глаза» фокусировали солнечные лучи, вызывая яркое свечение.

По преданию, когда верховный жрец желал кому-то смерти и использовал магическую силу черепа, то человек всегда погибал. Поэтому его и назвали черепом бога смерти.

Фальшивые артефакты?

Из нескольких известных древних артефактов два знаменитых хрустальных черепа являются позднейшими подделками — так утверждают ученые из Великобритании и США. Свою работу эта группа исследователей опубликовала после

вышедшего на экраны фильма «Индиана Джонс и королевство хрустального черепа», который с успехом прошел и в России, вызвав новую волну интереса к хрустальным артефактам.

Эти таинственные черепа давно являются предметом спора археологов и источником массы современных, бытующих несколько десятилетий легенд, отраженных в книгах и приключенческих фильмах. Считается, что эти необычные вещи изготовили мастера то ли древних ацтеков, то ли майя. Один из таких черепов хранится в Британском музее в Лондоне, а еще один — в Смитсонианском институте в Вашингтоне. Именно эти два экземпляра тщательно исследовала группа ученых из тех же самых учреждений, а также из университетов Кардиффа и Кингстона.

Они использовали электронный микроскоп, рентгеновскую дифракционную спектроскопию и обнаружили, что на британском образце имеются следы от вращающегося круга с абразивом (корунд и алмаз), а на «смитсонианском» — следы карборунда.

Между тем изучение реальных артефактов американских цивилизаций доколумбовой эпохи показывает, что свои изделия ее мастера вытачивали при помощи каменных и деревянных

инструментов. Вращающийся плоский диск вряд ли был им известен. Карборунд же и вовсе вошел в обиход только в XX веке.

Авторы исследования полагают, что череп, хранящийся в Лондоне, был выточен в XIX веке, а американский образец — примерно в 1950-х годах.

Череп, хранящийся в Лондоне, еще в 1881 году был выставлен в лавке парижского антиквара Эжена Бобана и снабжен табличкой «ацтекский хрустальный череп». Его вскоре купила ювелирная фирма Tiffany and Co, а в 1897 году она продала его Британскому музею.

Череп по-прежнему можно обнаружить в Британском музее. Но табличка под ним другая. На ней написано: «Конец XIX века н. э. Первоначально считалось, что он ацтекского происхождения, но новейшие исследования доказали, что он сделан в Европе».

«Хроники Акакора»

Немецкий журналист Карл Брюггер встретился в 1972 году в бразильском городе Манаусе с Татункой Нара, вождем племени уга-монгулала. Вождь отлично говорил по-немецки. Но объяснил, что его мать была дочерью немецкого миссионера, а

отец — местным жителем.

Татунка пересказал Брюггеру «Хронику Акакора» — письменную историю своего племени. В ней сообщалось, что за 13 000 лет до нашей эры на Землю прибыли 130 семей инопланетян в сверкающих золотом кораблях, которые построили среди джунглей пирамиды и подземные убежища. Они научили племя разным ремеслам, дали ему письменность. В джунглях индейцы возвели под руководством пришельцев город Акакор.

Однажды «боги» призвали к себе Ину, вождя уга-монгулала, и сказали: «Мы покидаем вас. Вернемся, если вам будет угрожать опасность. Прими власть и уходи в подземные жилища, чтобы защитить племя от надвигающейся катастрофы». Пришельцы улетели, а через 13 лет разразилась предсказанная ими катастрофа. Был Великий потоп, земля тряслась, холода сменялись палящим зноем. Но индейцы выжили, отсиделись в подземельях. Земля освободилась от окутавшей ее густой пелены, скрывавшей Солнце и Луну.

Существуют ли города пришельцев?

В 1976 году Брюггер в книге «Хроника Акакора» привел названия и местоположение двадцати шести неизвестных городов, таящихся среди

джунглей. Там же дано описание города Акакора, расположенного в верховьях реки Пурус. Город «окружен высокой каменной стеной с тринадцатью воротами, настолько узкими, что в них может пройти лишь один человек». В нем находится Великий храм Солнца, полный рукописей, карт и рисунков, запечатлевших историю Земли, а также хрустальные черепа.

Брюггер и Татунка попытались найти один из городов, но поиски не увенчались успехом, хотя вождь уверял, что лично бывал там.

После выхода книги Брюггера, Татунка несколько лет подряд устраивал экспедиции для желающих попасть в таинственные города. Но ни одна из них почему-то не добиралась до места. В 1979 году вождь заявил, что все-таки сфотографировал город, но затем оказалось, что снимки куда-то исчезли.

В 1980-х годах Татунка продолжал водить любопытных туристов в джунгли, но не все оттуда возвращались. Так исчезли швейцарец Герберт Ваннер, американец Джон Рид, шведка Кристина Хейзер, а вскоре погиб и журналист Карл Брюггер, написавший со слов Татунки книгу «Хроника Акакора».

Кто он, вождь Татунка Нара?

История начала проясняться, когда биографию вождя стали изучать немецкие путешественники Рюдер Неберг и Вольфганг Брог. Они установили, что Татунка не индеец и не вождь, а чистокровный немец — Гюнтер Хаук, сбежавший из Европы в Бразилию в 1967 году, чтобы не попасть в тюрьму. Его бывшая жена не только опознала «вождя» на снимках Брюггера, но и передала в суд документы, которые свидетельствовали, что Хаук занимался в Германии незаконными операциями.

Бразильский антрополог Жоао Америко Перес заявил, что такого племени уга-монгулала вообще не существует.

«Вождь» Татунка Нара попытался скрыться, распустив слухи о своей смерти. Однако в 2003 году его разыскали в Барселоне, где он выдавал себя за психически ненормального. Образ «чокнутого археолога» в фильме «Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа» явно был навеян историей Гюнтера Хаука, провозгласившего себя «вождем».

Таким образом, становится очевидным, что инопланетные города — это чистой воды фан-

тазия. Однако хрустальные черепа все же существуют на самом деле. Профессор Ян Фристоун из Кардиффа, участвовавший в исследованиях, уверен, что хрустальные черепа — это удивительные артефакты, даже если их изготовили в XIX веке.

Кто и зачем их сделал? Данный вопрос остается пока без ответа.

INFO

(390)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06,
(495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала
ООО «Книги «Искателя»
Издатель ООО «Искательпресс»
© «Искательпресс»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-358 88 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

Подписано в печать 27.06.2011. Формат 84×108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4. Лицензия № 06095. Заказ № К-6057

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

.....

Сканирование

и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2026

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ISBN 0130-6634